

17-178

975
ф

106

НАШИ СОСЪДИ

52
164

въ

СК-2

СРЕДНЕЙ АЗИИ.

ХИВА И ТУРКМЕНИЯ.

СЪ БОЛЬНОЮ КАРТОЮ.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ВСЕМИРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

по мѣст., М. 5.

1873.

ВСЕМІРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ,

иллюстрированный журналъ новѣйшихъ путешествій по всѣмъ странамъ Земнаго Шара, географическихъ открытій, этнографическихъ, статистическихъ и астрономическихъ свѣдѣній, выходитъ ежемѣсячно книжками въ десять листовъ. Изданіе продолжается съ 1867 года. Кромѣ мелкихъ статей, касающихся выше названныхъ свѣдѣній, въ журналѣ помѣщаются такіе труды по части путешествій и естествосвѣдѣнія, которые, по окончаніи года, составляютъ цѣлыя сочиненія. Такимъ образомъ въ минувшемъ году между прочимъ подписчики получили, кромѣ разныхъ статей, четыре большія сочиненія, а именно: 1. Швейцарскія Альпы Берленша; 2. Малайскій Архипелагъ Русселя Уэлласа; 3. Западный Суданъ Мажа и наконецъ 4. Земля. Элизе Реклю. Всѣ эти сочиненія, стояція въ отдѣльной продажѣ **12 рублей**, украшены множествомъ рисунковъ, а замѣчательное сочиненіе Реклю, кромѣ того, снабжено хромофотографическими атласамъ, состоящимъ изъ 19 картъ.

Въ теченіе прошедшаго 1873 года подписчики, кромѣ самыхъ разнообразныхъ журнальныхъ статей, найдутъ въ журналѣ слѣдующія замѣчательныя сочиненія: 1. **Дикая Африка.** Путешествіе дю-Шалью; 2. **Корветъ Аскольдъ.** Кругосвѣтное плаваніе русскаго судна, отправившагося въ прошломъ году изъ Кронштадта; 3. **Какъ я отыскалъ Ливингстона** Стэнли. 4. **Океанъ. Атмосфера и Жизнь.** Элизе Реклю; 5. **Описаніе Хивы и Туркменіи.** Съ большою картою ханства и пограничныхъ среднеазіатскихъ русскихъ Генераль-Губернаторствъ. **Путешествіе по Венецуэлѣ.** Аншуна, и проч. Кромѣ того лица, подписавшіяся на журналъ съ Приложеніемъ, получаютъ сочиненіе, стоящее въ отдѣльной продажѣ не менѣе **1-хъ руб.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Петербургѣ съ приложеніемъ безъ доставки 12 р.

съ доставкою 13 р.

Въ другихъ мѣстахъ 13 р. 50 в.

Лица, подписывающіеся на журналъ, получаютъ всѣ книжки, начиная съ январской.

4

1

45.2 20 12-178.

ВСЕМИРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

1 52 164

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца. Въ составъ его входятъ описанія замѣчательныхъ новѣйшихъ путешествій по всѣмъ странамъ Землаго Шара; новѣйшія открытія по части естествовѣдѣнія, географіи, статистики и этнографіи, а также свѣдѣнія обо всѣхъ новѣйшихъ астрономическихъ открытіяхъ.

За исправность доставки редація отвѣчаетъ исключительно въ томъ только случаѣ, если подписка сдѣлана въ самой редакціи, помещающейся въ **Картографическомъ заведеніи Ильмина**, на углу Большой Мастерской и Екатерингофскаго проспекта, домъ г-жи Ильиной, № 11 — 43. Въ этомъ случаѣ редація отвѣтствуетъ передъ своими подписчиками какъ за утрату, такъ и за порчу при почтовой доставкѣ, замѣняя испорченные и утраченные экземпляры новыми, предоставляя самой себѣ, а не подписчикамъ, имѣть дѣло съ почтовымъ вѣдомствомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

Въ Петербургѣ 9 р.

СЪ ДОСТАВКОЮ:

Въ Петербургѣ 10 р.

Въ другіе города 10 р. 50 к.

Независимо отъ того для лицъ, желающихъ, кромѣ журнальныхъ статей, получать въ теченіе года значительныя по своему объему и замѣчательныя по содержанию сочиненія, относящіяся къ предметамъ, входящимъ въ программу журнала, то есть къ путешествіямъ и естествовѣдѣнію, редація будетъ выдавать **Приложенія** къ журналу, которыя, по своему слосу, въ теченіе года составятъ томъ отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ. Каждый изъ такихъ томовъ, по мѣрѣ надобности, будетъ снабженъ картами, чертежами и политипажами или хромофотографіями. Подобный томъ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе четырехъ рублей.

Цѣна за Приложенія назначается 3 р., которые, при подпискѣ на журналъ съ **Приложеніями**, должны быть высланы вмѣстѣ съ подписною суммою за журналъ.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
ВСЕМІРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

З Е М Л Я.

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

СЪ ХРОМОЛИТОГРАФИЧЕСКИМЪ АТЛАСОМЪ ВЪ ТЕКСТЪ.

ЦѢНА 4 Р.; СЪ ПЕР. 5 Р.

Сочиненіе Реклю, пользующееся большою извѣстностью въ цѣлой Европѣ, замѣчательно въ трехъ отношеніяхъ. Во - первыхъ, авторъ, два раза оставившій Францію, употребилъ проведенное имъ въ своего отечества время на путешествіе и изученіе природы среди тѣхъ мѣстъ, гдѣ она проявляетъ свои силы въ наиболѣе обширныхъ размѣрахъ и въ полномъ своемъ разнообразномъ величїи и красотѣ.

Другое достоинство состоитъ въ томъ, что авторъ какъ до составленія своего труда, такъ и во время его составленія, тщательно и добросовѣстно изучалъ всѣ сочиненія, касающіяся физической географїи земнаго шара. Рѣдкое во французѣ свойство — знаніе значительной части европейскихъ языковъ — служило автору большою помощю въ этомъ дѣлѣ, которое исполнено имъ блистательно. Въ его сочиненїи собрана изумительная масса фактовъ: почти каждое явленіе природы, имъ описываемое, подтверждено, кромѣ своихъ собственныхъ наблюденій, указаніемъ на множество сочиненій самаго послѣдняго времени, вышедшихъ на языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, шведскомъ и испанскомъ.

Наконецъ третье достоинство сочиненія состоитъ въ мастерскомъ изложенїи. Оно написано легко, увлекательно и такъ просто, что совершенно удободоступно для всякаго пониманія.

При сочиненїи въ текстѣ приложенъ хорошо исполненный хромо-литографированный атласъ, состоящій изъ 19 картъ.

ОКЕАНЪ, АТМОСФЕРА И ЖИЗНЬ.

Элизе Реклю.

Съ хромолитографіями и рисунками.

ЦѢНА 4 Р.; СЪ ПЕР. 5 Р.

Это сочиненіе, дополняющее предыдущій трудъ, отличается тѣми же самыми достоинствами, какъ и первое. Въ немъ авторъ описываетъ всѣ морскія явленія, какъ-то: теченія въ океанахъ, составъ и всѣ качества морской воды, дѣйствіе производимое океанами на сушу, океаническія волненія и штормы, атмосферическія явленія, выражающіяся въ вѣтрахъ, буряхъ, ураганахъ, смерчахъ и циклонахъ; онъ описываетъ вліяніе атмосферы на климаты, растительную и животную жизнь какъ въ океанахъ, такъ и на сушѣ. Переходя къ описанію жизни на землѣ, авторъ начинаетъ съ проявленія жизниности въ самыхъ мельчайшихъ организмахъ, водящихся какъ въ океанѣ, такъ и на сушѣ, указываетъ на постепенное развитіе жизни и на обстоятельства замедляющія ея проявленія или благоприятствующія ей, и наконецъ доходитъ до жизни человѣка, ярко и живописно рисуя картину міра въ моментъ появленія въ немъ человѣка. Въ заключеніе авторъ посвящаетъ значительную часть своего сочиненія описанію вліянія природы на человѣка и обратно, изложенію историческаго прогресса въ движеніи человѣчества, указывая на результаты его дѣятельности въ усовершенствованіи природы и описывая тѣ гигантскіе труды, которые совершены людьми въ XIX вѣкѣ, какъ-то: прорытіе перешейковъ, проложеніе желѣзныхъ путей среди громадныхъ горъ, осушеніе цѣлыхъ озеръ, сооруженіе гидравлическихъ работъ, проложеніе подводныхъ телеграфовъ и проч. Ко всѣмъ наиболѣе важнымъ отдѣламъ приложены хромолитографическія карты и полтипажи.

ДИКАЯ АФРИКА.

Второе путешествіе дю-Шаллюю.

Съ картою и рисунками.

ЦѢНА 2 Р. 50 К.; СЪ ПЕР. 3 Р.

Авторъ уже слишкомъ хорошо извѣстенъ по первому своему путешествію во внутреннюю Африку, которое было издано на русскомъ языкѣ въ 1871 году и имѣло весьма большой успѣхъ. Описаніе втораго путешествія представляетъ не меньшій интересъ и написано также увлекательно, какъ и первое.

ШВЕЙЦАРСКІЯ АЛЬПЫ

и

АЛЬПИЙСКАЯ ЖИЗНЬ.

БЕРЛЕПША.

СЪ ГРАВЮРАМИ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯМИ.

ЦѢНА 3 Р.; СЪ ПЕР. 3 Р. 50 К.

Содержаніе: Общій характеръ Альпъ. — Обвалъ Росберга и разрушеніе Гольдау. — Гибель путешественниковъ. — Путешествіе среди тумановъ. — Миражъ, производимые въ горахъ туманомъ. — Воздушные выстрѣлы въ горахъ. — Горныя грозы. — Водопады. — Снѣжныя мятели. — Грязные потоки. — Лавины. — Ледники. — Поярама Альпъ. — Высокія вершины. — Замѣчательныя восхожденія на горы. — Дороги, проходы и ущелья. — Страшнопріятныя монастыри. — Альпійское хозяйство. — Опасности сопряженныя съ снѣгокопченіемъ въ горахъ. — Пастушескіе праздники. — Охотничьи походы въ горахъ. — Сельская жизнь. — Нравы швейцарскихъ горцевъ. — Ихъ семейная жизнь и домашняя обстановка. — Сельскія школы и положеніе сельскихъ учителей. — Развлеченія и вечернія сходки. — Жизнь молодежи до брака. — Брачныя и похоронныя церемоніи.

Сочиненіе Берлепша «АЛЬПЫ», съ перваго дня появленія своего на свѣтъ, заслужило общее вниманіе и было встрѣчено самымъ почетнымъ образомъ. Три нѣмецкія изданія быстро слѣдовали одно за другимъ; затѣмъ сочиненіе было переведено на языки: англійскій и французскій, и въ обѣихъ этихъ литературахъ заняло самое почетное мѣсто среди серьезныхъ и въ то же время увлекательныхъ произведеній. И оно дѣйствительно вполне того заслуживаетъ. Авторъ съ рѣдкимъ искусствомъ и полнымъ знаніемъ дѣла, о которомъ пишетъ, представляетъ въ живой картинѣ въ высшей степени интересную страну, гдѣ природа, воздвигнувъ громадныя гранитныя массы, покрытыя вѣчными снѣгами, положила на нее свой особый характеристичный отпечатокъ. Самое бѣглое описаніе швейцарской природы, столь оригинальной и своеобразной, гдѣ одни жители собираютъ роскошную жатву и богатый виноградъ, тогда какъ другіе почти не видятъ лѣта, и проводятъ болѣе полугода среди вихрей и снѣжныхъ мятелей, гдѣ во многихъ мѣстахъ сегодня цвѣтущая деревня — завтра можетъ быть погребена подъ лавиною или снѣжнымъ обваломъ; гдѣ природа создала особый классъ людей — проводниковъ, проводящихъ ученыхъ и туристовъ на снѣжныя вершины черезъ глубокія разсѣлины и мрачныя ледяныя пропасти, — уже не можетъ быть не интересно. Замѣтимъ, что авторъ не увлекся однимъ только описаніемъ природы и ея явленій; онъ не упустилъ изъ виду и человѣка, развивающагося подъ ея вліяніемъ. Читатель, рядомъ съ великолѣпнымъ описаніемъ грандіозныхъ картинъ швейцарской природы, прочтетъ увлекательный разсказъ и о здѣшней жизни и увидитъ его при праздничной и будничной обстановкѣ.

ЖИВОПИСНАЯ ЯПОНІЯ.

Путешествіе Эме Гюмбера.

Большой томъ въ 52 листа обыкновеннаго формата съ картою Японіи
и 132 роскошными рисунками.

ЦѢНА 4 Р. БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ И 5 Р. СЪ ПЕРЕС.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

Вступленіе. — Владѣтельные князья. — Свошеніе европейцевъ съ Японією. Европейскія резиденціи. — Храмы, часовни и бонзы. — Добродушіе народа. — Домашняя жизнь японцевъ. — Школа и семейная жизнь. — Происхожденіе народа. — Мифологія и легенды. — Литература, моды и искусство. — Резиденція бывшаго тайкуна. — Храмы. — Буддизмъ. — Японскіе медики. — Уличная полиція и общественная безопасность. — Гимнасты и борцы. — Театръ и національныя увеселенія. — Жонглеры. — Чайные дома и распутство. — Продажа дѣтей и дѣтубійство. — Проститутки и куртизанки. — Любовныя преступленія. — Празднованіе новаго года. — Последняя революція и новый порядокъ вещей въ Японіи. — Заключеніе.

Сочиненіе это принадлежитъ посланнику швейцарской республики, прошедшему много лѣтъ среди народа, жившаго до послѣдняго времени особенною, совершенно замкнутою жизнью. Авторъ знакомитъ читателя воишь какъ съ государственною, такъ и бытовою жизнью этого въ высшей степени интереснаго народа, который изъ вѣковой неподвижности вдругъ перешелъ, вслѣдствіе столкновенія съ Европою и Америкою, къ новой жизни, начавъ ее также широко, какъ вѣкогда Россія при Петрѣ Великомъ. Не увлекаемый алчностью американцевъ и англичанъ, стремящихся въ Японію и Китай исключительно только съ корыстною цѣлью обогащенія, посредствомъ открытія новыхъ рынковъ своимъ производствамъ, не ослѣбленный высокобѣріемъ относительно даровитаго и трудолюбиваго японскаго народа, Эме Гюмберъ съ полнымъ безпристрастіемъ выставляетъ всѣ хорошія и дурныя качества японцевъ, не щадя въ то же время грубыхъ инстинктовъ европейцевъ, эксплуатирующихъ въ свою пользу этотъ народъ и злоупотребляющихъ своею физическою силою.

Къ богатству содержанія означеннаго сочиненія необходимо присоеди-няетъ еще мастерское изложеніе, съ которымъ авторъ описываетъ все имъ видѣнное, замѣченое и самымъ испытанное.

МАЛАЙСКІИ АРХИПЕЛАГЪ.

Русселя Уэлласа.

Большой томъ въ 40 печатв. листовъ. Съ 32 рисунками.

ЦѢНА 3 Р.; СЪ ПЕРЕС. 3 Р. 50 К.

Содержаніе: Физическая географія Малайскаго архипелага. — Борнео. — Орань-утаны. — Нравы и привычки животнаго. — Жители. — Ихъ характеръ и нравы. — Островъ Ява. — Голландская система управленія. — Богатство и роскошь природы. — Способъ путешествія. — Суматра и жители. — Острова Балл и Лембокъ. — Хитрость и находчивость Лембокскаго раджи. — Тиморь. — Жители и система управленія. — Островъ Целебесъ. — Занятія и образъ жизни жителей. — Подтвержденіе теоріи Дарвина. — Туземные начальники. — Грязные вулканы. — Оригинальныя мѣстные животныя. — Банда, Амбояна и Молукскіе острова. — Политическая экономія голландцевъ. — Землетрясенія. — Отношеніе между невольниками и ихъ господами. — Пѣтушьи бои. — Дешевизна европейскихъ продуктовъ. — Невыгоды развитія промышленности для Англіи. — Домашняя жизнь дикарей. — Страхъ наводимый ширатами. — Новая Гвинея. — Туземцы. — Ихъ дикость и простодушіе. — Муравьи и мухи. — Райскія птицы. — Подводныя землетрясенія. — Наружный видъ туземцевъ. — Умственныя способности и характеръ. — Сравненіе дикости островитянъ Тихаго Океана съ дикостью цивилизованной Англіи.

Сочиненіе это, посвященное Чарльзу Дарвину, автору сочиненія «Происхожденіе видовъ», весьма замѣчательно во многихъ отношеніяхъ. Руссель Уэлласъ посѣтилъ многіе изъ такихъ острововъ Малайскаго архипелага, куда еще ни разу не вступала нога европейца. Употребивъ восемь лѣтъ времени на путешествія по архипелагу, онъ описалъ его съ такою подробностью и изучилъ его съ такою тщательностью, что трудъ его заслужилъ общее вниманіе и былъ награжденъ золотыми медалями двухъ географическихъ обществъ: лондонскаго и парижскаго. Изслѣдуя острова, ихъ жителей и другихъ животныхъ, авторъ ярко рисуетъ весь послѣдовательный ходъ геологическихъ событій, давнихъ нынѣшній видъ архипелагу, сравнительно изучаетъ типы разныхъ животныхъ вмѣстѣ съ человѣкомъ и, на основаніи добытыхъ имъ данныхъ, наглядно рисуетъ картинну тѣхъ измѣненій и превращеній, которыя должны были произойти какъ съ человѣкомъ, такъ и съ другими животными подъ влияніемъ физическихъ причинъ.

Это сочиненіе полно интереса во всѣхъ отношеніяхъ. Специалистъ по части естествознанія найдетъ здѣсь множество свѣдѣній для него новыхъ, въ то же время всякій образованный человѣкъ съ удовольствіемъ прочтетъ картины природы и нравовъ народа почти неизвѣстнаго Малайскаго Архипелага.

СОБРАНИЕ

РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ НОВѢЙШИХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ПО ВСѢМЪ СТРАНАМЪ ЗЕМНАГО ШАРА.

(Отдѣльные томы Всемирнаго Путешественника.)

8 большихъ томовъ, каждый объемомъ въ 50 печатныхъ листовъ обыкновеннаго формата, на роскошной веленовой бумагѣ. Каждый томъ, кромѣ картъ, украшенъ великолѣпными рисунками числомъ до 150 и

ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО.

ЦѢНА ЗА ТОМЪ 4 Р. БЕЗЪ ПЕРЕС. И 5 Р. СЪ ПЕРЕС.

СОДЕРЖАНІЕ КАЖДАГО ТОМА СЛѢДУЮЩЕЕ:

I. Кораблекрушеніе и сцены людоѣдства на островѣ Россель. — Илѣны у Патагонцевъ. — Путешествіе по Персіи. — Путешествіе Беккера во внутреннюю Африку. — Путешествіе въ Дагомею. — Путешествіе на островъ Борнео. — Путешествіе къ мормонамъ.

II. Человѣческія жертвоприношенія въ Индіи. — Путешествіе Слика и Гранта къ источникамъ Нила. — Путешествіе во французскую Гвіану. — Илѣны у туркменцевъ. — Первое и второе путешествіе Линингстона по Африкѣ.

III. Путешествіе Лежана по Абиссиніи. — Путешествіе въ Инду-Китай. — Путешествіе Барта по Африкѣ. — Сѣверныя полярныя экспедиціи.

IV. Полярная экспедиція Кэна и Гайсса. — Путешествіе въ королевство Аву. — Путешествіе Буртона по Африкѣ и Мюльгаузена по землямъ дикихъ индѣйцевъ Сѣверной Америки. — Путешествіе Симонена по Калифорніи и Гохштетера въ Новую Зеландію. — Путешествіе Симонена по Западнымъ штатамъ Сѣверной Америки.

V. Путешествіе въ Триполи. — Путешествіе въ Мессопотамію, Большую Кабилию и въ Морокко. — Путешествіе по Малой Азій. — Пасха и Страстная недѣля въ Рязѣ. — Путешествіе въ Туинсъ и на Мадагаскаръ. — Путешествіе по Святой Землѣ.

VI. Путешествіе русскаго по Алжирин. — Путешествіе въ Китай. — Путешествіе въ Бразилію. — Путешествіе на островъ Исландію. — Прогулка по развалинамъ Помпей. — Путешествіе на островъ Кубу. — Крушеніе на берегахъ Аукленда.

VII. Путешествіе въ Южныя области Индіи. — Посѣщеніе бѣдныхъ кварталовъ Лондона. — Путешествіе по Закавказью. — Двухгодичный плѣнъ въ Абиссиніи. — Американскіе индѣйцы.

VIII. Путешествіе изъ Перу въ Бразилію. — Путешествіе въ Габонъ. — Путь по Южной Америкѣ отъ Атлантическаго океана до Тихаго. — Путешествіе по Датскимъ островамъ. — Путешествіе по Нилу.

Кромѣ поименованныхъ сочиненій, въ каждомъ изъ томовъ находится множество мелкихъ статей, касающихся всѣхъ странъ свѣта; поименованныя же статьи украшены великолѣпными рисунками, исполненными лучшими французскими художниками

ЗАПАДНЫЙ СУДАНЪ.

Путешествіе капитана Мажа. Большой томъ съ картою внутренней Африки и 20 рисунками.

ЦѢНА 2 Р. 50 К., СЪ ПЕРЕС. 3 Р.

СОДЕРЖАНІЕ.

Поводы къ путешествію.—Отъѣздъ изъ Сенегала.—Способъ путешествія.— Охота на бегемотовъ.—Воспоминаніе о Мунго-Паркѣ. Несогласія между проводниками.— Продукты и культура страны.— Музыка.— Встрѣча съ караваномъ невольниковъ.—Визитъ начальника Фарабугу.—Его назойливость.— Са- рапча.— Обычай дикихъ носить кольца въ носу.— Пальмы и ихъ плоды.— Племя бимбарасовъ.—Какъ передаются слухи въ Африкѣ.—Прибытіе къ Ни- геру.— Въѣздъ въ Ямину.— Назойливость мавровъ.— Прогулка на рынокъ.— Костюмъ туземцевъ.— Аудіенція у Ахмаду.—Его жилище.— Наши переговоры.— Гостепримство.— Министры Ахмаду.— Исторія Эль-Гаджи.— Наше пребываніе въ столицѣ Западнаго Судана.— Задержка въ почетномъ плѣну.— Нравы и обычаи туземцевъ.— Празднества.— Погребеніе.— Мусульманское воспитаніе у негровъ.— Походы дикихъ.— Образъ веденія войны и жестокости всякаго рода.— Коварство и вѣроломство.— Грабежи и набѣги.— Избѣженіе плѣнныхъ.— Освобожденіе.— Обратный путь.

Цѣль путешествія автора въ эту дикую страну, въ которой со временъ Мунго-Парка не была нога европейца, заключалась въ намѣреніи французскаго правительства соединить посредствомъ ряда фортовъ и торгова- го пути Сенегаль съ Нигеромъ, то есть внутреннею Африкою. Задача громадная и тѣмъ болѣе трудная, что о Западномъ Суданѣ не было ни- какихъ положительныхъ свѣдѣній. Задача эта выпала на долю капитана фрегата Мажа, который, въ сопровожденіи доктора Кентена, съ весьма ничтожными средствами отправился въ путь. Достигнувъ до Нигера и прибывъ въ столицу правителя Западнаго Судана, Мажъ былъ подѣ- ржанъ разными предлогами задерживаемъ болѣе двухъ лѣтъ, и по необходимости провелъ это время среди дикарей, живя ихъ жизнью и принимая участіе въ ихъ празднествахъ, набѣгахъ и пораженіяхъ. Ведя дневникъ свой изо дня въ день, Мажъ весьма ярко описываетъ нравы дикарей Западнаго Судана, ихъ привычки, обычаи, жестокости и наглядно представляетъ на сколько магометанская религія и вліяніе турокъ способны разжигать одніи только грубыя страсти и дикіе инстинкты первобытнаго народа. Кромѣ описанія, авторъ составилъ карту этой страны и пройденнаго имъ пути какъ изъ Сенегала, такъ и обратно.

ИНДІЯ И ЦЕЙЛОНЪ.

Путешествіе Грандидье. Съ картою и 39-ю рисунками.

ЦѢНА 1 Р. 25 К., СЪ ПЕРЕС. 1 Р. 50 К.

СОДЕРЖАНІЕ:

Калькутта. — Образъ жизни англичанъ въ Индіи. — Сжиганіе труповъ. — Жрецы, священныя животныя и фанатки. — Поземельная собственность въ Индіи. — Голконда. — Царскія гробницы. — Баядерки. — Мадрасъ. — Мѣстные акробаты и укротители змѣй. — Паріи. — Науки въ Индіи. — Секта жангамъ и ея отличіе отъ другихъ сектъ. — Индѣйская свадьба. — Храмы и барельефы. — Индѣйское чудо. — Феномены въ Индіи. — Ганджорскій дворецъ. — Омерзительныя жертвоприношенія. — Обезьяны. — Индѣйскія зрѣлища. — Бой между дикими звѣрями. — Адамовъ мостъ на Цейлонѣ. — Физическія и нравственныя свойства жителей острова Цейлона. — Ихъ одежда, образъ жизни и нравы. — Секта родіевъ. — Рыбы ходящія по сушѣ. — Способъ ловли жемчужныхъ раковинъ. — Трудность занятія водолазовъ. — Чортова пляска. — Культа змѣй. — Мѣстные законы о брабѣ и наследствѣ. — Дикое племя веддаховъ. — Корица на Цейлонѣ. — Городъ Бомбей. — Огнепоклонники. — Ихъ дѣятельность и образъ жизни. — Женскія школы въ Бомбей. — Жители Нильгерійскихъ горъ. — Слоны и охота на нихъ. — Подземные храмы. — Секта душителей. — Ретроспективный взглядъ на судьбы Индіи.

Сочиненіе Грандидье далеко не похоже на тѣ французскія описанія, авторы которыхъ путешествуютъ по мало извѣстнымъ странамъ безъ всякаго предварительнаго съ ними знакомства и, пользуясь недостаткомъ свѣдѣній о странѣ, довольствуются легкими очерками замѣченныхъ ими явленій, при чемъ безъ всякаго разбора и критики сообщаютъ не только видѣнное ими, но даже и то, что слышатъ, хотя бы это слышанное явно противорѣчило дѣйствительности. Грандидье вовсе не принадлежитъ къ разряду этихъ писателей, и трудъ его, кромѣ живаго интереса, увлекательности разсказа и правдивости, заключаетъ въ себѣ еще замѣчательную добросовѣстность. Хорошо знакомый съ Индіею и разнообразнымъ составомъ населенія этой интересной и замѣчательной страны, онъ съ рѣдкою добросовѣстностью анализируетъ каждое явленіе, объясняетъ его начало, ходъ и постепенное развитіе и доводитъ до настоящаго состоянія. Отъ его вниманія не ускользаетъ ни религія Индіи съ ея безчисленными сектами, ни социальный бытъ народа, который, сообразно разнообразности населенія, до крайности разнообразенъ и интересенъ, ни гражданское устройство края, ни поземельные вопросы страны, ни государственное устройство обширнѣйшей андо-британской монархіи. Словомъ, онъ въ своемъ описаніи воспроизводитъ полную картину какъ бытовой, такъ и государственной жизни Индіи, а также и картину страны, ея произведеній, культуру, промышленность, семейный бытъ и наконецъ государственное устройство со всѣми его недостатками.

ЖИЗНЬ НАСѢКОМЫХЪ.

Соч. Луи Фигье. Одинъ томъ въ 34 листа съ 602 рисунками.

ЦѢНА 4 Р. БЕЗЪ ПЕРЕС. И 5 Р. СЪ ПЕРЕС.

Содержаніе: Блоха. — Вошь. — Комарь. — Овода. — Различныя виды клоповъ. — Свѣтящіеся червяки. — Травяная вошь. — Кошениль. — Главнѣйшіе виды дневныхъ и ночныхъ бабочекъ. — Шелковичные черви. — Саранча. — Опустошенія ею производимыя. — Пчелы. — Ихъ нравы и постройки. — Муравьи. — Ихъ нравы и опустошенія ими производимыя. — Жуки.

ЖИЗНЬ РАСТЕНІЙ.

Соч. Луи Фигье. Одинъ томъ въ 31 печати. листъ съ 415 рисунк.

ЦѢНА 4 Р. БЕЗЪ ПЕРЕС. И 5 Р. СЪ ПЕРЕС.

Содержаніе: Органографія и фізіологія растеній. — Корень, стебель и почка. — Вѣтви и листья. — Жизненные явленія растеній и классификація растеній. — Описаніе растеній разныхъ видовъ, произрастающихъ въ сѣверныхъ, утѣренныхъ и тропическихъ странахъ. — Мхи и лишай. — Грибы. — Водоросли. — Папоротники. — Гигантскія деревья.

Оба означенныя сочиненія Фигье изложены вполне популярно и съ такимъ искусствомъ, что послѣднія добытыя наукою свѣдѣнія, нося на себѣ специальный характеръ, въ то же время съ легкостью и интересомъ усваиваются каждымъ образованнымъ человекомъ.

ЧЕЛОВѢКЪ И ЖИВОТНЫЯ.

Артура Манжена.

ЦѢНА 1 Р. 50 К.; СЪ ПЕР. 1 Р. 75 К.

Содержаніе: Что такое человекъ и животное. — Понятіе дикихъ людей о животныхъ. — Человекъ какъ тиранъ и истребитель животныхъ. — Прогрессъ человека какъ слѣдствіе его домашнихъ животныхъ. — Начало прирученія животныхъ. — Прирученіе словенъ и большихъ обезьянъ. — Роль животныхъ въ заблужденіяхъ человѣческаго ума. — Обожаніе крокодиловъ, обезьянъ, жуковъ, змѣй и рыбъ. — Роль животныхъ въ греческой и римской религіяхъ. — Суевѣріе въ средніе вѣка. — Уголовныя преступленія животныхъ. — Охота на животныхъ въ древности, въ средніе вѣка и нынѣ. — Забавы съ животными. — Военныя собаки въ Алжиріи. — Травля звѣрей. — Воспитаніе и обученіе животныхъ.

Содержаніе означеннаго выше сочиненія уже показываетъ съ какихъ сторонъ авторъ разсматриваетъ животныхъ и отношеніе ихъ въ человѣку со времени появленія послѣдняго на землѣ. Эта книга особенно интересна по множеству фактовъ, собранныхъ авторомъ изъ разныхъ источниковъ.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

АЛЬПЫ И ИХЪ ПРИРОДА.

ЧУДИ.

Содержаніе: Горный поясъ.— Богатства его.— Человѣкъ и животныя въ этомъ поясѣ.— Растительность и распредѣленіе животныхъ въ этомъ поясѣ: рыбы, пресмыкающіеся, насѣкомыя, птицы и четвероногія.— Отдѣльныя монографіи животныхъ, водящихся здѣсь.— Общій характеръ альпійскаго пояса.— Самыя возвышенныя долины въ Европѣ.— Альпійская зима.— Растительная и животная жизнь въ Альпійскомъ поясѣ.— Альпійскія птицы.— Королевскій орелъ и соколы.— Дикія козы.— Ихъ нравы и охота за ними.— Знаменитые охотники.— Рысь, лисца, волкъ и медвѣдь.— Ихъ нравы, образъ жизни, охоты и приключенія съ охотниками.— Снѣжный поясъ Альпъ.— Восхожденіе на высочайшія горы.— Самыя возвышенныя обиталища въ Европѣ.— Ледники.— Ихъ цвѣтъ, температура, химическій составъ.— Ихъ движеніе.— Флора и фауна снѣговаго пояса.— Условія животной жизни въ этой полосѣ.— Граница животной жизни.— Птицы и млекопитающія этой полосы.— Домашнія альпійскія животныя.— Альпійское скотоводство.— С.-Готтардскіе быки.— Горные бараны.— Воспитаніе скота въ Швейцаріи.— С.-Бервардскія собаки.— Ихъ подвиги.

Сочиненіе Чуди, извѣстное въ Европѣ какъ классическое произведеніе, врядъ ли нуждается въ подробномъ описаніи всѣхъ его достоинствъ. Уже одно краткое обзорное содержаніе, приведенное выше, показываетъ, что всякій, желающій познакомиться съ характеромъ горныхъ странъ вообще, и въ особенности съ Швейцаріею, не можетъ обойтись безъ этого сочиненія. Если Берленшъ, изучая альпійскую природу, внимательно слѣдилъ за каждымъ явленіемъ въ горахъ и съумѣлъ живыми красками нарисовать не только дѣятельность и характеръ альпійскаго горца, но даже подсмотрѣлъ игру цвѣтовъ въ горахъ, то, въ свою очередь, Чуди, рисуя бытовую картину швейцарца, не упустилъ ни одной черты и другихъ животныхъ, населяющихъ швейцарскія Альпы отъ ихъ подножія до снѣговой вершины. Отъ его внимательнаго изученія и наблюденія не ускользнула ни рыба, живущая въ глубинахъ горныхъ озеръ, ни живущія подъ землею и на землѣ четвероногія, ни парящія въ воздухѣ птицы. У всѣхъ ихъ онъ подмѣтилъ нравы, обычаи, привычки, прослѣдилъ ихъ появленіе на свѣтъ, воспитаніе, образъ жизни, взаимное истребленіе другъ другомъ и наконецъ ихъ смерть. И все это онъ изложилъ съ такою увлекающею простотою и съ такимъ интересомъ, что книга его, живо представляющая альпійскую природу, читается съ необыкновенною легкостью.

ПОДЪ ТРОПИКАМИ.

Странствованія по Венецуэлѣ, по Ориноко, въ Британской Гвианѣ и на Амазонкѣ съ 1848 по 1868 годъ.

Карла Фердинанда Анпуна.

Авторъ въ 1848 году отправился въ это путешествіе по совѣту и съ рекомендаціями Александра Гумбольдта. Въ названныхъ выше мѣстахъ онъ пробылъ двадцать лѣтъ и сдѣлалъ въ это время все, что только возможно для человѣка во время его многолѣтняго путешествія въ цѣлодневскихъ пустыняхъ среди дикихъ племенъ. Искусные очерки южно-американской природы сдѣланы авторомъ съ величайшимъ искусствомъ, а описаніе его свѣтаній, приводившихъ его въ соприкосновеніе со всѣми слоями человѣческаго общества, придаютъ сочиненію кромѣ научнаго интереса величайшую занимательность, которой способствуетъ прекрасное литературное изложеше.

АТМОСФЕРА.

Камилла Фламмаріона. Большой томъ отъ 30 до 40 печат. листовъ.

Содержаніе: Воздушная оболочка земнаго шара.—Какъ далеко вверхъ простирается воздухъ.—Тяжесть воздуха и его составъ.—Какую роль играетъ воздухъ въ отношеніи растений и всѣхъ животныхъ.—Восхождение въ верхніе слои атмосферы.—Что испытываетъ человѣкъ поднимаясь вверхъ на разныя высоты.—Свѣтъ и разныя его явленія.—Радуги, миражи, ложныя солнца и другія метеорологическія явленія.—Падающія звѣзды, аэролиты, болиды и другіе метеоры.—Солнце, его температура.—Времена года.—Проявленіе растительной и животной жизни въ разныя времена года.—Замѣчательныя лѣта по жарѣ зима и по стужѣ.—Разнаго рода вѣтры и послѣдствія, которыя они влекутъ за собою.—Ураганы и бури.—Облака.—Дожди.—Градъ.—Наводненія.—Воздушное электричество.—Громъ и молнія.—Первыя открытія воздушнаго электричества.—Жертвы, заплатившія своею жизнью за это открытіе.—Огни святаго Эльма и блуждающіе огни.—Громоотводы.—Сѣверныя сіянія.—Послѣднія открытія въ метеорологіи.

Имя парижскаго профессора Фламмаріона слишкомъ хорошо извѣстно и не нуждается въ рекомендаціи. Краткое содержаніе его послѣдняго сочиненія, вышедшаго недавно въ Парижѣ, достаточно знакомитъ съ объемомъ изслѣдуемаго имъ предмета; къ этому можно прибавить только то, что оно написано живо и сообщаетъ послѣднія научныя данныя, добытыя путемъ опытовъ и наблюденій и полно самыхъ интересныхъ и любопытныхъ свѣдѣній.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Декабря 1872 г.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», по Мейкѣ, Ж 5.

НАШИ СОСѢДИ

ВЪ

СРЕДНЕЙ АЗІИ.

I.

ХИВА И ТУРКМЕНІЯ.

СЪ БОЛЬНОЮ КАРТОЮ.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ВСЕМІРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по мѣстѣ № 5.

1873.

Дозволено певзуромъ. С.-Петербургъ, 6 Марта 1873 года.

20169.

НАШИ СОСѢДИ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

I.

ТУРКМЕНІЯ *).

ГЛАВА I.

Вступленіе.— Очеркъ постепеннаго утвержденія русскаго владычества въ степи.

Не взирая на малую населенность свою, на бесплодныя и пустыя степи, отдѣляющія торговые пункты Волги и Каспійскаго моря отъ плодоносныхъ оазисовъ, лежащихъ по теченію рѣкъ Сиръ и Аму-Дарья, не смотря на трудность сообщеній нашихъ восточныхъ губерній съ среднеазіатскими владѣніями, обширная территория Средней Азіи имѣетъ для Россіи большую важность. Здѣсь русская сила и цивилизація должны развиваться неуклонно и постоянно, не смотря ни на какія препятствія, откуда бы онѣ ни шли. Весь вопросъ заключается исключительно только во времени. И напрасно вздумалъ бы кто нибудь тому сопротивляться; нѣтъ силы человѣческой, которая бы сдвинула Россію съ того пути, который предназначенъ ей самою природою, географическимъ положеніемъ и естественнымъ порядкомъ вещей. Говоримъ потому «нѣтъ силы человѣческой», что сила вещей всегда выше силы человѣка. Давно

*) Очеркъ распространенія русскаго владычества въ Средней Азіи съ 1847—1862. (Морской Сборникъ 1862 г. № 6).

Средняя Азія. Л. Костенко. 1871 г.

Путешествіе въ Хиву и Туркменію Муравьева въ 1819 г.

Путешествіе въ Бухару Борнса въ 1834 г.

Восточный берегъ Каспійскаго моря. Блазахбергъ (Зап. Р. Геогр. Общ.).

Геогностическій очеркъ восточнаго берега Каспійскаго моря. 1836 г.

Abbot. Narrative of a Journey from Herat to Khiva. 1843 г.

Поѣздка на Мангышлакъ. Иваннѣвъ (От. Зап. 1849).

О туркменскихъ поколѣніяхъ ямудовъ и гокленовъ. (Зап. Рус. Г. Общ.).

Этнографическіе матеріалы по Оренбургскому краю. 1869 г.

Путешествіе въ Хиву и Бухару Вамбери. 1863 г.

О прежнемъ теченіи Аму-Дарья. Ленцъ (Зап. Р. Г. Об.).

Замѣтки о Туркменіи Стебницкаго. 1871 г.

Описаніе путей въ Хивѣ (Зап. Р. Г. О. 1872 г.).

ли было то время, что мы стояли на Уралѣ, отдѣленные на цѣлыя тысячи верстъ отъ тѣхъ язъ среднеазіатскихъ ханствъ, которыя пылѣ составляютъ наши границы? Давно ли было время, что ни правительство, ни общество и не думали о рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, которая теперь находится въ нашихъ рукахъ? Неужели же кто нибудь серьезно можетъ говорить, что все это движеніе впередъ вызвано какою-то алчностью распространенія границъ, протяженіе которыхъ и безъ того уже довольно невыгодно даетъ себя чувствовать? Неужели въ самомъ дѣлѣ для Россіи важно пріобрѣтеніе нѣсколькихъ квадратныхъ миль съ населеніемъ, стоящимъ на весьма не высокой степени цивилизаціи, населеніемъ, которое не можетъ намъ симпатизировать ни по своимъ религіознымъ понятіямъ, ни по своимъ правамъ и обычаямъ? Понятно, если англичане, а въ послѣднее время и нѣмцы стараются объяснить всякое наше движеніе въ Средней Азійи завоевательною политикою; но ни чѣмъ нельзя объяснить, почему нѣкоторая часть русскаго общества смотритъ на этотъ вопросъ съ той же точки зрѣнія и предполагаетъ, что избѣгать движенія въ Средней Азійи зависитъ отъ насъ, а не отъ тысячи другихъ обстоятельствъ, управлять которыми совершенно не въ нашей волѣ. Англичанамъ лучше нежели кому нибудь извѣстно, что въ сношеніяхъ съ Азіею никогда нельзя поручиться за то, гдѣ остановишься, и если въ дѣлѣ постепеннаго завоеванія Индіи значительную долю имѣла торгово-завоевательная политика англичанъ, то почти столько же вліяли и самыя обстоятельства, руководить которыми англичане были уже не въ силахъ.

Здѣсь не мѣсто излагать о тѣхъ обстоятельствахъ и о множествѣ комбинаціи, которыя привели насъ къ теперешнему положенію въ Средней Азійи, и не приводимъ мы ихъ вовсе не потому, чтобы это представляло предметъ затруднительный, а просто потому, что объ этомъ говорилось гораздо больше и гораздо чаще, нежели бы то слѣдовало. И не сами ли мы своею жалобною системою оправданія каждаго шага въ Средней Азійи довели дѣло до того, что англійскіе органы печати какъ бы требуютъ отчета у Россіи за ея дѣйствія въ сосѣднихъ территорияхъ. Но что заговорилъ бы англійскій народъ, если бы русская пресса вдругъ вздумала запросить Англію о ея походѣ въ Кашмиръ или Бутанъ. Конечно, все англійское общество единодушно возмутилось бы этимъ запросомъ, и было бы право.

Въ послѣднее время, впрочемъ, нѣкоторые англійскіе журналы видя невозможность устранить тѣ обстоятельства, которыя создаютъ извѣстный порядокъ событій въ Средней Азійи, успокоились и находятъ,

что Россія иначе и не может дѣйствовать. Полагаемъ, что если мы не должны обращать вниманія на порицанія чужаго государства въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, то вовсе не нуждаемся и въ постороннихъ одобреніяхъ, а будемъ дѣлать то, что найдемъ сообразнымъ съ своими собственными интересами и къ чему вынуждены будемъ силою обстоятельствъ, оцѣнить которыя здраво въ состояніи только мы сами. Какъ похвалы, такъ и порицанія совершенно бесполезны. Мы стояли на Уравѣ, а впереди насъ была цѣлая степь хищныхъ киргизъ, уводившихъ людей съ линіи въ плѣнъ. Очевидно, наше положеніе было невыгодное; однако мы находились въ немъ довольно долго, заслуживая конечно безусловной похвалы за свое самоотверженіе со стороны Англіи. Но вотъ пришло время, когда, въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ, мы нашли нужнымъ измѣнить это положеніе, нашли необходимымъ выдвинуться впередъ, занять Сыръ-Дарью, завести флотилію на Аральскомъ морѣ—и сдѣлали все это, не взирая ни на какія порицанія со стороны Англіи. Уже въ то время были люди, которые говорили, что наши соедѣи Бухарцы и Коканцы рано или поздно своими поступками доведутъ насъ до необходимости выдвинуться далеко впередъ и занять *Ташкентъ*. На такихъ людей въ то время, то есть 20 лѣтъ назадъ, смотрѣли чуть чуть какъ не на сумасшедшихъ, и прямо говорили, что такой шагъ съ нашей стороны повлечетъ за собою войну съ Англіею въ коалиціи съ Европою; а между тѣмъ нынѣ войска наши не только что въ Ташкентѣ, но немножко далѣе—въ Самаркандѣ и Кульдѣ, и англійская пресса спокойно мирится съ этими дѣлами, потому что ничего нельзя сдѣлать противъ силы тѣхъ обстоятельствъ, которыя ведутъ насъ помимо нашей воли и вопреки заранѣе разсчитаннымъ планамъ.

А кто знаетъ впередъ, куда насъ можетъ завести необходимость собственной обороны и торговыхъ интересовъ? Пусть кричитъ кто хочетъ противъ нашихъ движеній въ Хивинское ханство, но мы смѣло можемъ сказать, что ни одобренія, ни порицанія, чьи бы то ни было, не могутъ въ этомъ случаѣ быть нашими руководителями. Единственнымъ судьбою и двигателемъ этого дѣла могутъ быть только наши собственные соображенія, и мы убѣждены, что, не взирая ни на чьи порицанія, русское правительство не допуститъ безнаказанно глумиться надъ собою полудикому хану, томлящему въ неволѣ русскихъ плѣнныхъ, уведенныхъ въ Хиву хищными туркменами или киргизами. И если когда нибудь интересы русскихъ въ Азіи заслуживали вниманія, то, конечно, это въ нынѣшнее время. Съ одной стороны наши азійскія окраины обрѣжены народами мусульманскаго вѣроисповѣданія, среди которыхъ возбужденъ

фанатизмъ, съ другой — въ японцахъ и китайцахъ пробуждается та нервная дѣятельность, которая влечетъ за собою коренныя реформы цѣлаго быта, не имѣвшаяся въ теченіе тысячелѣтій. И если мы не хотимъ увидѣть противъ себя съ одной стороны возбужденныхъ религіознымъ фанатизмомъ, считающихся милліонами, а съ другой — также милліоны народа, усвоившаго себѣ все европейскія нововведенія по части цивилизаціи и военнаго искусства, то должны быть очень внимательны къ азіатскимъ окраинамъ и не ограничиваться полумѣрами, а дѣйствовать энергически, рационально, не обращая вниманія на тѣхъ, для которыхъ это почему нибудь невыгодно.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ будущемъ намъ предстоятъ еще болѣе близкія сношенія съ тою частью Средней Азіи, которая лежитъ между англійскими владѣніями Индіи и нашею теперешнею пограничною чертою. Англійское правительство и пресса сознаютъ вполне неизбежность этого обстоятельства, и уже теперь заботятся о томъ, чтобы придумать какую нибудь комбинацію, при которой такое сосѣдство не отразилось бы невыгоднымъ образомъ на обширныя Индо-британскія владѣнія. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что во всехъ этихъ соображеніяхъ первую роль будетъ играть желаніе какъ можно далѣе отодвинуть Россію отъ Индіи, противопоставляя ей такія политическія комбинаціи, которыя будутъ въ высшей степени выгодны для Англій и невыгодны для Россіи. А такъ какъ среднеазіатскія дѣла несравненно лучше извѣстны Англій чѣмъ Россіи, и такъ какъ государственные люди Англій, отличающіеся большимъ образованіемъ и живымъ сочувствіемъ ко всему, что относится до англійскихъ владѣній, какъ бы далеко эти владѣнія ни находились, зорко слѣдятъ за ними и не допускаютъ никакого ущерба, то очевидно, что намъ придется быть очень осторожными, чтобы не попасть въ ловко разставленныя сѣти и сохранить за собою тѣ выгоды, которыя намъ вполне принадлежатъ по всемъ правамъ. Можно смѣло сказать, что если мы когда нибудь будемъ поставлены въ среднеазіатскихъ дѣлахъ въ невыгодное положеніе, то это произойдетъ не отъ какихъ либо другихъ причинъ, а только вслѣдствіе нашей неумѣлости вести свои собственныя дѣла и равнодушія самого общества, которое только въ самое послѣднее время получило нѣкоторое понятіе о среднеазіатскихъ дѣлахъ. Въ этомъ отношеніи въ Россіи можно замѣтить весьма странный фактъ. Нигдѣ не извѣстно менѣе о Средней Азіи, чѣмъ въ русскомъ обществѣ, а между тѣмъ до самаго послѣдняго времени важныя источники для знакомства съ этою страной, главнымъ образомъ русскіе, и въ то время какъ въ Европѣ никто не имѣлъ по-

лїятїя о Средней Азіи, у насъ уже въ Книгѣ Большаго Чертежа встрѣчаются обстоятельныя свѣдѣнія о рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, объ Аральскомъ (Сивекъ) морѣ, о пескахъ Кара-Кумъ, о горахъ Каратау и проч. Съ тѣхъ поръ Средняя Азія сдѣлалась извѣстна всему міру, и рѣдкій англичанинъ не коротко знакомъ съ нашимъ тамъ положеніемъ, между тѣмъ какъ мы, русскіе, до послѣдняго десятилѣтія знали объ этомъ предметѣ врядъ ли болѣе того, что есть въ Книгѣ Большаго Чертежа. Въ послѣднее десятилѣтіе этотъ предметъ сдѣлался настолько знакомъ русскому обществу, что мы имѣемъ свѣдѣнія о существованіи Кокана, Бухары, Хивы и разныхъ другихъ среднеазіятскихъ владѣній.

Если въ прежнее время за незнаніе можно было обвинять литературу, то теперь этого уже никакъ нельзя сказать, ибо литературныхъ матеріаловъ за послѣднее десятилѣтіе накопилось съ избыткомъ, и для того, кто хотѣлъ бы познакомиться съ Среднею Азіею, пришлось быискать эти матеріалы въ разныхъ изданіяхъ, преимущественно въ спеціальныхъ.

Для облегченія этого труда и въ виду того интереса, какой возбуждаютъ наши послѣднія дѣйствія въ Средней Азіи, мы предпринимаемъ трудъ, историческій, надѣемся, не будетъ совершенно бесполезнымъ. Мы предприняли составить сборникъ, въ который войдутъ описанія всѣхъ среднеазіятскихъ государствъ, лежащихъ на пространствѣ между нашими владѣніями и Англійскою Индіею. Такъ какъ въ настоящее время наши интересы столкнулись съ Хивою, ближайшій путь къ которой отъ Каспійскаго моря идетъ чрезъ Туркменскую степь, гдѣ мы также встрѣчаемъ непріязненныя дѣйствія, то мы и начнемъ наше обозрѣніе съ Туркменскихъ степей. Вообще же порядокъ нами принятый есть слѣдующій:

- I. Туркменія.
- II. Ханство Хивинское.
- III. Ханство Бухарское.
- IV. Ханство Коканское.
- V. Афганистанъ.
- VI. Белуджистанъ.

Въ этихъ очеркахъ читатели найдутъ сгруппированными всѣ данныя, касающіяся географическихъ, статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній и о нашихъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ ханствамъ.

Что касается до достоинствъ этого труда, то мы не имѣемъ ни малѣйшихъ притязаній; мы просто хотимъ дать нашимъ читателямъ возможность для справокъ, которыя въ значительной степени будутъ облегчены вслѣдствіе подробной, приложенной здѣсь карты и указанія

источниковъ для тѣхъ изъ читателей, которые захотятъ поближе познакомиться съ тѣмъ или другимъ ханствомъ.

Наконецъ, мы считаемъ не бесполезнымъ представить въ началѣ краткій очеркъ нашего движенія въ Среднюю Азію, которое началось уже не одно столѣтіе тому назадъ.

Распространеніе Русскаго владычества за Волгу и Уралъ началось въ XVI вѣкѣ, вслѣдъ за паденіемъ царства Казанскаго и Астраханскаго. Но ни внутреннее положеніе Россіи, ни политическія обстоятельства того времени, конечно, не сообщали ни мало важности этому распространенію на востокъ. Съ водареніемъ Михаила Ѳедоровича донскіе казаки, поселившіеся въ XVI вѣкѣ на Яикѣ, приняли подданство Московскаго царства, и вотъ расширеніе Россіи начинается и съ Урала. Въ концѣ того же XVI столѣтія коренные обитатели Оренбургскаго края, башкиры, сами просятъ о построеніи у нихъ русскаго города. Съ появленіемъ городовъ: Уфы, Самары и другихъ власть Россіи надъ Башкиріею, несмотря на безпрестанныя бунты, была укрѣплена.

Петръ Великій былъ первымъ государемъ русскимъ, который, съ свойственною ему проицательностію, помялъ важность и значеніе для Россіи Заволжскаго края. Будучи въ 1722 году въ Астрахани, онъ высказалъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, говоря: «хотя-де она и киргизская орда степной и легкомысленной народъ, токмо де всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ она и орда ключъ и врата».

При Аннѣ Іоанновнѣ русскіе приняли подъ свое покровительство добровольно присягнувшихъ на подданство киргизъ Малой Орды и вслѣдъ за тѣмъ явились наши города Омскъ и Уральскъ и заселенная линия по берегамъ Урала и Уя. Съ этого времени безпрестанныя бунты башкиръ и набѣги киргизъ, да и самая Пугачевщина не могли уже свергнуть русское владычество въ этихъ странахъ, и черезъ сто лѣтъ послѣ мы уже двинулись въ глубь самой Киргизской степи.

За начало распространенія Россіи въ степи слѣдуетъ принять 1833 годъ, когда, для огражденія нашихъ эмбенскихъ рыболовниковъ отъ нападений туркменскихъ морскихъ разбойниковъ, было основано, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, Ново-Александровское укрѣпленіе, перенесенное впослѣдствіи на Мангишлакъ. Затѣмъ, въ 1839 году, передъ хивинскою экспедиціею хотя и были устроены въ степи два укрѣпленія: одно на Эмбѣ, а другое на Акъ-Булакѣ, но оба они имѣли только временное назначеніе, и по окончаніи экспедиціи тотчасъ же были очищены:

Прочное же учрежденіе въ степи и основаніе тамъ постоянныхъ укрѣпленій начато съ 1847 года, когда степь была взволнована мятежнымъ султаномъ Канисарою Касимовымъ. Съ этого времени были построены укрѣпленія: Оренбургское на Тургаѣ, Уральское на Иргизѣ, а въ 1848 Карабутакскій фортъ на притокѣ Иргиза, Карабутаекъ, для облегченія сообщенія степныхъ укрѣпленій съ линіею.

Выдвиженіе наше впередъ значительно успокоило степь, ближайшую къ линіи, но мало имѣло вліянія на киргизъ, кочевавшихъ за Эмбою, на Усть-уртѣ и Сыръ-Дарьѣ. Понятно, что для поддержанія нашего вліянія на среднеазиатскія ханства, для огражденія подвластныхъ намъ киргизъ, кочевавшихъ на Сыръ-Дарьѣ, и для безопасности нашихъ каравановъ, необходимо было утвердиться на Аральскомъ морѣ и на низовьяхъ Сыра, гдѣ хивинцы и коканцы, вопреки всякаго права, построили цѣлый рядъ укрѣпленій, съ цѣлю держать въ страхѣ киргизъ и отягощать ихъ всякаго рода поборами.

Мысль основать укрѣпленный пунктъ съ русскимъ поселеніемъ на Сыръ-Дарьѣ явилась еще въ 1840, году, но не была осуществлена до 1847 года.

1846 году разрѣшено было генералу-отъ-инфантеріи Обручеву, бывшему въ то время оренбургскимъ генераль-губернаторомъ, занять пунктъ на берегу Аральскаго моря. Для этого посланъ былъ генеральнаго штаба капитанъ Шульцъ, которому предписано было выбрать при устьѣ Сыръ-Дарьи удобный для укрѣпленія пунктъ, собрать свѣдѣнія относительно судоходства и рыболовства по рѣкѣ, изслѣдовать фарватеръ рѣки отъ пункта, избраннаго для укрѣпленія, до устья, и, наконецъ собрать свѣдѣнія о выгодахъ или неудобствахъ для заселенія этого пространства.

На избранномъ пунктѣ было заложено, въ 1847 году, Раннское укрѣпленіе, переименованное впоследствии въ Аральское.

Хивинцы не могли равнодушно видѣть утвержденіе нашего владѣчества на Сыръ-Дарьѣ, и потому съ 1847 г. начинаютъ непріязненные противъ насъ дѣйствія.

Затѣмъ хивинцы дѣлали нападенія нѣсколько разъ въ теченіе 1848 года, но постоянно принуждаемые при встрѣчѣ съ нашими отрядами бѣжать, они убѣдились въ своемъ безсиліи и ограничивались предьявленіемъ требованій, чтобы мы уничтожили Аральское и Новоцетровское укрѣпленія.

Съ 1850 года начинаются непріязненные дѣйствія и со стороны коканцевъ, которые, какъ уже сказано, построивъ на низовьяхъ Сыръ-

Дарья укрѣпленія, притѣснили и грабили подвластныхъ намъ киргизъ. Главнымъ образомъ набѣги производилъ акъ-мечетскій бекъ, которому были подчинены всѣ коканскія укрѣпленія, расположенныя на низовьяхъ Сыра. Набѣги сопровождались страшнымъ грабежомъ: такъ въ 1850 году одинъ разъ, верстахъ въ 50 отъ Аральскаго укрѣпленія, коканцы угнали у киргизъ до 26,000 головъ скота; другой разъ до 30,000 головъ. Не смотря на то, что слѣдующемъ 1851 году за одинъ такой грабежъ 75 000 головъ скота, начальникъ Аральскаго укрѣпленія, майоръ Энгманъ, преслѣдуя коканцевъ, взялъ приступомъ укрѣпленіе ихъ Кошъ-курганъ, грабежи продолжались. Необходимо было принять дѣятельныя и дѣйствительныя мѣры къ прекращенію набѣговъ, на что и рѣшился Перовскій въ 1852 году, тѣмъ болѣе, что въ это время мы уже твердо стояли и на Аральскомъ морѣ.

Судоходство наше по Аральскому морю начинается одновременно съ заложениемъ Ранискаго укрѣпленія. Въ началѣ 1847 года были построены въ Оренбургѣ два двухъ-мачтовыхъ судна: одно военное «Николай», а другое частное *Михаилъ*. Первое назначалось исключительно для изслѣдованія моря, второе для заведенія на Аральскомъ морѣ рыболовства, основанного въ томъ же году компанією на акціяхъ. Оба судна были потомъ разобраны и весною перевезены на подводахъ на Равнь, гдѣ снова были собраны и спущены на воду. Шкуна «Николай» тотчасъ же выступила въ море; но первое плаваніе ея, по позднему времени, ограничилось только окрестностями устья Сыра. Весною слѣдующаго года шкуна снова выступила въ море и обозрѣла сѣверный его берегъ. Между тѣмъ въ Оренбургѣ было построено другое военное судно «Константинъ», вѣсколько больше перваго. На этомъ суднѣ лейтенантъ Бутаковъ началъ осенью 1848 года полную опись Аральскаго моря, продолжавшуюся два года. Во время двухъ-мѣсячнаго плаванія шкуны «Константинъ», въ 1848 году, были осмотрѣны всѣ берега Аральскаго моря, за исключеніемъ восточнаго; въ теченіе же кампаніи 1849 года, продолжавшейся 5½ мѣсяцевъ, были совершенно окончены: астрономическое опредѣленіе пунктовъ, съемка береговъ, промѣры и вообще вся опись, такъ что съ тѣхъ поръ Аральское море сдѣлалось совершенно извѣстнымъ.

Въ 1850 году генералъ Обручевъ предположилъ устроить судоходство по Сыръ-Дарьѣ и съ тою цѣлію заказаны были въ Швеціи пароходы, которые въ маѣ мѣсяцѣ 1852 года въ частяхъ были доставлены въ Петербургъ; отсюда водою они прибыли въ іюль мѣсяцѣ въ Самару.

Къ 19 мая пароходы были окончательно вооружены, и пароходъ «Перовскій» уже принялъ участіе въ акъ-мечетской экспедиціи.

Мы уже сказали, что въ 1852 г. Перовскій рѣшился принять самыя энергическія мѣры для обузданія дерзости коканцевъ. Поводъ къ тому былъ поданъ самими коканцами.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1852 г. съемочный отрядъ, въ числѣ 80 человекъ, подъ начальствомъ корпуса топографовъ прапорщика Голова, былъ оставленъ, не доходя до крѣпости Акъ-Мечети. Начальникъ укрѣпленія рѣшительно воспротивился дальнѣйшему слѣдованію. Такъ какъ въ это время уже рѣшенъ былъ вопросъ о соединеніи оренбургской линіи съ сибирскою, чего возможно было достигнуть со стороны оренбургской степи движеніемъ вверхъ по Сыру, то необходимо было продолжать рекогносцировку, хотя бы для того потребовалась даже вооруженная сила.

Вслѣдствіе этой необходимости, лѣтомъ составленъ былъ отрядъ, съ цѣлю произвести рекогносцировку по долинѣ Сыръ-Дарьи отъ Аральскаго укрѣпленія до коканской крѣпости Акъ-Мечети, въ случаѣ встрѣчи съ коканцами, или въ случаѣ предъявленія со стороны ихъ неумѣстныхъ требованій, дѣйствовать вооруженною рукою, и, не касаясь укрѣпленій, ближе лежащихъ къ Аральску, слѣдовать прямо къ Акъ-Мечети и затѣмъ дѣйствовать, судя по обстоятельствамъ. Если Акъ-Мечеть лежитъ въ нашихъ предѣлахъ, то стараться уничтожить ее; во всякомъ же случаѣ объявить коканцамъ, что она не можетъ оставаться на настоящемъ мѣстѣ.

Коканцы, вѣроятно, предупрежденные о движеніи нашего отряда, прорвали заблаговременно плотину, удерживавшую теченіе воды изъ Сыръ-Дарьи въ озеро Берказанъ, слѣдствіемъ чего было наводненіе низменныхъ окрестностей Акъ-Мечети. Не взирая на это препятствіе, отрядъ, хотя съ трудомъ, но благополучно совершилъ переправу черезъ пять рукавовъ.

Движеніе войскъ и по переходѣ черезъ пять рукавовъ было чрезвычайно утомительно, по причинѣ наводненія и густаго колючаго кустарника, между которымъ приходилось пробираться по узкимъ и глубокимъ тропинкамъ и по вспаханымъ топкимъ полямъ. Прибывъ, 19 іюля, подъ крѣпость, отрядъ расположился лагеремъ подъ стѣнами восточнаго фаса крѣпости. Казаки, не имѣвшіе при отрядѣ челноковъ, тотчасъ же пустились по Сыру и захватили, близъ праваго берега, двѣ коканскія лодки; топографы же произвели рекогносцировку крѣпости.

Затѣмъ, произведя нѣсколько успѣшныхъ поисковъ, отрядъ предпринялъ обратное движеніе.

Этотъ поискъ, совершенный небольшимъ отрядомъ за 500 верстъ отъ крайняго нашего укрѣпленія и за 1,500 отъ заселенной русской границы, имѣлъ значеніе въ военномъ отношеніи. Въ шесть недѣль отрядъ прошелъ болѣе 1,000 верстъ, преодолевая необыкновенныя трудности мѣстности и перенося утомительный жаръ; безъ судовъ и понтоновъ, онъ благополучно совершилъ шесть переправъ чрезъ значительныя рѣки и протоки; уничтожилъ три непріятельскія крѣпости и разрушилъ вѣншее укрѣпленіе акъ-мечетской цитадели.

Но, кромѣ того, этотъ поискъ далъ возможность вывести положительное заключеніе о мѣрахъ, необходимыхъ для окончательнаго уничтоженія коканскихъ укрѣпленій, по правому берегу Сыръ-Дарьи.

Коканцы, въ то время, образовали, на пространствѣ между Кара-Узякомъ и Сыръ-Дарьей, особый кругъ, охраняемый крѣпостцами, изъ которыхъ Акъ-Мечеть была центромъ управленія округа. Здѣсь, кромѣ туркменъ и ташкѣпцевъ, постоянно кочующихъ киргизъ считалось до 5 т. кибитокъ. Кромѣ того, на зимовку приходило изъ русскихъ предѣловъ до 3 т. кибитокъ. Всѣ они были подвержены самымъ тягостнымъ налогамъ и грабежамъ.

Въ слѣдующемъ, 1853 году, рѣшено было, во что бы то ни стало, утвердиться въ Акъ-Мечети. Поэтому, въ томъ же году, начались приготовления; а раннею весною 1853, войска выступили уже съ линіи, а 5-го іюня Перовскій изъ подъ Акъ-Мечети послалъ ея коменданту слѣдующее письмо.

Отъ оренбургскаго генералъ-губернатора.

Начальнику Акъ-Мечетской крѣпости.

«По приказанію Государя моего, Императора Всероссийскаго, пришелъ я взять Акъ-Мечеть, построенную коканцами на Русской землѣ для притѣсненія киргизъ, нашихъ подданныхъ.

«Акъ-Мечеть уже взята, хотя вы и сидите въ ней. Вы видите, что я, не теряя моихъ людей, могу истребить васъ всѣхъ до единаго.

«Русскіе пришли сюда не на день и не на годъ, а на вѣчныя времена, назадъ они не пойдутъ.

«Хотите остаться живы—просите пощады; хотите умереть въ Акъ-Мечети, и это въ вашей волѣ; мнѣ не къ спѣху; я васъ не тороплю, но повторяю: пришелъ сюда не сражаться съ вами, а бить, покуда не отворите ворота.

«Все это сказалъ бы я вамъ въ первый день моего прибытія, когда я подъѣзжалъ безъ оружія къ стѣнамъ крѣпости, если бы вы не стали стрѣлять въ меня предательскимъ образомъ, а это не водится между честными воинами».

Отвѣтъ должно было доставить къ вечеру.

Посланнаго впустили въ крѣпость, и до вечера оговъ былъ прекращенъ съ обѣихъ сторонъ. Вечеромъ посланный возвратился съ письмомъ отъ коменданта. Отвѣтъ заключался въ томъ, что теперешнее коканское правительство не обязано отвѣчать за несправедливости, сдѣланныя въ управленіе странюю кичаками; что русскій отрядъ подошелъ къ крѣпости безъ объявленія войны, что это самое и заставило коканцевъ стрѣлять въ парламентаровъ; что наконецъ начальникъ готовъ очистить крѣпость, но съ тѣмъ, чтобы русскіе дали ему на это 15 дней сроку, и на все это время отошли отъ крѣпости. Иначе же гарнизонъ будетъ сопротивляться, пока «ружья у него останутся на ложахъ, эфесы сабель и древки кошей не переломятся и не истощатся въ крѣпости кисякъ» *). Вслѣдъ за тѣмъ 27-го іюля крѣпость была взята.

Овладеніе Акъ-Мечетью должно было произвести сильное впечатлѣніе на коканцевъ. Акъ-Мечеть весьма важный для нихъ пунктъ въ военномъ, торговомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Эта крѣпость считалась твердѣйшимъ оплотомъ коканскаго владычества въ низовьяхъ Сыра; какъ крѣпость, счастливо выдержавшая нѣсколько осадъ, она пользовалась въ краѣ славою непобѣдимости. Этимъ объясняется, между прочимъ, и послѣдняя отчаянная ея защита. Покореніе ея русскими было сильнымъ ударомъ для коканцевъ, и надо было ожидать, что, когда дѣла ихъ придутъ въ порядокъ, они сдѣлаютъ, можетъ быть, не одну попытку, чтобы снова овладѣть крѣпостью. Съ этого времени мы имѣли на Сырь-Дарьѣ уже цѣлую линію, состоявшую изъ укрѣпленій: фортъ № 1, № 2, № 3 и фортъ Перовскій (Акъ-Мечеть).

Между тѣмъ, въ теченіе всей восточной войны, съ 1854 по 1856 годъ, въ степи ничего особеннаго не происходило, за исключеніемъ только усилившихся набѣговъ киргизскихъ шаекъ, въ особенности подъ предводительствомъ Исета Кутебарова. Человѣкъ этотъ, обращавшій на себя въ 1859 году общее вниманіе во всѣхъ петербургскихъ публичныхъ собраніяхъ, и фотографическій портретъ котораго долго былъ выставленъ въ числѣ другихъ киргизъ на одной изъ многочисленныхъ

*) Твердые куски глины, бросаеыые изъ крѣпости на осаждающихъ.

улицъ Петербурга, возноваль степь почти двадцать лѣтъ. Последнимъ дѣйствиємъ Перовскаго была попытка утвердиться на Куванъ-Дарьѣ.

На этомъ рукавѣ, къ западу отъ форта «Перовскій», въ 85 верстахъ къ юго-западу отъ нашего форта № 2, находилось въ то время основанное лѣтъ за десять (1846) хивинское укрѣпленіе Ходжа-ніасъ. Это былъ самый дальній укрѣпленный пунктъ на сѣверѣ хивинскихъ владѣній, служившій имъ оградой противу насъ и коканцевъ. Но пунктъ этотъ не столь важенъ былъ для Хивы въ военномъ, сколько въ финансовомъ отношеніи. Черезъ него проходили всѣ значительные бухарскіе караваны въ Россію и обратно; здѣсь-то и собирало съ нихъ хивинское правительство значительную транзитную пошлину. Какъ для этой цѣли, такъ и для сбора зявта съ обитающихъ въ окрестностяхъ киргизъ, въ Ходжа-ніасѣ находился постоянный гарнизонъ человекъ въ 100; самое же укрѣпленіе было снабжено нѣсколькими орудіями и крѣпостными ружьями. Первымъ основателемъ его былъ Ходжа-ніасъ, по имени котораго и названо самое укрѣпленіе, а послѣ него сынъ его Ирджанъ.

Въ 1856 году Ирджанъ, получивъ какое-то важное извѣстіе отъ своихъ родственниковъ изъ Хивы, взялъ 40 человекъ изъ гарнизона и послѣшно отправился туда самъ. Кочевавшіе въ окрестностяхъ киргизы, которые и прежде были недовольны хивинскимъ правительствомъ, прогнали оставшагося начальника, расхитили все хивинское имущество, переломали крѣпостныя ружья и изрубили лафеты у пушекъ.

Первыми для насъ послѣдствіями этого факта было усиленіе воровства и грабежей, производимыхъ Ходжа-ніасскими киргизами, которые прежде удерживаемы были отъ того хивинскимъ начальствомъ крѣпости. Для предупрежденія еще большихъ беспорядковъ, необходимо было послать къ Ходжа-ніасу небольшой отрядъ, и пользуясь тѣмъ, можно было бы сдѣлать съемку. Если бы мы не заняли этой крѣпости, то это сдѣлали бы коканцы или бухарцы.

Въ хивинскихъ владѣніяхъ въ это время происходила страшная безурядица; нѣсколько хановъ оспаривали власть одинъ у другаго. Слухъ говорилъ, что, наскучивъ раздорами, хивинцы и каракалпаки просили уже бухарскаго эмира принять ихъ подъ свое покровительство; это должно было запутать наши отношенія къ Бухарѣ, и въ будущемъ надо было ожидать частыхъ и важныхъ столкновеній. На югъ отъ разрушенной крѣпости тянутся, къ сторонѣ Хивы и Бухары, на разстояніи нѣсколько сотъ верстъ безводные пески, по которымъ не мо-

гутъ двигаться большіе отряды войскъ, почему пески эти, ни кѣмъ не обитаемые, служили бы намъ противу бухарскихъ и хивинскихъ владѣній самою выгодною и безопасною въ военномъ отношеніи границею. Наконецъ, мы имѣли за собою и самое право.

До тѣхъ поръ считалось, что Ходжа-ніасъ безусловно принадлежалъ хивинскому правительству. Такое мнѣніе было основано на фактѣ владѣнія. Между тѣмъ, по разпросамъ на мѣстѣ, сдѣланнымъ по поводу предположенія о временномъ занятіи нами этого пункта, оказывалось, что мѣстность, на которой было возведено укрѣпленіе, коканцы вовсе не считали принадлежащею Хивѣ, почему въ теченіе десяти лѣтъ какъ существовало укрѣпленіе они два раза брали его и прогоняли оттуда хивинцевъ. Въ послѣдній разъ хивинцы, за позволеніе возвратиться назадъ, заплатили коканскому беку Акъ-Мечети значительное количество скота. Слѣдовательно, пребываніе хивинцевъ въ Ходжа-ніасъ было лишь терпимо коканцами. Мы же, какъ преемники коканцевъ въ этихъ мѣстахъ, не говоря уже о другихъ старѣйшихъ правахъ нашихъ на все пространство, занимаемое кочевьями кыргызы Малой Орды, имѣли полное основаніе считать ходжа-ніасскую мѣстность своею собственностію. И если мы не заняли этого пункта, то на то были другія причины.

Изъ съемоковъ, сдѣланныхъ посланнымъ отрядамъ, и полученныхъ свѣдѣній оказалось, что глиняныя стѣны крѣпости и жилия въ ней помѣщенія, которыя всѣ были деревянныя, сожжены или расхищены кыргызами. О починкѣ ихъ нельзя было и думать, а нужно было приступать къ постройкѣ новыхъ. Самая же мѣстность Ходжа-ніаса и ближайшія окрестности не обѣщали никакихъ хозяйственныхъ удобствъ для нашего гарнизона. Между тѣмъ невыгоды были весьма ощутительны. Укрѣпленіе было устроено среди болотъ, образуемыхъ протоками Куванъ-Дары; прѣсную колодезную воду можно было найти не ближе двухъ верстъ; топлива было мало, луговыхъ мѣстъ недостаточно, а сообщеніе съ фортами «Перовскій», неудобное во всякое время по множеству канавъ, въ полноводіе дѣлается еще затруднительнѣе отъ переправъ, такъ что снабженіе укрѣпленія продовольствіемъ не могло быть въ достаточной степени обезпечено.

Поэтому отрядъ, посланный для предварительнаго занятія этого пункта, разрушивъ послѣдніе остатки укрѣпленія, вернулся обратно.

Этою попыткою была заключена дѣятельность Перовскаго въ Оренбургскомъ краѣ.

Назначенный по смерти его Катенинъ, въ 1859 году представилъ свои соображенія относительно нашихъ дѣйствій въ Оренбургской сте-

п. Между прочимъ, онъ предполагалъ необходимымъ, для обезпеченія форта «Перовскій», занять бывшее коканское укрѣпленіе Джулезъ. Привести это въ исполненіе ему, за смертію его, не удалось. Это было сдѣлано уже генералъ-адъютантомъ Безакомъ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено было разрушить другое коканское укрѣпленіе Яны-курганъ, лежавшее вблизи Джулеки.

Въ то время на Сыръ-Дарьѣ находились слѣдующія укрѣпленія: фортъ № 1, фортъ № 2, форты «Перовскій» и Джулекъ.

Нельзя сказать, чтобы сыръ-дарьинская линія находилась въ то время въ удовлетворительномъ состояніи.

При первоначальномъ устройствѣ ея, имѣлись въ виду, между прочимъ, два условія:

1) Она должна была охранять границу имперіи отъ хищническихъ покушеній со стороны среднеазіатскихъ владѣній, и

2) должна была надежнымъ образомъ обезпечить наши торговныя сношенія съ ханствами.

Но слѣдуетъ сказать, что обѣ эти цѣли не были достигнуты.

Наши форты не въ состояніи были охранять страны отъ непріятельскихъ вторженій. Конечно, собственная ихъ безопасность обезпечена была даже въ томъ случаѣ, если бы они были атакованы и значительными силами Хивы или Кокана; но за то они недостаточно были сильны для того, чтобы предупреждать ордынскія скопища, защищать нашихъ киргизъ и караваны отъ грабежа и насилія, и страхомъ немедленнаго наказанія обуздывать дерзость сосѣдей.

Въ промежутокъ, между лѣво-фланговыми фортою и передовыми сибирскими укрѣпленіями по рѣкѣ Сыръ-Су, коканды имѣли полную возможность прорываться, какъ въ Сибирскую, такъ и въ Оренбургскую степь и грабить нашихъ киргизъ.

Торговныя сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою также отнюдь не обезпечивались вполне фортами сыръ-дарьинской линіи. Все содѣйствіе, которое форты эти оказывали караванамъ, состояло въ предоставленіи имъ нѣсколькихъ судовъ, для переправы черезъ Сыръ-Дарью; но ни конвоировать, ни защищать этихъ каравановъ мы не были въ состояніи. Поэтому правитель Ташкента требовалъ отъ бухарскихъ каравановъ, чтобы они проходили чрезъ Ташкентъ для уплаты огромной пошлины, а если тѣ отказывались отъ этого требованія, то грабили ихъ.

Собщеніе сыръ-дарьинской линіи съ оренбургскою, между Орскою крѣпостью и Уральскимъ укрѣпленіемъ, облегчено было устройствомъ киргизскихъ почтовыхъ станцій; но между уральскимъ укрѣпленіемъ и

сырь-дарьинскою линією лежитъ самая безплодная часть степи, гдѣ вода достается только изъ копаней. Устройство правильнаго сообщенія по Кара-кумскимъ пескамъ, представляло большія затрудненія.

Хозяйство войскъ, составлявшихъ гарнизоны укрѣпленій, подвержено весьма большимъ неудобствамъ и случайностямъ. Пространство, занятое фортами сырь-дарьинской линіи, не представляетъ возможности мѣстными средствами продовольствовать войска провіантомъ и необходимыми въ домашнемъ хозяйствѣ предметами первой потребности. Хотя кочующіе киргизы и занимаются хлѣбопашествомъ, но ограничиваются посѣвомъ проса и ячменя и притомъ только для своего продовольствія; ржи не сѣютъ вовсе, а пшеницу хотя и сѣютъ, но въ весьма маломъ количествѣ; хлѣбопашество и не разовьется тамъ, пока киргизы не убѣдятся въ томъ, что они могутъ заниматься земледѣліемъ, не опасаясь грабительства коканскихъ и хивинскихъ шаекъ. Самое воздѣлываніе пашенъ сопряжено съ большимъ трудомъ и требуетъ орошенія. Въ заведенныхъ огородахъ готовится на зиму достаточно овощей, но весьма часто труды войскъ пропадаютъ совершенно даромъ отъ налета саранчи, отъ которой нѣтъ никакой возможности избавиться.

Что касается хозяйства офицеровъ и чиновниковъ, то они далеко не могли считать себя въ тѣхъ выгодныхъ условіяхъ, въ какихъ находились, въ этомъ отношеніи, нижніе чины. Это происходило оттого что они были лишены возможности пріобрѣтать на мѣстѣ не только дешево, но, по крайней мѣрѣ, за постоянную цѣну и во всякое время, продукты первой необходимости. Купечество наше вело весьма выгодную торговлю скотомъ съ сырь-дарьинскими киргизами и съ приходившими изъ Хивы и Бухары караванами, но, видимо, пренебрегало мелочною торговлею въ фортахъ. Лавки нашихъ купцовъ при фортахъ, въ которыхъ торговля производится безпошлинно, нерѣдко оставались пустыни; все продаваемое въ этихъ лавкахъ было низкаго качества, а цѣны, не смотря на таксы и ограниченія, поднимались по произволу прикащиковъ, хорошо знающихъ, что кромѣ ихъ лавокъ купить болѣе негдѣ.

Отсутствіе лѣса лишаетъ возможности изготовлять здѣсь самыя необходимыя хозяйственныя орудія и подѣлки; мѣстный же строительный матеріалъ состоитъ изъ глины. Необходимо, слѣдовательно, доставлять сюда съ оренбургской линіи все, начиная отъ самыхъ главныхъ до самыхъ мелочныхъ потребностей; а эта необходимость вовлекаетъ казну въ огромные расходы.

Въ отношеніи гигиеническихъ условій, сырь-дарьинская линія нахо-

дится въ положеніи удовлетворительно. Больныхъ не бываетъ много, что, главнымъ образомъ, зависитъ отъ климата края. По отзывамъ мѣстныхъ медиковъ, употребленіе въ пищу сырыхъ плодовъ и овощей, даже въ неумѣренномъ количествѣ, весьма рѣдко сопровождается расстройствомъ желудка; всякія раны излечиваются чрезвычайно скоро, и всѣ болѣзни, безъ исключенія, имѣютъ характеръ доброкачественный; нѣкоторые же изъ нихъ, какъ болѣзнь груди и перемежающаяся лихорадка, почти неизвѣстны.

И такъ, мы занимали въ то время почти безплодное протяженіе Сыръ-Дарьи. Между тѣмъ, на пространствѣ между Джулекомъ и сибирскимъ укрѣпленіемъ «Вѣрное», лежала сѣверная часть Коканскаго ханства, славящаяся своимъ прекраснымъ климатомъ, плодородіемъ почвы и обширными угодьями.

Въ 1861 году Безакъ, изложивъ въ рапортѣ военному министру (отъ 22 ноября) свое мнѣніе о необходимости соединенія линій, предложилъ совершить это при совокупныхъ усиленіяхъ войскъ оренбургскаго и сибирскаго корпусовъ, при томъ такимъ образомъ, чтобы отряды, двигаясь на встрѣчу, соединились бы подъ Ташкентомъ и взяли этотъ городъ.

Овладѣніе Ташкентомъ, по мнѣнію Безака, было необходимо по слѣдующимъ соображеніямъ:

Во-первыхъ, Россія получила бы съ этой стороны отличную государственную границу, при чемъ, если бы кованцы угрожали впоследствии Ташкенту, гарнизонъ его всегда бы могъ получить помощь изъ фортовъ по Сыру и изъ сибирскаго корпуса черезъ Аулиеата.

Во-вторыхъ, представится возможность дешево снабжать наши форты на Сыръ-Дарьѣ продовольствіемъ и мѣстными матеріалами, при помощи нашей флотиліи (аральской), которая такимъ образомъ будетъ приносить намъ существенную пользу, и вознаграждать, хотя нѣсколько, ежегодный расходъ въ 45 тыс. рублей, на нее производимый. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что занятіе страны вверхъ по Сыру необходимо даже для самой флотиліи, потому что, по ея мнѣнію въ той странѣ каменнаго угля и по дороговизнѣ доставки антрацита, при рѣчныхъ плаваніяхъ употребляется саксаулъ, но таковой по берегамъ рѣки истребится весьма скоро, и тогда только одна доставка дровъ съ верховьевъ Сыра можетъ снабжать топливомъ наши пароходы.

Въ-третьихъ прекратятся всѣ междоусобія и баранты между нами и коканскими киргизами; кибяточный же сборъ весьма увеличится.

Въ-четвертыхъ, мы приобрѣтемъ около Туркестана мѣстность, въ ко-

ей добывается свинцовая руда — статья весьма важная, такъ какъ у насъ своей руды нѣтъ, что ставитъ государство въ большое затрудненіе, испытанное нами въ послѣднюю войну.

Въ-пятыхъ, какъ Ташкентъ есть важнѣйшій въ той странѣ промышленный городъ, къ которому сходятся все торговые пути изъ Бухары, Китая и Россіи, и какъ отъ него Коканъ по дальней дорогѣ лишь въ 150 верстахъ, то, владея Ташкентомъ, мы получимъ не только рѣшительное преобладаніе на ханство Коканское, но усилимъ наше вліяніе и на Бухару, что разовьетъ значительно нашу торговлю съ этими странами, и въ особенности съ китайскими хорошо населенными городами Кашгаромъ и Яркендомъ, которые, доставляя свои товары до Сыра, будутъ сплавлять ихъ водою до форта № 1-й; обратно наши товары могутъ пользоваться этимъ же путемъ. Они прежде доставлялись бухарцами въ китайскіе города, отчего и торговля наша съ Среднею Азією была значительна; но она прекратилась отъ слабости и несостоятельности коканскаго правительства....

п, наконецъ, въ шестыхъ, доходы съ Ташкентской области вмѣстѣ съ усидѣннымъ кибяточнымъ сборомъ, безъ сомнѣнія покроютъ все наши расходы на Сыръ-Дарьинской линіи, обременяющія нынѣ государственное казначейство.

«Конечно, продолжалъ Безакъ, для достиженія такого результата необходимо полное содѣйствіе со стороны Сибирскаго корпуса. Я надѣюсь, что когда генералъ Дюгаммель ближе ознакомится съ положеніемъ пограничнаго края, то убѣдится, что отъ мирныхъ сношеній съ Коканомъ, какъ и со всякимъ другимъ азіатскимъ владѣніемъ, невозможно ожидать пользы, если эти сношенія не поддерживаются оружіемъ. Продолжительный опытъ достаточно указалъ, что народы эти не понимаютъ святости договоровъ и коммерческихъ обязательствъ; они уважаютъ одну только силу и принимаютъ всякое снисхожденіе за слабость.

«Въ заключеніе, относительно нашей границы къ Кокану, считаю долгомъ сказать, что, если мы прекратимъ всякое притязаніе на Хивинское ханство, англичане не будутъ тревожиться отъ нашихъ дѣйствій вверхъ по Сыру, могущихъ распространить наше владычество на востокъ; они могли бы скорѣе опасаться движеніемъ нашихъ войскъ на югъ по Аму-Дарьѣ, приближающимъ насъ къ Индіи. Не думаю, однако, чтобы англичане серьезно боялись нашего похода въ Индію; по моему мнѣнію, это химера, которой они не поддадутся, будучи народомъ весьма практическимъ. Сверхъ того, хозяйничая теперь въ Китаѣ, кажется, они не имѣютъ права препятствовать намъ защищать своихъ

подданныхъ киргизовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соединенію нашихъ пограничныхъ линій. Впрочемъ, прочитавъ въ находящихся здѣсь бумагахъ отзывъ министра иностранныхъ дѣлъ къ послу нашему въ Лондонъ, писанный въ августъ 1859 года, я полагаю, что правительство наше не намѣрено отказываться отъ выгоднаго устройства здѣсь своихъ дѣлъ только потому, что оно англичанамъ не нравится. Медлить этимъ не слѣдуетъ, такъ какъ теперь не трудно справиться съ Коканомъ; но если англичане дадутъ имъ хорошую артиллерію и исправное нарѣзное оружіе, то тогда задача сдѣлается несравненно труднѣе и обойдется гораздо дороже.

«Предлогъ для овладѣнія Ташкентомъ всегда найти можно, потому что пограничные коканцы, слабо повинаясь своему правительству, не воздержатся отъ набѣговъ въ наши предѣлы и отъ грабежа киргизовъ, подданныхъ русскихъ, а притомъ вся страна даже до Ташкента включительно принадлежала киргизамъ въ то время, когда они присягнули на подданство Россіи.

«Хотя я не полагаю возможнымъ приступить къ овладѣнію Туркестаномъ и Ташкентомъ прежде 1863 г., но счелъ нужнымъ теперь же высказать въ подробности свое мнѣніе по этому предмету, дабы высшее правительство могло обсудить планъ будущихъ дѣйствій въ этой странѣ, какъ для Оренбургскаго, такъ и для Сибирскаго корпусовъ, и направить дѣятельность обоихъ къ одной цѣли.»

Генераль Ковалевскій также представлялъ свою записку, въ которой, раздѣляя мнѣнія Безака, предлагалъ, кромѣ того киргизовъ, Сибирскаго и Оренбургскаго вѣдомствъ соединить въ одно управленіе, для чего образовать особое генераль-губернаторство Киргизской степи, назначивъ центромъ управленія, по удобству мѣстности, Ташкентъ.

Соображенія Безака и Ковалевскаго, въ Высочайшемъ присутствіи 9 марта 1862 года, были обсуждены особымъ комитетомъ по дѣламъ Китая и устройства Сыръ-Дарьинской линіи. Комитетъ пришелъ къ заключенію о необходимости предварительно спросить мнѣніе генераль-губернатора Западной Сибири, а до того времени въ теченіе весны 1863 года разрѣшить Оренбургскому генераль-губернатору произвести рекогносцировку вверхъ по Сыру. Такую же рекогносцировку коканскихъ владѣній предложено было произвести и генераль-губернатору Западной Сибири.

Генераль-губернаторъ Западной Сибири въ запискѣ, отъ 26 мая (1862 года), предлагалъ съ наступленіемъ весны выслать въ Зачуйскій край летучую колонну, которая имѣла бы главною цѣлью овладѣ-

ніе укрѣпленіемъ Ауліе-ата; вслѣдствіе чего были бы защищены тѣ киргизскіе роды, которые были бы расположены принять наше подданство. Впослѣдствіи же, для прочнаго занятія Зачуйской страны, генераль Дюгаммель (генераль-губернаторъ Западной Сибири) предлагалъ необходимымъ возвести въ Ауліе-ата, или другомъ пунктѣ, укрѣпленіе, въ которомъ, сверхъ гарнизона, находился бы подвижной отрядъ. Относительно же завоеванія Ташкента генераль Дюгаммель, доказывая, что занятіе Ташкента обошлось бы намъ слишкомъ дорого, предложилъ, взамѣнъ того, образовать изъ Ташкента особое ханство съ тѣмъ, чтобы владѣтель его былъ назначенъ по нашему выбору и съ обязательствомъ допустить въ Ташкентъ нашего консула и продовольствовать гарнизоны Сыръ-Дарьинской линіи.

23 февраля 1863 года среднеазиатскій вопросъ снова былъ подвергнутъ тщательному обсужденію. Комитетъ, занимавшійся этимъ дѣломъ, пришелъ къ тому заключенію, что какъ ни желательно было соединеніе линій, но предпріятіе, вслѣдствіе экономическихъ соображеній, надлежало отложить и Ауліе-ата пока не занимать.

Дѣйствія же обоихъ генераль-губернаторовъ должны быть согласно направлены къ одной цѣли огражденія киргизовъ, уже вступившихъ въ наше подданство.

На основаніи этихъ постановленій въ теченіе весны 1863 года и были произведены только рекогносцировки, причемъ войсками со стороны Оренбурга было взято небольшое коканское укрѣпленіе Яны-курганъ (на Сыръ-Дарьѣ), лежавшее на пути къ Туркестану (Азрету); соединеніе же линій послѣдовало только въ слѣдующемъ году. Войска Оренбургскаго корпуса взяли Туркестанъ, а Сибирскаго — Ауліе-ата (въ іюнь 1864 года). Затѣмъ оба отряда соединились вмѣстѣ подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Черняева (командовавшаго сибирскимъ отрядомъ), который въ октябрѣ мѣсяцѣ занялъ и Чекментъ. Въ слѣдующемъ (1865 году) Черняевъ, исходя изъ тѣхъ же соображеній, которыя были высказаны генераль-губернаторомъ Западной Сибири, поспѣшилъ взять и Ташкентъ (15 іюня). Но, овладѣвъ Ташкентомъ и блике встрѣтившись въ положеніе дѣль, Черняевъ призналъ необходимымъ окончательно присоединить его къ Имперіи.

Такъ какъ положеніе южной границы новой области не было еще опредѣлившимся, то генераль Романовскій, дѣйствуя сообразно съ данною ему инструкціею, присоединилъ въ Туркестанской области земли къ югу отъ Ташкента, такъ называемый Зачирчикскій край и взялъ городъ Ходжентъ, лежащій на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи.

Занятіе Зачирчикскаго края было необходимо въ томъ отношеніи, что край этотъ, служившій житницею Ташкента, всегда зависѣлъ отъ послѣдняго, составляя съ нимъ какъ бы одно цѣлое. Ходженъ же былъ прѣхваченъ, какъ ключъ отъ Ферганской долины и опорный пунктъ для владѣнія плаваніемъ по Сыръ-Дарьѣ.

Прибывшій вскорѣ въ Туркестанскую область генераль-адъютантъ Крыжановскій счелъ нужнымъ занять бухарскія крѣпости Ура-Тюбе и Джизакъ, лежащія въ проходахъ горъ, имѣя въ виду, во 1-хъ, прочно утвердиться во всей долинѣ р. Сыра и, во 2-хъ, разобщить ханство Бухарское отъ Коканскаго, не давъ имъ возможности заключать союзъ для войны противъ Россіи.

Ура-Тюбе и Джизакъ были взяты: первый 2-го, а послѣдній 18-го октября 1866 года.

Такимъ образомъ къ концу 1866 года наши предѣлы распространились далеко на югъ, до снѣжныхъ горъ Кашгаръ-Даванскаго хребта, а между тѣмъ зятянувшіяся военныя дѣйствія, не дававшія времени утвердиться мирной администраціи, привели дѣла новаго края въ весьма запутанное положеніе. Чтобы водворить порядокъ и дать новому краю болѣе соответственное его пространству и экономической важности положеніе, было рѣшено изъ прежней Туркестанской области, съ присоединеніемъ части Семяпалатинской области, образовать особый округъ, сдѣлавъ центромъ управленія его городъ Ташкентъ. Этотъ новый округъ подъ названіемъ Туркестанскаго, открытъ въ іюль 1867 года.

Управленіе имъ введено временное, на основаніи положенія, выработаннаго степною комиссіею, ѣздившею нарочно по киргизскимъ степямъ, для изученія строя жизни киргизовъ и осѣдлаго населенія къ югу отъ Каратаускаго хребта. Округъ раздѣленъ на двѣ области: Сыръ-Дарьинскую съ областнымъ городомъ Ташкентомъ и Семирѣченскую съ областнымъ городомъ Вѣрнымъ.

Генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й, назначенный главнымъ начальникомъ Туркестанскаго округа, искренно стремился къ водворенію мира съ сосѣдями. Коканскій ханъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ извѣдавшій силу русскаго оружія и потерявшій значительную часть своихъ владѣній, счелъ нужнымъ смириться, и потому безпрекословно подписалъ мирный договоръ, предложенный ему генераломъ Кауфманомъ. Договоръ названъ скромнымъ именемъ: «Взаимныя обязательства для торговли между Россіею и Коканскимъ ханствомъ», и заключенъ 29 января 1868 года. Договоръ состоитъ изъ слѣдующихъ пяти пунктовъ:

1) Все города и селенія Коканскаго ханства, безъ исключенія, будутъ открыты для русскихъ купцовъ, подобно тому, какъ и все русскіе рынки доступны коканскимъ торговцамъ.

2) Русскимъ купцамъ будетъ дозволено имѣть въ коканскихъ городахъ, *гдѣ сами пожелаютъ*, свои караванъ-сарай, въ которыхъ бы они могли одни складывать свои товары. Тѣмъ же правомъ будутъ пользоваться коканскіе купцы въ русскихъ городахъ.

3) Для наблюденія за правильнымъ ходомъ торговли и за законнымъ взиманіемъ пошлины, предоставляется русскимъ купцамъ право имѣть, *если пожелаютъ*, во всехъ городахъ Коканскаго ханства торговыхъ агентовъ (караванъ-башей). Право это предоставляется и коканскимъ купцамъ въ городахъ Туркестанскаго края.

4) Со всехъ товаровъ, идущихъ изъ русскихъ предѣловъ въ Коканъ, или оттуда въ Россію (Европейскую и Азіатскую) будетъ взиматься столько же, сколько въ Туркестанскомъ краѣ, т. е. по два съ половиною процента со стоимости товаровъ, во всякомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ взимается съ мусульманъ, коканскихъ подданныхъ.

5) Русскимъ купцамъ съ ихъ караванами предоставляется свободный и безопасный проѣздъ черезъ коканскія земли въ сосѣднія съ Коканомъ владѣнія, точно также, какъ и коканскіе караваны проускаются черезъ русскія земли.

Подобныя же непритязательныя условія требовались и отъ бухарскаго эмира; но послѣдній думалъ иначе. Разгромъ при Ирджарѣ и потеря двухъ важныхъ крѣпостей Уря-Тюбе и Джизака не вразумили эмира и не поколебали въ немъ рѣшимости попытать еще разъ своего счастья въ борьбѣ съ русскими. Въ продолженіе цѣлаго полугода эмиръ оттягивалъ подъ различными предлогами подписаніе предложеннаго ему мирнаго обязательства. Свѣдѣвъ о предполагавшемся отъѣздѣ генерала Кауфмана въ Петербургъ, эмиръ задумалъ воспользоваться имъ, чтобы напасть на наши предѣлы и при удачѣ возвратитъ потерянное прежде. Но генераль-губернаторъ свою поѣздку въ Петербургъ откладывалъ въ ожиданіи присылки эмиромъ условій договора, утвержденныхъ его печатью. Между тѣмъ въ половинѣ апрѣля 1868 г., эмиръ собиралъ уже многочисленныя войска для священной войны (газавать) съ русскими, и отдѣльныя шайки бухарцевъ сдѣлали ночное нападеніе на нашъ лагерь при Ключевомъ (близъ Джизака). Генераль-губернаторъ, узнавъ о враждебныхъ дѣйствіяхъ эмира, быстро двинулся съ отрядомъ на передовую линію, думая, что сборъ нашихъ войскъ на гра-

ницѣ Бухары и готовность наша дѣйствовать оружіемъ, образумятъ эмира и побудятъ его согласиться на миръ.

Бухарцы однако хитрили и оттягивали время, такъ что генераль Кауфманъ рѣшился положить конецъ пронкамъ эмира, отнявъ у него всякое поползновеніе сопротивляться. Лучшая часть владѣній эмира съ священнымъ для мусульманъ городомъ Самаркандомъ была завоевана и присоединена къ Имперіи. Кромѣ того, эмиръ обязался уплатить 500,000 рублей контрибуціи и согласился на тѣ же договорные пункты, что и Коканъ. Присоединеніемъ 4-хъ бекствъ (Самаркандскаго, Катты-Курганскаго, Педжакендскаго и Ургутскаго) достиглись слѣдующія выгоды:

1) Мы приобрѣли самый благодатный уголокъ Средней Азіи и лучшую часть знаменитой долины Міанкаль, славной во всей Азіи по своей обработанности, произрастанію и населенности. Владѣя этимъ участкомъ, мы вправѣ разсчитывать на избытокъ доходовъ, способный покрыть непропорціональность расходовъ на содержаніе Туркестанскаго округа; и

2) Могущество бухарскаго эмира ослабилось безвозвратно; эмиръ поставленъ относительно насъ въ положеніе одинаковое съ тѣмъ, въ какомъ уже съ 1866 года находится коканскій ханъ, т. е. чисто вассальное.

Что касается до водворенія нашего на восточномъ берегу Каспійскаго моря, то надо замѣтить, что Россія, нынѣ принужденная силою пробираться чрезъ туркменскія степи, прежде была желанною союзницею для туркменъ, которые со временъ Петра Великаго приняли подданство Россіи и не мало содѣйствовали русскимъ войскамъ, отправленнымъ Петромъ въ Хиву подъ начальствомъ князя Бековича-Черкаскаго. Послѣ Петра, когда о туркменахъ въ Россіи никто и не думалъ, они сами неоднократно просили о принятіи ихъ въ подданство и даже о постройкѣ на берегу Каспійскаго моря укрѣпленія. Понятно, что въ тѣ времена Россія не могла и думать о прочномъ водвореніи въ голодной степи. Въ 1802 году туркмены сами опять объявили себя подданными Россіи, и правительство рѣшилось-было стать твердою ногою на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Однако и на этотъ разъ оно снова отказалось отъ своего намѣренія вслѣдствіе разныхъ соображеній.

Въ 1819 году Муравьевъ два раза прошелъ степи отъ Каспійскаго моря до Хивы и обратно и повсюду встрѣчалъ между туркменами дружбу и расположеніе. Затѣмъ, въ 1833 году, русскіе осѣдло водворились на восточномъ берегу Каспійскаго моря, построивъ у самаго выхода изъ

залива Мертвый Култукъ въ Каспійское море Ново-Александровское укрѣпленіе.

Хотя мѣстность, выбранная для укрѣпленія, была крайне неудобна и невыгодна во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ санитарнаго, однако укрѣпленіе это оставалось до 1846 года, когда оно было перенесено на Тюкъ-Караганъ. Въ періодъ времени съ 1833 года по 1856 годъ, три раза туркмены опять предлагали свою зависимость и просили въ замѣнъ того отъ Россіи ея покровительства.

Вслѣдствіе болѣе близкаго ознакомленія съ восточнымъ берегомъ Каспійскаго моря, въ 1870 году было приступлено къ устройству Красноводскаго укрѣпленія и водворенію военнаго отряда на устьѣ Атрека—въ Чикешлярѣ.

Изложивъ историческій ходъ нашего утвержденія въ Средней Азій, перейдемъ теперь къ описанію Туркменів.

ГЛАВА II.

Характеръ туркменскихъ степей. — Каспійское море. — Климатъ. — Естественныя произведенія. — Пути черезъ степи въ Хиву. — Населеніе. — Соціальное устройство. — Экономическое положеніе. — Промышленность и торговля.

Отъ восточнаго берега Каспійскаго моря, начиная на сѣверѣ съ полуострова Мангышлака до Эльбурзскихъ горъ и рѣки Карасу въ Персіи, а на востокѣ до Хивинскихъ и Бухарскихъ владѣній лежатъ довольно обширныя степи, населенныя кочевымъ народомъ, извѣстнымъ подъ именемъ туркменцевъ, давшимъ свое названіе самимъ степямъ. Опредѣлить точнымъ образомъ границу туркменскихъ степей конечно невозможно, вслѣдствіе постоянныхъ перекочевокъ туркменскихъ родовъ, и очерченное нами пространство есть конечно приблизительное, ибо самая степь въ большей части своего пространства совершенно неизвѣстна. Для насъ важнѣе всего опредѣлить границу на западѣ, такъ какъ она въ этомъ направленіи сопрякасается съ нашимъ внутреннимъ озеромъ, Каспійскимъ моремъ. Здѣсь границу можно провести отъ Ашуръ-Аде на югъ до Тюкъ-Караганскаго мыса на сѣверѣ, что составитъ по берегу Каспійскаго моря 1920 верстъ.

Вся территорія туркменскихъ степей состоитъ изъ силесной равнины, имѣющей песчаную или солонцоватую почву, безъ всякой другой растительности, кромѣ изрѣдка попадающихся кустарниковъ саксаула и жигдовника, да кое-какихъ степныхъ травъ. Однимъ словомъ, Туркменская степь представляетъ голую и печальную низменную пустыню, лежащую мѣстами даже ниже уровня океана. Единственныя возвышенія на этой плоскости суть горы: *Чинкъ*, *Балханскія* и *Кюренъ-дагъ* съ *Кенешъ-дагомъ*. Чинкъ составляетъ довольно круглой обрывъ Усть-Урта, т. е. горъ или, лучше сказать, плоской возвышенности, проходящей между Каспійскимъ и Аральскимъ морями; Балханскія горы лежатъ по обомъ берегамъ стараго русла Аму-Дарьи, вблизи Каспійскаго моря; наконецъ

последнія лежатъ по правому берегу рѣки Атрека. Самыя важныя изъ этихъ высотъ конечно Чиньъ, потому что онъ служитъ рѣзкою границею почти во всѣхъ отношеніяхъ между пространствомъ къ сѣверу и югу отъ него.

Каспійское море, ограничивающее съ запада Туркменскія степи, имѣетъ конечно важное значеніе, какъ средство ближайшаго сообщенія со степями. Восточный берегъ этого моря характеризуется различными свойствами въ отношеніи мореплаванія и удобства стоянки для судовъ. Надо замѣтить прежде всего, что вся сѣверная часть Каспійскаго моря до параллели Тюкъ-Караганскаго мыса весьма неудобна для плаванія, и суда должны здѣсь останавливаться въ 40, 50 и даже 60 и 70 верстахъ отъ берега и перегружать свои товары на косныя лодки, которыя уже въ состояніи подходить къ самому берегу. Южнѣ Тюкъ-Караганскаго мыса, до Балханскаго залива, море представляетъ гораздо болѣе удобствъ для плаванія, а берегъ для якорныхъ стоянокъ, которыхъ здѣсь находится довольно много. Затѣмъ до самаго Астрабадскаго залива нѣтъ удобныхъ якорныхъ мѣстъ; кромѣ того, на этомъ протяженіи берегъ мелководенъ и на немъ господствуютъ зимою и осенью туманы, а вообще весьма сильныя западныя вѣтры.

Наиболѣе замѣчательную особенность Каспійскаго моря составляетъ соляной складъ, находящійся въ заливѣ Карабугазъ. Этотъ обширный бассейнъ сообщается съ Каспіемъ посредствомъ пролива, ширина котораго не превосходитъ 125 сажень, а глубина четырехъ. По этому узкому проливу постоянно течетъ изъ Каспія въ Карабугазъ вода со скоростью болѣе 5 верстъ въ часъ. Хотя западный вѣтеръ ускоряетъ, а восточный замедляетъ это теченіе, однако оно никогда не бываетъ менѣе 2 $\frac{1}{2}$ верстъ. Туркмены, кочующіе по берегамъ, съ изумленіемъ смотрятъ на вѣчное движеніе этой соленой рѣки въ заливѣ, куда еще недавно не отваживались проплыть даже мелкія суда. Это внутреннее море не безъ основанія должно казаться туземцамъ бездною, «черною пучиною» (буквальный переводъ Карабугазъ), куда изливаются воды Каспія.

Въ настоящее время происхожденіе этого теченія, несущаго соленныя волны Каспія въ заливъ, объясняется какъ нельзя проще. Въ этомъ бассейнѣ, открытомъ для всѣхъ вѣтровъ и подверженномъ дѣйствію сильныхъ жаровъ, масса воды постоянно уменьшается; эта убыль можетъ быть пополняема лишь непрерывнымъ притокомъ новой жидкости. Вода, приносима Каспійскимъ моремъ, уходитъ изъ Карабугаза только путемъ испаренія, причемъ соль остается въ этомъ огромномъ болотѣ, ко-

торое съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе насыщается ею. Въ настоящее время уже ни одно животное не можетъ жить въ Карабугазѣ; тюлени, прежде заходившіе въ заливъ, теперь уже не показываются въ немъ; даже берега лишены всякой растительности. На тинивстомъ днѣ Карабугаза уже начинаютъ отлагаться слои соли, и лотъ, когда его вынуть изъ воды, тотчасъ же покрывается кристаллами. Академикъ Бееръ вычислилъ приблизительнымъ образомъ количество соли, ежедневно отдаваемой Каспійскимъ моремъ Карабугазу. Взявъ самыя малыя цифры для степени солености каспійскихъ водъ, ширины и глубины пролива и скорости теченія съ моря, онъ нашелъ, что Карабугазъ получаетъ каждый день 350,000 тон. соли, это есть столько, сколько истребляется въ цѣлой Россіи въ продолженіи полугода. Въ случаѣ, если вслѣдствіе сильныхъ бурь или медленнаго, но постояннаго дѣйствія моря, баръ между Каспійскимъ моремъ и Карабугазомъ замкнется совершенно, то послѣдній быстро уменьшится въ объемѣ, берега его превратятся въ необозримые солончаки, и вода, которая останется въ центрѣ бассейна, сплывдетъ на степень простаго болота. Быть можетъ эта Черная Пучина даже совершенно исчезнетъ съ лица земли, какъ исчезло море, бывшее нѣкогда между Эльтонскимъ озеромъ и рѣкою Ураломъ и о существованіи котораго свидѣтельствуетъ лишь огромная котловина, лежащая на 79 футовъ ниже уровня Каспійскаго и на 150 футовъ ниже Чернаго морей.

Изъ острововъ на Каспійскомъ морѣ можно упомянуть о Челекенѣ лежащемъ къ югу отъ Балханскаго залива: на этомъ совершенно безводномъ островѣ находится 3,000 нефтяныхъ колодцевъ и нѣсколько соленыхъ озеръ.

Что касается до рѣкъ, то во всей Туркменской степи можно указать только на Карасу, Гюргень, Атрекъ, Теджентъ и Мургабъ; всѣ онѣ незначительны; только верховья Гюргени замѣчательны тѣмъ, что орошаютъ лучшую часть Туркменіи, гдѣ лежатъ многіе аулы туркменъ-юмудовъ и гокленовъ. Въ этихъ мѣстахъ встрѣчается богатая растительность, даже древесная и плодовая. Это мѣсто составляетъ рѣзкую прѣступо-ложность со всею остальною степью. Атрекъ, разливаясь въ полную воду, оплодотворяетъ свою долину иломъ, чѣмъ производитъ богатые урожаи. Теджентъ и Мургабъ теряются въ пескахъ.

Говоря о существующихъ рѣкахъ, нельзя пройти молчаніемъ *сухое* русло Аму-Дарьи, когда-то протекавшей чрезъ Туркменскую степь и впадавшей не въ Аральское море, а въ Каспійское. Теченіе было отведено еще XIII вѣкѣ; вышнее сухое русло начинается у Куня-Ургенча, потомъ раздѣляется на два рукава, соединяется вновь въ одну ложби-

ну и идетъ сначала на югъ, а потомъ на западъ. Все протяженіе стараго русла составляетъ около 600 верстъ и мѣстами наполнено водою, впрочемъ соленою, что показываетъ разобщеніе его съ нынѣшнимъ теченіемъ Аму-Дарьи.

При такой бѣдности орошенія Туркменской степи очевидно, что колодцы служатъ единственными источниками для добыванія воды, но въ колодцахъ здѣшнихъ вода всегда горько-соленая и вообще дурнаго качества.

Климатъ туркменскихъ степей континентальный, весьма сухой, хотя вообще здоровый. Болота находятся только при устьяхъ рѣкъ Атрека и Гюргеня, гдѣ, вслѣдствіе вредныхъ испареній отъ остающихся послѣ весеннихъ разливовъ водъ, воздухъ дѣлается нездоровымъ. Зима хотя и непродолжительна, но нерѣдко бываетъ весьма сурова; снѣгъ держится не долго, а дожди бываютъ весьма рѣдко. Лѣтомъ отъ жаровъ вся растительность выгораетъ и вновь появляется только осенью. Жаръ доходитъ до такой степени, что солнечные лучи раскаляютъ сухой песокъ на цѣлый футъ глубины; земля становится такъ горяча, что даже самый дикій житель средней Азии, считающій обыкновенно всякую обувь излишнею, вынужденъ бываетъ привязывать къ подошвамъ по куску кожи, въ видѣ сандалій.

Сообразно съ климатомъ естественныя произведенія туркменской степи не разнообразны. Если исключить верховья рѣкъ Атрека и Гюргеня, гдѣ, какъ уже было сказано, встрѣчаются и плодовые деревья: абрикосы, сливы, смоквы, шелковица и виноградъ, а также и лѣса, то вся остальная степь представляетъ самую безотраднѣю пустыню, гдѣ рѣдко встрѣчается даже травяная растительность, что конечно служитъ главнымъ препятствіемъ не только уже для заселенія степи, но даже просто для проѣзда черезъ нее.

Изъ царства ископаемаго здѣсь можно указать на соль, нефть, сѣру и каменный уголь. Часть добываемой соли идетъ на продажу въ Персію, а часть пріобрѣтается нашими рыбопромышленниками на засоль рыбы. Нефть главнымъ образомъ добывается на островѣ Челекенѣ, въ количествѣ до 115,000 пудовъ; для перегонки ея устроенъ нынѣ въ Красноводскѣ заводъ. Это весьма полезный матеріалъ, который идетъ на освѣщеніе, на топливо и даже на пароходы; въ особенности это важно для нашихъ войскъ, которыя на мѣстѣ находятъ матеріалы, доставка суррогатовъ которыхъ обходилась бы крайне дорого. Каменный уголь не хорошаго качества, а сѣра находится въ небольшомъ количествѣ и употребляется туркменцами на выдѣлку пороха.

Изъ царства растительнаго здѣсь встрѣчаются мѣстами просо, ячмень, пшеница, кувшуть, горохъ, рисъ и даже хлопокъ, а также дыни и арбузы. Всѣ эти растенія возможны только тамъ, гдѣ находится прѣсная вода, или проточная, или колодезная. Такія мѣста лежатъ по берегамъ Гюргени и Атрека, да въ нѣсколькихъ прибрежныхъ пунктахъ Каспійскаго моря.

Изъ царства животнаго водятся въ туркменскихъ степяхъ лисицы, кабаны, газели, дикіе ослы, зайцы, дикія лошади, тарантулы и фаланги, а въ Каспійскомъ морѣ ловятся осетры, севрюги и тюлени, число которыхъ впрочемъ уменьшается. Изъ домашнихъ животныхъ въ степи содержатся лошади, овцы и верблюды.

Степныя дороги отъ восточнаго берега Каспійскаго моря направляются къ Хивѣ, какъ къ такому пункту, на которомъ туркмены производятъ взаимный обмѣнъ съ хивинцами своихъ произведеній и куда сбываютъ персидскихъ, а иногда и русскихъ плѣнныхъ. Важнѣйшія изъ этихъ путей, начиная съ сѣвера, суть слѣдующія:

1) Изъ бывшаго Ново-Александровскаго укрѣпленія, по которому прошелъ въ 1834 году армянинъ Турпаевъ; длина его до Хивы 615 верстъ, караванъ можетъ пройти въ три недѣли.

2) Караванная дорога отъ Башъ-Кудука (къ юго-западу отъ бывшаго Ново-Александровска); она выходитъ на первую дорогу; длина ея 553 версты, а для перехода необходимъ мѣсяцъ.

3) Отъ Киндерлицкаго залива на Куны-Ургенчъ, мимо горы Карамекъ — 630 верстъ.

4) Отъ Красноводска отъ 730 до 780 верстъ.

5) Отъ Гассанъ Кули до Хивы 840 верстъ.

6) Отъ Серебрянаго бугра (путь Вамбери) — 800 верстъ.

7) Отъ Балханскаго залива по сухому руслу Аму-Дарьи до Куны-Ургенча 578 верстъ; въ 28 дней.

Пути, идущіе отъ Каспійскаго моря въ Герать:

1) Отъ Красноводска на Кызыль-Орватъ, Карызъ, Асхабатъ и Сараксъ — 950 верстъ.

2) Отъ Астрабада черезъ Мешхедъ — 871 верста.

Всѣ вообще дороги, ведущія отъ Каспія къ Хивѣ, совершенно степныя, гдѣ проходящая войска должны все имѣть при себѣ, ибо на всемъ пути они ничего не найдутъ, кромѣ скудной растительности для топлива и дурной колодезной воды, въ самомъ незначительномъ размѣрѣ. Вода здѣсь составляетъ такой драгоцѣнный матеріалъ, что по вѣрованію туркменъ «кзля» воды, подаваемая жаждущему въ пустынь, смы-

ваетъ грѣхи за сто лѣтъ». Понятно, съ какими трудностями долженъ быть сопряженъ степной походъ въ этихъ мѣстахъ; въ особенности относительно перевозочныхъ средствъ.

Туркмены раздѣляются на нѣсколько племенъ, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ отдѣльныхъ родовъ, а тѣ, въ свою очередь, подраздѣляются на колѣна. Каждое племя кочуетъ отдѣльно другъ отъ друга и имѣетъ свои особыя зимнія и лѣтнія кочевки. Дать какія нибудь точныя свѣдѣнія о числѣ туркменъ нѣтъ никакой возможности; разные путешественники, проходившіе эту степь цѣликомъ до Хивы или только нѣкоторую ея часть, приводятъ совершенно различныя цифры, весьма далеко другъ отъ друга отстоящія. Въ то время какъ одни (Борисъ) считаютъ общее число туркменъ въ 141,000 кибитокъ, другіе (Скрябинъ и Рябинянъ) въ 422,000 кибитокъ; сами же туркмены доводятъ число кибитокъ 350,000 или до 1.750,000 душъ обоого пола. Принимая за болѣе достовѣрное цифру Вамбери, полученную отъ туркменъ и уменьшенную имъ сообразно степени достовѣрности ихъ показаній, можно остановиться на томъ, что общее число туркменцевъ не превосходитъ 1.000,000 душъ обоого пола.

Не вдаваясь въ подробности описанія родовъ и ихъ мѣсть кочевокъ, мы ограничимся только тѣмъ, что приведемъ нѣкоторыя данныя о тѣхъ родахъ, которые наиболѣе заслуживаютъ вниманія или какъ наши сосѣди, или по особенно типичнымъ сторонамъ своего характера.

Между Балханскимъ заливомъ, Персією по Атреку и Гюргеню кочуютъ Юмуды, изъ которыхъ многіе аулы живутъ осѣдло и пашутъ пашни. Не смотря, однако, на эти признаки начинающейся цивилизаціи, они занимаются грабежами и разбоями какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, въ персидскихъ владѣніяхъ. Это племя изстари ведетъ непримиримую вражду съ племенемъ гокленовъ.

Къ юго-востоку отъ Юмудовъ находятся кочевыя племена Теке, которыя есть главные хищники и разбойники во всей Туркменской степи. Съ этими племенами мы имѣли дѣло при послѣднемъ движеніи нашемъ со стороны Красноводска. Оно отличается предприимчивостью, храбростью, дерзкимъ хищничествомъ, постоянными грабежами въ персидскихъ предѣлахъ. Всѣмъ этимъ они отличаются отъ другихъ племенъ и потому еще, что живутъ вблизи горъ и ущелій, въ которыхъ они легко могутъ скрываться. Словомъ, это такіе хищники, о которыхъ Вамбери говоритъ, что отъ нихъ никому нельзя ожидать пощады, и они продали бы въ невольники самого пророка Магомеда, если бы по-

слѣдній попался имъ въ руки. Ихъ укрѣпленіе Кызыль-Арватъ было взято и уничтожено нашими войсками въ 1870 году.

Самые южные изъ туркменъ Салоры, живущіе по рѣкѣ Мургабъ, также отличаются храбростью съ древнихъ временъ.

Наконецъ Гоклены, живущіе въ верховьяхъ Атрека и Гюргеня, самое цивилизованное племя, занимающееся земледѣліемъ, садоводствомъ и скотоводствомъ; оно считается въ персидскомъ подданствѣ.

За исключеніемъ племенъ, числящихся въ подданствѣ Персіи, Бухары и Хивы, и небольшого числа мангишлякскихъ туркменовъ, платящихъ подати Россіи, всѣ остальные племена вполне независимы, и между ними нельзя открыть никого, кто бы оказался желающимъ повелѣвать или повиноваться. При всемъ томъ, несмотря на эту видимую анархію, не смотря на всю дикость народа, между туркменами, пока они не объявятъ другъ другу войны, гораздо рѣже чѣмъ у другихъ среднеазиатскихъ народовъ встрѣчается взаимныхъ грабежей и убійствъ, несправедливости и безнравственности. Представителями племенъ служатъ аксакалы — старшины, иногда называющіе себя ханами. Но и эти старшины родовъ терпятъ только до тѣхъ поръ, пока они угодны народу, а затѣмъ, по собственнымъ словамъ туркменовъ, они «народъ безъ головы, которая и не нужна, ибо всякій самъ тебѣ господинъ». Вліяніе старшинъ такъ ничтожно, что самыя торжественныя обѣщанія, данныя ими отъ имени народа постороннимъ людямъ, равно ничего не значуть. Это ничтожное значеніе аксакаловъ неоднократно испытывали какъ Персія, такъ и Россія, бесполезно потративъ на нихъ большія суммы денегъ, въ надеждѣ черезъ то удержать племена ихъ отъ набѣговъ.

Что касается до политической покорности нѣкоторыхъ туркменскихъ родовъ своимъ сосѣдямъ, то она очень слаба. Наши мангишлякскіе туркмены платятъ 1 р. 50 к. кибиточнаго сбора, и хотя слушаются приказаній начальства, но какъ подданные ненадежны. Хива такъ даже заносчива у своихъ туркменскихъ подданныхъ, потому что они народъ необходимый, въ которомъ всегда есть нужда, ибо они доставляютъ Хивѣ невольниковъ для обработки полей и закупаютъ хивинскія произведенія. Эта нужда въ особенности чувствуется теперь съ появленіемъ русскихъ войскъ въ туркменскихъ степяхъ, ибо для хивинскаго хана весьма выгодна вражда къ намъ туркменъ. Впрочемъ старанія хивинскаго хана не имѣютъ большихъ результатовъ. Наконецъ въ отношеніи Персіи туркмены опьянены своими усѣхами, своимъ военнымъ счастіемъ и насмѣхаются надъ нею, когда персидское правительство грозитъ имъ

войною. Въ особенности страдаютъ отъ ихъ набѣговъ три персидскія провинціи: Мазандеранъ, Хорасанъ и Сягистанъ. Какъ мало имѣетъ значенія Персія въ глазахъ туркменъ, лучшимъ доказательствомъ служитъ выраженіе ихъ, что «еще ни одинъ персъ не подходилъ къ Атреку (пограничная черта) безъ веревки на шеѣ».

Главною связью между туркменами служитъ единство происхожденія, языка, религіи и обычаевъ. Обычай—*дебъ* играть у нихъ первую роль. Всѣ они вѣрятъ въ коранъ по суннитскому толку и уважаютъ людей, посвятившихъ себя религіи, то есть муллъ, хаджей и дервишей, хотя эти лица и не пользуются никакимъ вліяніемъ. По мнѣнію Вамберга въ ненависти къ Персіи вовсе не лежатъ религіозный фанатизмъ суннитовъ къ индѣямъ, а простая алчность и жажда грабежа. Подтвержденіемъ этой мысли служитъ то обстоятельство, что туркмены одинаково дѣлаютъ набѣги на суннитскій Афганистанъ, на Майменэ, Хиву и Бухару. Наконецъ большинство невольниковъ Средней Азии суть сунниты, а не шиты.

Однѣя набожный хищникъ, будучи спрошенъ, какъ онъ рѣшается продавать своего единовѣрца въ неволю, вопреки постановленію пророка, хладнокровно отвѣчалъ: «коранъ, книга божія, конечно благороднѣе человѣка, а все-таки покупается за нѣсколько кроновъ (монетъ). Да чего же лучше, если Юсуфъ, сынъ Якуба, былъ пророкъ, а между тѣмъ его тоже продали; что же, развѣ это повредило ему сколько нибудь?»

Какъ мы сказали уже, самое главное для туркмена—это *дебъ*, оказывающій гораздо большее вліяніе чѣмъ исламъ, и многіе обычаи, запрещенные и преслѣдуемые исламомъ, сохранили у туркменъ полную свою силу. Вообще магометанство, кромѣ вѣры въ Магомеда и Аллаха, ничего не затронуло во внутреннемъ бытѣ туркменъ, оставивъ его въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ находились 2,000 лѣтъ тому назадъ.

Видѣтъ съ этимъ туркменъ сохранилъ свой кочевническій типъ во всей его первобытной формѣ; даже полусѣдлые туркмены имѣютъ полное отвращеніе ко всему, что только напоминаетъ домъ или правильный образъ жизни. Хотя нѣкоторые туркменскіе роды уже нѣсколько столѣтій живутъ среди осѣдлыхъ узбековъ, но они до сихъ поръ чуждаются ихъ нравовъ и обычаевъ и избѣгаютъ общенія съ ними. Близкіе къ нимъ по происхожденію и языку узбеки чужды имъ неменьше чѣмъ намъ готтентоты.

Мы уже сказали выше, что туркменская степь весьма не богата

естественными произведеніями, почему и матеріальное положеніе степнаго жителя крайне ограничено. Все имущество туркмена состоитъ изъ войлочной палатки, бѣдной одежды, нѣсколькихъ верблюдовъ, лошадей, овецъ и барановъ. Если къ этому присоединить еще нѣсколько первобытныхъ земледѣльческихъ орудій у тѣхъ изъ туркменъ, которые, населяя благопріятную для земледѣлія мѣстность, занимаются хлѣбопашествомъ, то это будетъ все достояніе туркмена.

Поля засѣваются рожью, ячменемъ, бѣлымъ и краснымъ сорго, солома котораго въ изрубленномъ видѣ служитъ кормомъ для животныхъ. И такъ какъ въ палаткахъ нѣтъ достаточно мѣста, то зерна и солома зарываются до зимы въ глубокія ямы; рожь и ячмень собираются обыкновенно въ іюль. Другія произведенія почвы суть: въ небольшомъ количествѣ янсъ, разнаго рода дыни, изъ которыхъ приготовляются консервы, высушиваемыя на солнцѣ; арбузы, достигающіе здѣсь такого объема, что иногда одинъ человѣкъ съ трудомъ несетъ на себѣ два арбуза. Они бываютъ розовые, желтые и бѣлые, всѣ чрезвычайно сладкіе и превосходные на вкусъ; изъ арбузнаго сока туркмены готовятъ родъ патоки, которою лакомятся зимою; разнаго рода тыквы изъ которыхъ туркмены выдѣлываютъ пороховницы, графины, наргили кружки для воды; тыквы, служація для этого послѣдняго издѣлія огромны и отличаются замѣчательною крѣпостью; морковь, употребляемая въ сыромъ и вареномъ видѣ; лукъ, перецъ, потребляемый туркменами въ большомъ количествѣ; маленькіе, зеленые, весьма твердые и трудно разваримые артишоки, употребляемыя также, какъ горохъ для охоты; кунжутъ, масло котораго служитъ для приправы кушанья и освѣщенія зимою. Образующійся при приготовленіи его осадокъ служитъ для откармливанія верблюдовъ. Принужденные тѣсниться въ извѣстныхъ границахъ, для безопасности отъ непріятельскихъ нашествій, туркмены воздѣлываютъ поэтому продукты, необходимыя лишь для обыденнаго употребленія ихъ.

Немногочисленный скотъ ихъ состоитъ изъ барановъ, козъ, нѣсколькихъ коровъ и верблюдовъ. Изъ молока своихъ животныхъ туркмены готовятъ масло; осадокъ его сбивается въ круглыя комки, изъ которыхъ тщательно выжимаютъ всю жидкость, и сушатъ потомъ этотъ сыръ на солнцѣ; зимою же комки растапливаютъ предъ употребленіемъ въ пищу.

Изъ указанныхъ произведеній туркменской степи предметамъ торговли могутъ служить названныя выше: нефть, соль, рыба и лошади.

Размѣры вывозной торговли на Каспійскомъ морѣ за послѣднее время были слѣдующіе:

Нефтя вывезено	1 25,000 пуд.	на	40,000 р.
Соля	»	170,000 »	» 85,000 »
Рыбы	»	450,000 »	» 50,000 »

Рыболовство у туркменъ находится нынѣ въ упадкѣ, потому что самые промыслы сосредоточиваются въ рукахъ русскихъ; недолго то время, когда тоже самое должно будетъ произойти и съ нефтянымъ промысломъ.

Разматривая въ частности различныя отрасли туркменской промышленности, надо замѣтить, что земледѣліемъ занимаются Гоклены и Юмуды, живущіе по берегамъ Гюргеня и Атрека, гдѣ почва состоитъ изъ чернозема и необыкновенно плодородна, дающая нерѣдко хлѣбной урожай въ самъ—50 и самъ—60. Ирригаціонныя и неполивныя поля даютъ обильные урожаи риса, пшеницы, ячменя, джугары и особый родъ гороха, называемый *моша*. По Гюргеню же можно встрѣтить небольшія хлопчатобумажныя плантаціи и плантаціи тутовыхъ деревьевъ. Избытокъ хлѣба въ этихъ мѣстахъ идетъ въ обѣ стороны: какъ къ прикаспійскимъ туркменамъ до Балханскихъ горъ, такъ и въ Персію.

Главное богатство туркменъ составляютъ лошади, которыя бываютъ двухъ породъ. Первая, собственно туркменская, принадлежитъ, повидимому не къ туземнымъ породамъ, а произведена скрещиваніемъ. Лошадя эти средняго роста и носятъ на себѣ признаки арабскаго происхожденія, но только лошади эти нѣсколько выше арабскихъ и грудь ихъ менѣе открыта. Голова у нихъ красивая и хорошо сложена; шея довольно крѣпкая; уши прямыя и весьма подвижныя, глаза живые, взоръ широкій, морда немножко сжата, а загривокъ возвышенъ. Въ цѣломъ, лошадь стройно сложена только имѣетъ немного вдавленный хребетъ. Лошадя эти неутомимы, послушны всаднику и отличаются быстрымъ и легкимъ бѣгомъ.

Ко второй породѣ слѣдуетъ отнести высокихъ хорасанскихъ лошадей которыя некрасиво сложены и не отличаются ловкостью движеній; кромѣ того, этихъ лошадей портятъ ноги съ безобразными, узкими и весьма чувствительными копытами.

Наконецъ, у туркменъ встрѣчается еще третья порода лошадей *юрга* средняго роста, коренастая, съ густою и длинною гривой, отличающаяся рысатымъ ходомъ и обученная бѣгать иноходью. Эти лошади выво-

дятся обыкновенно изъ Ургенча, то есть Хивы и киргизскихъ степей. Цѣна лошади отъ 8 томановъ доходить до 100 *).

Туркменскіе верблюды одногорбые, средняго роста и употребляются какъ для перевозки разныхъ тяжестей при перекочевкахъ, такъ и для перевозки товаровъ, отправляемыхъ въ Хиву, Бухару, а иногда даже и въ Оренбургъ. Овцы туркменскія имѣютъ грубую шерсть. Вообще скотоводство весьма незначительно у прикаспійскихъ туркменъ и увеличивается по мѣрѣ удаленія отъ берега Каспійскаго моря.

Мануфактурная промышленность у туркменъ ограничивается производствомъ самыхъ грубыхъ издѣлій, составляющихъ предметъ самыхъ первоначальныхъ потребностей, какъ-то: одежды изъ хлопчатой бумаги, шерсти и сырцоваго шелка. Бумажныя и шелковыя матеріи ткуть преимущественно женщины изъ племени гокленовъ; шерстяныя — юмудовъ а ковры и войлоки разныхъ величинъ и цвѣтовъ приготавливаются во всѣхъ племенахъ и въ значительномъ количествѣ вывозятся въ Персію и Хиву. Порохъ, приготавливаемый туркменами въ незначительномъ количествѣ, бываетъ весьма дурнаго качества; селитру для пороха туркмены приобрѣтаютъ въ Астрабадѣ, а сѣру добываютъ въ окрестностяхъ Кара-Бугаза — у колодца Кугуртъ.

Вслѣдствіе постоянныхъ междоусобій и вражды между различными племенами внутренняя торговля между туркменами весьма мало развита. Караванная торговля производится юмудами между Астрабадомъ и Хивою, а транзитная — между Мешхедомъ и Бухарой, черезъ степи, по которымъ кочуетъ самое хищное племя текке. Главными предметами вывоза изъ степи въ Хиву, а оттуда въ Бухару служатъ: невольники, лошади, верблюды, бараны, ковры, кошмы и мелькая руглядь. Но наличныя деньги сбываютъ только невольниковъ; остальные же товары идутъ въ обмѣнъ на другіе. Привозъ изъ Хивы и Бухары заключается въ шеницѣ, мерлушкахъ, въ русскихъ товарахъ: металлическихъ и бумажныхъ издѣліяхъ. Восточные туркмены ведутъ незначительный мѣховой торгъ съ независимыми владѣніями, лежащими въ верховьяхъ Аму-Дарьи и съ Афганистаномъ. Главнымъ пунктомъ этой торговли можно считать г. Мейманъ. Въ Персію пограничные туркмены выводятъ лошадей, верблюдовъ, барановъ; вывозятъ ковры, соль, нефть, въ замѣнъ чего покупаютъ изъ Персіи оружіе, лѣсъ, порохъ, табакъ, краски и фрукты. Съ Россією туркмены торгуютъ въ Ашуръ-Аде, на островѣ Челекенѣ и фортѣ Александровскомъ. Въ первыхъ двухъ мѣстахъ они сбываютъ нефть, нефтягиль и

*) Томанъ равенъ 3 рублямъ.

соль, а въ послѣднемъ — рыбу, въ замѣнъ чего получаютъ хлѣбъ, железо, чугунные котлы, рыболовныя снасти, сахаръ, чай и разные другіе мелочные товары,

Для торговли и рыболовства почти каждый прибрежный туркменъ имѣетъ лодку (квржымъ), число которыхъ доходитъ до 500; нѣкоторыя изъ лодокъ поднимаютъ отъ 600 до 1200 пудовъ груза, Вообще же туркменскія суда бываютъ трехъ родовъ: *кизбой* — судно съ одной мачтой и двумя парусами, служащее для перевозки владн; *кахосъ* — съ однимъ парусомъ, служащее для морскихъ разбоевъ, и *телмилъ* — обыкновенное перевозочное судно.

ГЛАВА III.

Туркменскій типъ. — Мужчины, женщины и дѣти. — Ихъ одежда и украшенія. — Пища. — Живскія работы. — Религія и суевѣрія. — Свадьбы, похороны, празднества у туркменъ. — Набѣги и обращеніе съ плѣнниками. — Жестокость. — Ашуръ-аде. — Нынѣшнее положеніе русскихъ въ степи.

Приступая къ описанію внутренней жизни туркменъ, ихъ нравовъ и обычаевъ, мы остановимся предпочтительно предъ всѣми авторами на Блоквилѣ, который, проведя четырнадцать мѣсяцевъ въ плѣну у туркменцевъ племени теке, имѣлъ возможность весьма близко ознакомиться съ ихъ правами и характеромъ.

Самый общій типъ туркмена можно охарактеризовать такимъ образомъ: ростъ выше того, который мы называемъ среднимъ, находящійся притомъ въ соответствіи со всѣми частями тѣла. Хотя мускулы туркмена не слишкомъ развиты, но онъ вообще силенъ и отличается крѣпкимъ сложеніемъ, позволяющимъ ему переносить усталость и много физическихъ лишеній. Кожа его бѣлая, лицо круглое, скулы выдавшіяся, лобъ широкій, черепъ вышуклый съ сильно развитыми костями. Его маленькіе, впалые, удлиненные, на подобіе миндаля, глаза, почти безъ рѣсницъ, отягчаются живостью и умомъ; носъ большею частью малый и вздернутый, губы довольно толстыя, подбородокъ не великъ. Ко всему этому добавьте небольшіе усы и рѣдкую бороду, покрывающую щеки и подбородокъ. Уши сильно развиты и совершенно отвислы, а обычай подбирать за нихъ волосы еще рѣзче обнаруживаетъ эту уродливость, такъ что если глядишь на туркмена прямо, то уши его столь же замѣтны, какъ при взглядѣ на другихъ людей въ профиль. Одежда ихъ состоитъ изъ широкихъ, ниспадающихъ къ землѣ и сжатыхъ у бедеръ шароваръ и изъ рубахи безъ воротника, съ прорѣхою до пояса на правой сторонѣ. Поверхъ этой рубахи покрывающей шаровары до бедеръ, надѣваются одинъ или два большихъ халата, подносальныхъ ниже

груди шерстянымъ или бумажнымъ поясомъ, съ длинными, широкими рукавами, напоминающими когда-то бывшіе въ модѣ французскіе рукава *a gigot*. Выбритаго голова туркменъ покрыта суфьей и потому *талбакомъ* — родъ усѣченнаго конуса, сдѣланнаго изъ кожи простаго или такъ называемаго у насъ астраханскаго барава (въ сущности бухарскаго). Въмѣсто сапогъ, они носятъ родъ туфель, или ограничиваются одною только подошвой изъ верблюжьей или лошадиной кожи, привязываемою къ ногѣ шерстянымъ спуркомъ.

Зимю и при ѣздѣ верхомъ мужчины и женщины надѣваютъ сапоги, причемъ они заворачиваютъ сначала половину ноги въ нѣчто похожее на фланель, къ которой привязываютъ шаровары, и поверхъ ея надѣваютъ гибкій, но довольно плотный, войлочный сапогъ; сверху же другою сапогъ изъ русской кожи, даходящій выше колѣнъ. Сапоги эти съ узкими, высокими каблуками и съ желѣзною, припаянною къ каблукъ, подошвой, не толще франковой монеты, имѣютъ швы внутри, и если ихъ смазать жиромъ, то они становятся рѣшительно непромокаемыми. Съ боку у туркмена непременно виситъ на спурѣ или на ремнѣ ножъ, или родъ сабли.

Типъ туркменскихъ женщинъ представляетъ болѣе рѣзкія характерныя черты, чѣмъ типъ мужчинъ. Скулы у женщинъ рѣзче выдаются; кожа чрезвычайно бѣла, не смотря на крайнюю неопрятность ихъ. Волосы обыкновенно очень густы, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень коротки, такъ что туркменки удлиняютъ косы свои съ помощью тесемокъ изъ козьей шерсти (фальшивые волосы невзвѣстны у нихъ), къ которымъ онѣ привязываютъ бусы или серебряныя жемчужины. Нарядъ ихъ состоитъ изъ шароваръ, суживающихся у бедръ, гдѣ онѣ плотно прилегаютъ къ ногѣ, и изъ широкой, доходящей до бедръ рубахи, нагрудная часть которой бываетъ усѣяна обыкновенно въ нѣсколько рядовъ маленькими, плоско-овальными, серебряными монетками, съ направленными въ нихъ сердоликами. Онѣ также носятъ халаты, подобныя мужскимъ, но только гораздо короче; замужнія женщины стягиваютъ иногда талию поясомъ поверхъ рубахи.

Туркменки опускаютъ на оба виска пряди волосъ, виспадающія ниже подбородка; остальные полосы заплетаются въ двѣ косы, опускающіяся къ поясицѣ. Голова ихъ покрыта круглымъ токомъ, къ которому привязывается шелковый или шерстяной вуаль, ниспадающій сзади до самыхъ пятокъ; все это придерживается подобіемъ тюрбана шериною въ три пальца, обложеннаго серебряными бляхами. Подобная повязка прикрѣпляется сзади простымъ узломъ. Одинъ конецъ вуаля обводится

вокруг подбородка справа и лѣво и прикрѣпляется на лѣвой сторонѣ головы съ помощью цѣпочки съ крючкомъ. Смотри по обстоятельствамъ, туркменки поднимаютъ иногда этотъ конецъ поверхъ подбородка до нижней губы, подобно тому, какъ это дѣлаютъ армянки. Серьги ихъ имѣютъ треугольную форму и сдѣланы изъ чистаго серебра съ разрисованными по немъ золотыми арабесками, посреди которыхъ вправляется сердоликъ. Отъ основанія треугольника спускаются внизъ цѣпочки въ пять сантиметровъ длины, съ ромбическими серебряными бляхами на концѣ, а въ вершицѣ треугольника прикрѣплена къ крючку въ видѣ удочки, цѣпочка, которая привязывается къ верхней части головы и служитъ къ облегченію уха, которое не въ силахъ было бы вынести тяжести подобныхъ серегъ, висящихъ не менѣе двухсотъ граммовъ.

Овальныя большею частью браслеты имѣютъ отъ двухъ до трехъ пальцевъ толщины; подобные браслеты вѣсятъ обыкновенно отъ двухсотъ-пятидесяти до трехсотъ граммовъ, и, подобно серьгамъ и другимъ вещамъ, служащимъ къ украшенію туркменскихъ женщинъ, сдѣланы изъ серебра съ золотыми разводами и съ вправленными въ нихъ сердоликами.

Ожерелье туркменокъ имѣетъ также свою опредѣленную форму, измѣняющуюся, однако, сообразно его цѣлостности. Оно состоитъ обыкновенно изъ ряда бляхъ, движущихся свободно вокругъ шеи и утвержденныхъ съ боку на шарнирѣ; отъ этого круга ниспадаетъ на грудь фигура ромбической формы ажурной работы, величиною въ ручную кисть, раздѣленная на клѣточки съ вставленными въ нихъ круглыми или четырехугольными сердоликами. Драгоценность эта осложняется еще цѣпочками съ привѣшенными на концахъ ихъ серебряными бляхами, такъ что все ожерелье вѣситъ иногда семьсотъ пятьдесятъ граммовъ и даже болѣе. Къ кожаной перевязи, покрытой маленькими серебряными бляхами, привѣшенъ родъ футляра, предназначеннаго для храненія въ немъ амулетовъ, талисмановъ или изреченій корана. Футляръ этотъ имѣетъ видъ треугольника, наръзаннаго зубцами и обращеннаго вершиной внизъ; онъ сдѣланъ также изъ серебра, украшенъ золотомъ и сердоликами и вѣситъ пятьсотъ граммовъ. Къ талии, наконецъ, привѣшивается круглая, наръзанная зубцами бляха, вѣсящая двѣсти-пятьдесятъ граммовъ.

Тіара, которою покрываютъ себя матроны во время большихъ торжественныхъ церемоній, во время свадьбы, наприимѣръ, представляетъ головной уборъ, вышиною около сорока сантиметровъ. Онъ сдѣланъ изъ кожи и покрытъ сукномъ или красною матеріею, къ которой при-

вѣшены рядами золотыя и серебряныя цѣпочки, съ маленькими ромбическими бляхами на концѣ. Расположенныя въ верхней части ея шарикъ и остроконечныя пластинки дѣлаютъ тиару похожею на корону. Къ двумъ концамъ ея прикрѣплено шелковое, зеленое или желтое покрывало, падающее на спяну и вышитое яркими шелками. На подобную работу женщины употребляютъ, обыкновенно, отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ. Выходя изъ дому, онѣ покрываютъ себя такимъ вуалемъ, или другимъ, не столь тщательно отдѣланнымъ, продѣвая голову въ рукавъ капюшона, который вмѣстѣ съ вуалемъ ниспадаетъ назадъ. Во всѣхъ этихъ нарядахъ преобладаютъ красный, желтый и малиновый цвѣта. Когда нѣсколько женщинъ отправляются вмѣстѣ за водою, то бряцанье покрывающихъ ихъ бляхъ напоминаетъ нѣсколько звонъ колокольчиковъ восточнаго каравана. Часто встрѣчаются женщины отвратительныя по своему неряшеству, покрытыя рубищемъ, не имѣющія чѣмъ покрыть себя ночью или богатство которыхъ состоитъ въ кулѣ муки для пропитанія своего семейства, и при всемъ томъ носящія разныя украшенія въ родѣ серегъ, ожерелья и проч., которыхъ онѣ не скидаютъ даже лежа спать. Заложить ихъ онѣ рѣшаются только въ случаѣ послѣдней крайности, и то по принужденію мужей.

Мужчины туркменскіе, кромѣ молодыхъ людей, не носятъ на себѣ никакихъ украшеній; молодежь же украшаетъ себя подчасъ сердолиткомъ, въ видѣ брошки, застегивающей воротникъ рубашки.

Дѣти туркменъ лѣтомъ и зимою бѣгаютъ въ одной бумажной или шелковой рубашкѣ, украшенной также серебряными бляхами или иными драгоценностями, смотря по состоянію родителей. Мальчики обыкновенно совершенно обрѣты; только съ боковъ да на макушкѣ оставляются у нихъ маленькіе клочки волосъ, которые заплетаютъ иногда въ косы и закладываютъ за уши; голова ихъ обыкновенно покрыта вышитою шапочкою съ бляшкою по срединѣ, къ которой прикрѣпляется маленькій цилиндръ, для утвержденія въ немъ пучка перьевъ. Къ этой бляхѣ привѣшиваются цѣпочки, оканчивающіяся также привязанными къ нимъ бляхами изъ того же металла. Такого рода головной уборъ мальчики носятъ до десятилѣтняго возраста.

Дѣвочки одѣваются почти совершенно такъ же, какъ мальчики, только рубашка ихъ доходитъ до самыхъ пятъ. Онѣ также обрѣты и у нихъ оставляются только два клочка волосъ на вискахъ, да одинъ на макушкѣ, который ниспадаетъ внизъ на шею; но съ двѣнадцатилѣтняго возраста ихъ перестаютъ брить. Головной уборъ ихъ отличается отъ головнаго убора мальчиковъ только тѣмъ, что къ шапочкѣ ихъ

принимаются шнуры съ пуговками изъ чернаго шелку или черной шерсти, которые упадаютъ на спину и плечи; такого рода головной уборъ онѣ носятъ до нятнадцати или до семнадцатилѣтняго возраста.

Племя туркменъ чрезвычайно смѣшано. Множество плѣнниковъ изъ сосѣднихъ странъ, какъ на примѣръ: афганы, персы и др., освоившись съ бытомъ туркменъ, женились на туркменскихъ женщинахъ и стали такъ-сказать гражданами этого общества; кромѣ того, туркмены безпрерывно вводятъ въ среду свою иноземныхъ женщинъ изъ Бухары или изъ Герата и другихъ персидскихъ мѣстностей, гдѣ они похищаютъ женщины во время своихъ набѣговъ.

Во всякомъ случаѣ, типъ истаго туркмена отличается такими рѣзкими особенностями, что съ перваго взгляда сейчасъ замѣтишь между ними человека съ помѣсью чужой крови.

Жилище бѣднаго и богатаго туркмена одинаково расположено и обставлено, только у богатыхъ оно лучше содержится. Установленіе новой палатки составляетъ предметъ праздничнаго торжества. Цѣна сруба изъ новаго дерева колеблется, обыкновенно, между десятью и нятнадцатью теккеевскими таманами. За нѣсколько времени до открытія палатки теккевецъ увѣдомляетъ о томъ своихъ друзей и сосѣдей, которые въ назначенный день являются къ нему въ гости.

Палатка открывается прежде, чѣмъ ее обтянуть войлокомъ; въ ней располагаютъ ковры, разную утварь, кули съ провизією, нѣсколько кусковъ шерстяной или шелковой матеріи разныхъ цвѣтовъ, къ которымъ прикрѣпляются перья, расположенныя такъ высоко, что достать ихъ рукою можно только подпрыгнувши.

Когда гости соберутся, тогда все общество вступаетъ въ новую палатку, причемъ каждый дѣлаетъ свои замѣчанія на счетъ достоинствъ или недостатковъ ея, и самые искусные начинаютъ упражняться въ томъ, чтобы достать кусокъ вислицей въ верху матеріи. Потомъ начинаются состязанія въ единоборствѣ, въ верховой ѣздѣ, въ стрѣльбѣ изъ ружей и пистолетовъ, изъ которыхъ стрѣляютъ въ цѣли, мчась галопомъ на конѣ. По окончаніи этого, гости собираются къ закускѣ. Въ такихъ торжественныхъ случаяхъ хозяева закалываютъ барановъ и приготавливаютъ рису для всѣхъ приглашенныхъ. Пиршество заканчивается, обыкновенно, угощеніемъ чаемъ, трубкою и музыкою, которая гремитъ въ новооткрытомъ помѣщеніи. Самъ хозяинъ обыкновенно держится въ срединѣ у огня, расположась прямо противъ входа въ палатку. Вступая въ нее, женщины отходятъ на правую сторону, а мужчины на лѣвую, или на правую отъ мѣста, занимаемаго хозяиномъ.

Крѣпкій ремень, пропускаемый въ кругъ, образующій ключъ свода этой постройки, опускающійся внутрь ея въ размѣръ человеческого роста, служитъ къ укрѣпленію наружной покрывки, колеблемой иногда бурями. Къ этому ремню привязывается кулъ муки или какая иная другая тяжесть, ибо вѣтеръ въ этихъ странахъ дуетъ иногда съ такою силою, что бывають принуждены снимать съ покрывки войлокъ.

Туркмены, у которыхъ есть колья, ставятъ ихъ вертикально снаружи у входа въ палатку. Вблизи ея круглый годъ помѣщается домашній скотъ; для защиты его отъ вѣтра, зимою вырываютъ довольно глубокіе и иногда покрытые сверху рвы.

Почти все туркмены питаются однимъ и тѣмъ же. Утромъ—кусочъ хлѣба съ лукомъ или съ какою иная похлебкою, смотря по средствамъ cadaго; почти все они содержатъ вблизи своей палатки овцу или козу, которую откармливаютъ на случай какого иная особаго торжества. Мясо очищается отъ кожи, парѣвается мелкими кусками и солится; часть его высушивается и получаетъ тогда особый вкусъ, напоминающій весьма любимое туркменамъ мясо фазана. Другая часть, парѣнная болѣе или менѣе мелкими кусками, предназначается для дѣланія изъ нея по временамъ говяжьяго настоя. Кости и разные остатки убитаго животнаго собираютъ вмѣстѣ и варятъ въ одной или нѣсколькихъ кастрюляхъ, соображаясь съ тѣмъ, чтобы на готовящемся иршествѣ навару этого достало для всѣхъ друзей и сосѣдей. Внутренности же отдаются дѣтямъ, которые поджариваютъ ихъ на угольяхъ и потомъ сосутъ цѣлые дни эти, едва вымытыя, кишки.

Похлебка ихъ (шур) готовится слѣдующимъ образомъ: хозяйка кладетъ въ кастрюлю нѣсколько свѣжаго или соленаго мяса; запахъ его скоро распространяется по окрестности и привлекаетъ къ этому мѣсту нѣсколькихъ сосѣдокъ, которыя, съ перетеномъ въ рукахъ, приходятъ подъ какимъ иная предлогомъ къ своей знакомой, заводятъ съ нею разговоръ и садятся близь печи. Каждая изъ нихъ мѣшаетъ поочередно деревянною ложкою мясо въ кастрюль, чтобы оно нѣсколько подрумянилось, и облизываетъ потомъ весь остающійся на ложкѣ жиръ. Какъ только мясо настолько выварится, что кастрюля начинаетъ принимать извѣстный глянецъ, хозяйка достаетъ руками нѣсколько кусковъ его и предлагаетъ ихъ своимъ гостямъ, припрятывая, однако, лучшій кусочекъ для самой себя. Потомъ она наливаетъ въ кастрюлю нѣсколько кружекъ воды и посыпаетъ оставшіеся куски солью и перцемъ. Когда все это достаточно сварится, тогда мясо выкладывается на большія деревянные блюда, на которыя предварительно наламываютъ нѣсколько хлѣба. Передъ

обѣдомъ всѣ ушываютъ руки; но это дѣлается, повидимому, только для формы, потому что туркменскія руки не вымоешь одною водою. Когда же супъ окончательно изготовится, тогда глава семейства, воздавъ хвалу Богу, даетъ всѣмъ присутствующимъ знакъ занять мѣста вокругъ деревянныхъ чашъ. Мужчины обѣдаютъ въ сторонѣ отъ женщинъ и дѣтей. Сначала ѣдятъ ложкою супъ, который, впрочемъ, почти весь впитывается въ набросанные въ него куски хлѣба, потомъ берутъ руками каждый съ своего мѣста, хлѣбъ и мясо, и, уничтоживъ то и другое, добиваютъ ложкою, переходящею поочередно отъ сосѣда къ сосѣду, остающуюся на блюдѣ жидкость. За обѣдомъ каждый заботится о томъ, чтобы набрать руками какъ можно болѣе существеннѣйшей части кушанья, не занимая обѣденнаго времени интереснымъ разговоромъ или чѣмъ нибудь другимъ въ этомъ родѣ, потому что ѣда у туркменъ происходитъ весьма быстро и исправно.

По окончаніи обѣда, каждый облизываетъ себѣ руки и потираетъ ихъ до концевъ пальцевъ, чтобы онѣ были на всемъ простанствѣ одинаково покрыты жиромъ, потомъ потираютъ жирными руками лицо, съ цѣлью сообщить ему мягкость и лоскъ; наконецъ, третья операція подобнаго рода состоитъ въ натираньи жиромъ ногъ, или сапогъ, если они надѣты на ноги. Поэтому, взглянувъ на сапоги туркмена, можно сейчасъ же узнать, ѣсть ли онъ скоромное, или постится.

Когда каждый успѣетъ достаточно натереть себя жиромъ, тогда старѣйшіе въ средѣ вышываютъ руки, держа ихъ въ уровень съ своимъ лицомъ и произнося при этомъ: *Беоми Аллахъ, аляраманъ, алярагимъ, Аллахъ акберъ* (великъ Господь), причемъ всѣ присутствующіе потираютъ рукою подбородокъ, а мужчины также и бороду во всю ея длину.

Кушанье становится на что-то въ-родѣ салфетки, которая прибравается и складывается по окончаніи закуски, и тогда запасаются костью, чтобы сосать ее для развлеченія въ послѣобѣденное время, и если находка эта очутится въ рукахъ главы семейства, въ такомъ случаѣ, нѣсколько пососавъ ее, онъ передаетъ кость женѣ, а та, въ свою очередь, передаетъ ее своему ребенку, послѣ котораго ею наслаждается уже домашній песъ, слѣдящій обыкновенно жадными глазами, какъ переходить лакомая кость изъ рукъ въ руки, пока не наступитъ, наконецъ, его очередь распорядиться остатками ея по своему усмотрѣнію. Послѣ обѣда курятъ тчелемъ (водяная трубка), напоминающій нѣсколько кальяна. Графины у этого снряда деревянныя, въ родѣ тыквенной бутылки, а иногда даже замѣняются просто этою послѣднею. Въ верхней части его, гдѣ должна бы находиться трубка, сдѣланы два отверстія,

на первое изъ нихъ кладутся губы, чтобы вдыхать дымъ, а на второе палецъ руки, придерживающій снарядъ, чтобы открыть или прикрыть это отверстіе, смотря потому, желаютъ ли получить больше или меньше дыму. Туркменьъ быстро затягивается три или четыре раза, и потомъ, задерживая послѣднее дыханіе сколько вынесутъ его легкія, выпускаетъ дымъ и передаетъ трубку своему сосѣду. Наклопаясь послѣ того нѣсколько впередъ, онъ пребываетъ въ восторженномъ состояніи или остается погруженнымъ въ себя, причемъ слюна свободно течетъ по его губамъ; приходя наконецъ мало-по-малу въ себя, онъ принимаетъ нормальное положеніе. Табакъ доставляется изъ Бухары и отличается чрезвычайною крѣпостью; для куренія, его предварительно мнутъ нѣсколько въ рукахъ и затѣмъ уже набиваютъ трубку, которую закуриваютъ съ помощью огня или горящимъ огнемъ. Женщины, за немногими исключеніями, не курятъ, мужчины же курятъ сколько могутъ и набиваютъ постоянно табакомъ до верху карманъ въ боковой части рубашки. Даже ночью, если туркменьъ томится безсонницею, онъ встаетъ и закуриваетъ трубку. Онъ идетъ въ тѣ палатки, гдѣ надѣется найти огонь, и на это никто не обращаетъ вниманія; иногда только хозяинъ спрашиваетъ «кто тамъ?» и спокойно допускаетъ гостя вскатъ въ пепелъ огня для трубки.

Въ обѣденное и послѣобѣденнаго время туркмены потребляютъ также очень много чаю, который они пьютъ съ сахаромъ и безъ него. Чай ихъ бываетъ двухъ родовъ: черный, или простой, въ плиткахъ; для настоя, плитки эти разламываются на куски; и зеленый ароматный чай, отличающійся чрезвычайною крѣпостью. Неумѣренное употребленіе этого послѣдняго производитъ въ извѣстномъ возрастѣ судорожныя сотрясенія въ тѣлѣ. Многие изъ туркменъ нюхаютъ также смѣсь, сдѣланную изъ высушенной и измельченной и орошокъ травы, съ примѣсью табаку и нѣсколькихъ капель кунжутнаго масла, которое придаетъ ей зеленоватый цвѣтъ и способствуетъ лучшему образованію смѣся.

Возвратимся, однако, къ туркменскому обѣду. Описанную похлебку туркмены замѣняютъ часто похлебкою изъ маленькихъ, круглыхъ, твердыхъ бобовъ, приготовленныхъ съ мукою, кислымъ молокомъ, солью и перцемъ. Иногда готовится похлебка съ хлѣбомъ или тѣстомъ; когда погода неблагопріятствуетъ топкѣ печи, въ такомъ случаѣ нарезаютъ ломти хлѣба, между ними кладутъ нарубленный кусокъ мяса съ лукомъ, и жарятъ это на огнѣ, поддерживаемомъ надъ разложеннымъ вблизи костромъ.

Рисъ считается у туркменъ лакомствомъ. Его приготавливаютъ съ мясомъ, кунжутнымъ масломъ, мелко — нарезанною морковью, перцемъ

солью и водою. Жаренныя въ маслѣ бараньи ноги принадлежать также къ числу любимѣйшихъ туркменскихъ блюдъ.

Въ обыкновенное время главною пицею имъ служатъ: хлѣбъ, лукъ, кислое молоко, тыква, пастернакъ и дыни. Верблюжье молоко кипеть обыкновенно въ мѣрахъ или кружкахъ и выходитъ свѣтлое, нѣсколько голубоватое, кислое, какъ лимонъ, непріятное на вкусъ и запахъ; отъ него можно опьянѣть. Это единственный напитокъ, образующійся броженіемъ, который употребляютъ туркмены.

Баранья кожа, если она не предназначена къ чему нибудь другому, употребляется также въ пищу. Ее оставляютъ нѣсколько дней въ углу, дабы она восприняла вкусъ фазана, послѣ чего легко освобождается отъ шерсти; по совершеніи этой операціи, ее, безъ всякихъ дальнѣйшихъ приготовленій, нарезываютъ полосками и бросаютъ на уголья, и какъ только она немного подрумянится—долго оставлять ее въ огнѣ нельзя, иначе она потеряетъ свой жиръ,—ее употребляютъ въ пищу, разжевывая не безъ нѣкотораго усилія.

Женщины пользуются у туркменъ бѣльшимъ почетомъ, нежели у другихъ мусульманъ. Тѣмъ не менѣе, работы у нихъ очень много: каждый день приходится имъ, между прочимъ, молоть хлѣбъ, предназначенный для семейнаго потребленія.—Кромѣ того онѣ прядутъ шелкъ, шерсть, бумагу; ткутъ, шьютъ, мнутъ войлокъ, взбираются на верхъ палатки и спускаются съ нея, ходятъ за водою, иногда моютъ, красятъ шелкъ или шерсть и дѣлаютъ ковры. Эта послѣдняя работа производится такимъ образомъ: въ хорошую погоду, туркменки устанавливаютъ на открытомъ воздухѣ несложный снарядъ, состоящій изъ четырехъ коловъ, тщательно укрѣпленныхъ въ землѣ, и начинаютъ ткать при помощи двухъ большихъ перекладинъ, на которыхъ располагается утокъ. Ковры ихъ пресуются желѣзнымъ инструментомъ, состоящимъ изъ пяти или шести пластинъ, расположенныхъ на подобіе гребня, и бываютъ обыкновенно въ три метра длины и полтора ширины; дѣлаются они хорошо и весьма прочно.

Каждое семейство имѣетъ свой особый рисунокъ, который передается изъ рода въ родъ, отъ матери къ дочери. Туркменскія женщины должны обладать весьма крѣпкимъ сложеніемъ, чтобы выносить всѣ возлагаемыя на нихъ работы, во время которыхъ онѣ кормятъ иногда грудью дѣтей и питаются однимъ хлѣбомъ или весьма мало-питательною похлебкою; особенно утомляетъ ихъ и вредно дѣйствуетъ на грудь—молотьба. Въ рѣдкія минуты отдыха онѣ всегда имѣютъ съ собою связку шерсти верблюжьяго волоса или шелковыхъ охлокковъ, которыя сучать, бесѣдуя

съ сосѣдками, и никогда не сдѣять сложа руки, подобно другимъ мусульманскимъ женщинамъ въ прочихъ восточныхъ странахъ.

Мужчины имѣютъ также свои опредѣленные занятія. Они воздѣлываютъ землю, ухаживаютъ за домашнимъ скотомъ и отъ-времени до-времени совершаютъ набѣга, чтобы возвратиться съ добычею. Они плетутъ также шерстяныя шкуры, кроютъ и шьютъ верблюжью и лошадиную упряжь, пытаются даже устроить маленькую торговлю, а въ свободныя минуты готовятъ себѣ головные уборы или кожаную обувь, поигрываютъ на двухструнномъ инструментѣ, поютъ, пьютъ чай и курятъ.

У этого кочеваго племени нельзя не замѣтить сильной любви къ пріобрѣтенію знаній и къ чтенію тѣхъ книгъ, которыя случайно попадаютъ имъ въ руки. Дѣти обыкновенно принимаются за работу не ранѣе десяти или двѣнадцати лѣтъ отъ роду, а до тѣхъ поръ родители заставляютъ ихъ учиться чтенію и письму, и если туркмену понадобится лѣтомъ помощь своихъ дѣтей, въ такомъ случаѣ онъ весьма заботится о томъ, чтобы они наверстали зимою потерянное время.

Школьный учитель, мулла (священникъ или книжникъ), довольствуется за свои труды незначительными приношеніями: рожью, лукомъ, фруктами или вещами, смотря по положенію родителей воспитанника. Каждый ученикъ снабжается доскою, на которой мулла пишетъ азбуку или урокъ; по мѣрѣ того, какъ ребенокъ вытверживаетъ этотъ урокъ, мулла стираетъ, или смываетъ доску. Передъ отправленіемъ въ школу, родители сами спрашиваютъ урокъ у своихъ дѣтей, чтобы убѣдиться, твердо ли онъ знаетъ его; женщины особенно тщеславятся своимъ знаніемъ читать. Мужчины же по цѣлымъ днямъ стараются иногда уяснить себѣ смыслъ стиховъ въ какой нибудь книгѣ, попавшей къ нимъ изъ Хивы или Бухары, написанный языкомъ, нѣсколько отличнымъ отъ нарѣчія туркменъ. Туркменскія мุลлы проводятъ по нѣсколькимъ лѣтамъ въ этихъ городахъ, обучаясь въ лучшихъ тамошнихъ школахъ.

Номады эти носятъ на себѣ амулеты или изреченія изъ корана, написанныя муллами, признанными праведными, или такъ-называемыя шебабъ, которые занимаются также врачеваніемъ больныхъ, съ помощью изреченій корана или дага (желаній). Амулеты зашиваются обыкновенно въ треугольный кусокъ кожи или помѣщаются между двумя серебряными бляхами; они нашиваются потомъ на скуфью, или на рубаху и на какую нибудь другую часть одежды. Дѣти обыкновенно бываютъ, покрыты такими амулетами. Кроме того, они носятъ иногда направленный въ серебро птичій коготь отъ дурнаго глаза. Лошади, верблюды

бараны носятъ также на шеѣ амулеты; вѣсколько амулетовъ пришивается къ палаткѣ.

Туркмены устраиваютъ ежегодно большой религіозный праздникъ такъ-называемый Кода-юли (Кода — Богъ, юль — дорога, путь), съ цѣлью возславословить Бога и призвать благословеніе свыше на семейство и скоть туркмена, да охранить оно ихъ отъ болѣзней и да помлетъ Господь ему самому помощь во всѣхъ предпріятіяхъ, особенно въ набѣгахъ, такъ какъ они направлены главнымъ образомъ противъ иновѣрцевъ.

Каждый устраиваетъ въ этотъ день угощеніе, сообразуясь со средствами. Въ богатой семьѣ закалываютъ десять или пятнадцать барановъ, причемъ друзья и сосѣди приглашаются помочь на кухнѣ. Всюду, гдѣ только могутъ, собираютъ для торжественнаго пиршества блюда, кастрюли и разныя кухонныя принадлежности. Кастрюли устанавливаютъ въ одинъ рядъ и поручаются надзору лучшихъ поваровъ, остальные занимаются приготовленіемъ мяса и хлѣба. Женщины, въ свою очередь, готовятъ тѣсто, варѣзанное ланшею и сваренное въ кунжутномъ маслѣ. Предъ палаткою амфитріона развѣшиваютъ ковры, и самъ хозяинъ со всѣми своими родными заботится, чтобы на праздникъ его каждый получилъ свою долю. Гости собираются въ этотъ день со всѣхъ сторонъ, и чуть только на одномъ изъ ковровъ усядятся довольно гостей, въ ту же мнуту особо разсылаемые для этого люди увѣдомляютъ прислугу, приставленную къ блюдамъ и кастрюлямъ, о томъ, сколько потребно порцій супу или рису. Когда кушанье принесутъ въ палатку, къ нему тотчасъ же подходятъ группами отъ четырехъ до шести человѣкъ, смотря по числу порцій, поданныхъ на блюдѣ и означаемыхъ ломтиками хлѣба, изжаренными въ маслѣ. При этомъ самый старшій изъ возсѣдающихъ на коврѣ обращается обыкновенно къ окружающимъ его съ рѣчью, въ которой призывается благословеніе неба на виновника праздника. Съѣвши все, что подаю на блюдѣ, каждый намазываетъ себѣ жиромъ лицо, руки и сапоги, и затѣмъ, поблагодаривъ ягу, группа удаляется, уступая свое мѣсто другимъ гостямъ.

Завидѣвъ какой нибудь драгоценный предметъ изъ золота или серебра, туркмень непремѣнно повертитъ его въ рукахъ и приложитъ къ глазамъ возсылая пожеланіе себѣ и своему семейству обладать такимъ предметомъ. Особенно женщины не могутъ обойтись безъ того, чтобы не прикоснуться ко всему, что поразитъ ихъ взоры. Недавно вышедшая замужъ женщина увидитъ, наприимѣръ, красиваго ребенка, — она тотчасъ же дотронется до него, обнимая руками, и потомъ проведетъ свои руки по тѣ-

ду и по своему лицу, вполне увѣренная, что подобное прикосновение можетъ оказать физическое вліяніе.

Каждый туркмень умѣетъ гадать, и дѣлаетъ это такимъ образомъ. Усевшись передъ маленькою кучею песку и засучивъ по локоть руки, онъ натираетъ ихъ пескомъ, какъ бы водою, и проводитъ ими по головѣ, лицу и шеѣ до самой груди. Затѣмъ онъ устраиваетъ изъ песку круглую или плоскую кучу и по ней проводитъ пальцемъ столько лучей, сколько въ азбукѣ буквъ. По окончаніи этой операціи, онъ вручаетъ тому, на кого гадасть, три пучка сѣна, и проситъ его положить ихъ на какіе нибудь три луча, начертанные на пескѣ. Принявъ тогда одинъ изъ лучей, все равно какой бы то ни было, исходною точкою, онъ продолжаетъ считать ихъ до послѣдняго, и смотря по тому, на сколько окажутся удаленными или приближенными пучки соломы къ такой-то или такой-то буквѣ, онъ даетъ благопріятный или неблагопріятный отвѣтъ о томъ дѣлѣ, о которомъ вопрошаютъ его.

Не смотря на свою важную внѣшность и на свои исполненные достоинства приемы, туркмень въ сущности веселъ, беззаботенъ и способенъ порою къ увлеченію; въ эти минуты онъ забываетъ дурныя наклонности свои къ хищничеству и скряжничеству и является вполне великодушнымъ. Вообще онъ мужественъ и уменъ. Къ несчастію, наклонность къ кражѣ составляетъ, повидному, коренную и неотъемлемую черту его характера. Ребенокъ обкрадываетъ свою мать, жена — мужа, братъ — сестру, но все совершается только въ нѣдрахъ семейства, потому что противъ чужаго человѣка всякій зорко сторожитъ свое добро. Къ тому же человѣкъ, пойманный въ кражѣ въ чужой палаткѣ, оказывается почти въ безотчетномъ распоряженіи того, кто поймалъ его, и признается навсегда обезчещеннымъ въ своемъ колѣнѣ.

Если туркменамъ предстоитъ обсудить сообща какіе нибудь общіе интересы, и они не могутъ согласиться между собою, тогда обращаются къ суду старѣйшинъ или къ мулѣ.

Когда дѣло коснется договоровъ между туркменами, то оно становится рѣшительно нескончаемымъ, и тянется иногда по два, по три мѣсяца; но разъ какъ договоръ заключенъ и принятъ обѣими сторонами, тогда условія его выполняются весьма честно; правило это не распространяется, конечно, на иностранцевъ и плѣнниковъ. Туркмены тѣмъ не менѣе цѣнятъ честность и откровенность. «Если слава европейца восходитъ до пояса», говорятъ они, — «то слава туркмена подымается до самой бороды».

Туркмены любятъ своихъ соплеменниковъ и охотно жертвуютъ, что нужно, для общихъ нуждъ. Они держатъ себя такъ строго и прилично,

какъ ни одинъ изъ сосѣднихъ съ ними народовъ, включая въ это число бухарцевъ и хивинцевъ, у которыхъ растлѣніе нравовъ дошло до весьма прискорбной степени.

Рѣдко случаются у туркменъ раздоры или какіе нибудь скандалы. Миѣ случалось, говоритъ Блоквиль, присутствовать иногда при весьма оживленныхъ спорахъ, но никогда не слышалъ я отъ нихъ грубаго слова или какого нибудь неприличнаго выраженія, на которыя такъ щедръ другіе народы. Съ женщинами они обращаются мягче, чѣмъ персіане, больше заботятся о нихъ и относятся къ нимъ съ большимъ уваженіемъ. При чужихъ людяхъ туркменки прикрываютъ подбородокъ концомъ вуаля и говорятъ понизивъ голосъ; это не мѣшаетъ, однако, посѣтителемъ кланяться находящимся въ палаткѣ женщинамъ и почтительно обращаться къ нимъ. Туркменскія женщины свободно разговариваютъ съ чужими мужчинами и никто не находитъ это предсудятельнымъ; вообще онѣ могутъ совершенно свободно отправляться въ мѣсто-пребыванія другихъ колѣнъ, могутъ проходить длинныя и пустынные дороги, не опасаясь ни отъ кого ни малѣйшаго оскорбленія.

Входя въ чужую палатку, туркменъ придерживается при этомъ однажды постановленныхъ, неизмѣнныхъ правилъ. Приподнявъ покрывало съ двери палатки, онъ входитъ въ нея нѣсколько нагнувшись, на минуту остаивается, потомъ выпрямляется во весь ростъ и, промолчавъ нѣсколько секундъ, смотря во все это время въ потолокъ, вѣроятно для того, чтобы дать возможность женщинамъ прикрыть свои подбородки, онъ произноситъ затѣмъ привѣтствіе хозяину, оставаясь совершенно неподвижнымъ. Послѣ обмена вежливостей и взаимныхъ освѣдомленій о здоровьи друзей и родныхъ, хозяинъ указываетъ гостю мѣсто возлѣ себя на коврѣ, а хозяйка подаетъ салфетку и хлѣбъ, потомъ хлѣбъ и воду, или кислое молоко, или фрукты; причемъ гость, обыкновенно, едва отвѣдываетъ всего того, чѣмъ его подчуютъ.

Туркменскія дѣвушки не выходятъ замужъ ранѣе 16 или 17-ти лѣтъ; до тѣхъ же поръ родители стараются по возможности устроить дочерей своихъ отъ слишкомъ тяжелыхъ работъ, чтобы сохранить свѣжесть и красоту ихъ, благодаря которымъ можно было бы потребовать отъ будущаго жениха самую высокую цѣну, какую онъ въ состояніи дать за невѣсту. И такъ какъ у этого кочеваго племени женщины не покрываютъ лица, то поэтому выбрать невѣсту между ними не трудно. Сдѣлавъ выборъ, туркменъ поручаетъ родственницѣ или подругѣ невѣсты обратиться, отъ его имени, съ предложеніемъ къ родителямъ дѣвушки и договориться съ ними въ цѣнѣ.

За стройную, хорошенькую и здоровую дѣвушку платятъ обыкновенно отъ 100 до 160 текесскихъ томановъ (4,640 или 6,960 французскихъ франковъ). За обыкновенную дѣвушку платятъ отъ 60 до 80 тамановъ; за косую же, глухую, нѣмую или обезображенную оспою платится не болѣе 15 или 20 тамановъ; такія же девыги даются за болѣе или менѣе хорошенькую невольницу; дѣти послѣдней не признаются наравнѣ съ дѣтьми того же отца отъ другой жены не невольницы, и при раздѣлѣ наслѣдства получаютъ меньшую часть.

По заключеніи посредниками договора и по принятіи условій его обѣими сторонами, призываютъ муллу, который составляетъ письменный контрактъ и назначаетъ благопріятный день для свадьбы. Женихъ посылаетъ невѣстѣ нѣсколько подарковъ и, между прочимъ, непременно барабанъ, которыхъ закалываютъ для свадебнаго пиршества. Въ день свадьбы палатка невѣсты вычищается и ее убираютъ всѣми находящимися въ домѣ коврами, шѣпками, шелковыми лоскутьями, перьями и проч. За невѣстою отправляются обыкновенно въ полдень; если же женихъ не въ состояніи много израсходовать на свадьбу, въ такомъ случаѣ онъ привозитъ къ себѣ жену ночью, и тогда свадьба обходится безъ приглашенныхъ.

Мать жениха, сестра, родственницы и подруги ихъ, украшенные всѣми находящимися у нихъ драгоценностями, и убравъ на этотъ разъ головы свои не по обыкновенному, собираются вмѣстѣ и убираютъ трехъ или четырехъ верблюдовъ коврами и разноцвѣтными кусками шелковыхъ матерій. Пришитыя концами однѣ къ другимъ, ткани эти покрываютъ голову и шею животнаго и привязываются къ сѣдлу, и такого рода поѣздъ отправляется за невѣстою въ палатку ея родителей.

Мужчины раздѣляются при этомъ на двѣ группы: одни идутъ пѣшкомъ, сопровождая женщинъ; другіе — вооруженные, какъ для набѣга. ѣдутъ верхомъ впереди свадебнаго шествія. Недалеко отъ палатки невѣсты они пришиоряваютъ коней, стрѣляютъ на всемъ скаку изъ ружей и пистолетовъ и совершаютъ разныя другія эволюціи. Затѣмъ вступаютъ въ палатку, и тамъ, послѣ разговора, продолжающагося съ часъ времени, завязывается родъ борьбы между родственницами и подругами невѣсты и тѣми, которые приходятъ взять ее изъ-подъ родительскаго крова. Невѣста, по обыкновенію, притворно отказывается покидать родныхъ, и когда ее успѣваютъ наконецъ вывести изъ палатки, тогда кладутъ на коверъ, принесенный и разложенный передъ палаткою тѣми мужчинами, которые составляютъ въ свадебномъ шествіи пѣшую группу. Послѣ того, взявшись за борта ковра, мужчины эти со всѣхъ ногъ

спѣшать къ тому мѣсту, гдѣ остались верблюды. Всадники прикрываютъ это бѣгство, стрѣляя изъ ружей въ людей, принадлежащихъ къ дому невѣсты, которые преслѣдуютъ мужчинъ, несущихъ коверъ, швыряя въ слѣдъ ихъ комки земли; бѣглецы, принужденные прикрывать себѣ голову платьемъ, оставляютъ иногда коверъ, или падаютъ на какой нибудь неровности одинъ на другихъ.

Достигнувъ того мѣста, гдѣ стоятъ верблюды, преслѣдованіе прекращается. Невѣсту заставляютъ сойти съ ковра; женщины поправляютъ на ней одежду и покрываютъ голову и лицо ея вуалемъ, оставляя открытыми только глаза и носъ. Помѣщенная впереди, между ближайшими родственниками жениха, молодая дѣвушка шествуетъ во главѣ свадебной процессіи. Она держится прямо и не глядитъ по сторонамъ; проходи близъ палатокъ, окружающія невѣсту женщины приподнимаютъ съ лица ея вуаль, съ цѣлю показать молодую любопытнымъ. Не доходя до брачной палатки, всадники выѣзжаютъ впередъ и начинаютъ снова стрѣлять съ громкими восклицаніями. По дорогѣ толпится народъ, привѣтствуя невѣсту оглушительными ура, и въ ту минуту, когда она готовится уже переступить порогъ брачнаго жилища, подъ ноги ей кладутъ изжаренные куски тѣста для дѣтей; послѣднія какъ туть появляются въ свадебномъ шествіи и обыкновенно поднимаютъ страшный шумъ.

Во время этой кутерьмы женщины увлекаютъ невѣсту въ палатку жениха и помѣщаютъ ее поодаль, съ правой стороны, спиною ко входу. Сосѣдки спѣшаютъ тогда поздравить и пожелать ей: но мужчинамъ входъ въ палатку воспрещенъ. Оставаясь на улицѣ, они проводятъ время до обѣда въ единоборствѣ и состязаются въ бѣгахъ и верховой ѣздѣ; вечеромъ курятъ, пьютъ чай и слушаютъ музыкантовъ.

У туркменовъ существуетъ еще одинъ оригинальный свадебный обычай, о которомъ упоминаетъ только Вамбери. Этотъ обрядъ состоитъ въ томъ, что невѣста, съ головы до ногъ закутанная въ большое покрывало или шелковый платокъ, должна скакать верхомъ на лошади въ перегонку съ своимъ женихомъ; нерѣдко закутанная амазонка доскакиваетъ до цѣли скорѣе привычнаго къ быстрой ѣздѣ и ни чѣмъ не спутаннаго юноши. Иногда скачущая невѣста держитъ на колѣняхъ заколотаго ягненка или козленка; преслѣдуемая женихомъ и другими молодыми людьми, она должна на всемъ скаку увертываться отъ нихъ и не подпускать къ себѣ никого, оберегая такимъ образомъ своего ягненка или козленка. Эта забава называется «Зеленый Волкъ» (кѣкбери).

Первая двѣ недѣли новобрачная остается въ своемъ углу и зани-

мается какимъ нибудь шитьемъ въ обществѣ родственницъ своего мужа и ихъ подругъ. Въ эти дни къ ней допускаются съ поздравленіями и мужчины. Затѣмъ родственницы мужа отводятъ новобрачную къ ея родителямъ, у которыхъ она живетъ послѣ свадьбы годъ или полтора, занимаясь выдѣлкою для своего хозяйства ковровъ, мѣшковъ, полотна и проч., причѣмъ мужу дозволяется отъ времени до времени тайкомъ посѣщать ее. Во все это время родители отвѣтствуютъ за поведение своей дочери. По минованіи установленнаго срока, за нею приходятъ родственницы ея мужа, и она отправляется къ нему на наряженномъ верблюдѣ, и болѣе уже не покидаетъ его. При этомъ случаѣ устраивается новое, исключительно впрочемъ семейное, празднество.—У бѣдныхъ туркменъ свадебная церемонія гораздо короче и жена раньше поселяется у своего мужа, и только въ томъ случаѣ, если женихъ не уплатилъ за невесту сполна всей суммы, а ограничился однимъ задаткомъ, дѣвушка остается у родителей до тѣхъ поръ, пока онъ не разочтется съ ними окончательно. Когда уплата слишкомъ замедляется, то случается, что родители продаютъ свою дочь другому. Если однако дѣвухѣ удастся ускользнуть изъ-подъ родительскаго присмотра и убѣжать къ своему мужу, въ такомъ случаѣ она остается у него, и родители не вправѣ требовать ее назадъ ни подъ какимъ предлогомъ.

Подобно другимъ мусульманамъ, туркмены могутъ жениться на нѣсколькихъ женахъ, смотря по своимъ средствамъ. Въ сущности для каждой жены слѣдуетъ имѣть отдѣльную палатку, но обыкновенно въ одной палаткѣ помѣщаются двѣ жены. Нужно узнать подобно мнѣ, говоритъ Блоквиль, въ подробности домашній бытъ этихъ несчастныхъ, чтобы составить себѣ понятіе о той томительной, отравляемой ревностью, жизни, которую ведутъ онѣ. При всей неразвитости ихъ чувствъ, сердце, тѣмъ не менѣе, живо говоритъ въ нихъ.

Когда женщина готовится родить, для нея устраиваютъ тогда ложе изъ песка и, чтобы никого не впускать это время въ палатку, ко входу приставляютъ мужчину съ ружьемъ, обязаннаго стрѣлять при первомъ поданномъ ему знакѣ, такъ какъ туркмены полагаютъ, что выстрѣлъ облегчаетъ роды. При рожденіи дѣвочки, знакомые собираются поздравить отца и мать новорожденной, и гостямъ предлагаютъ при этомъ случаѣ нѣсколько кусковъ жаренаго тѣста. при рожденіи же мальчика—къ двери палатки привязываютъ кусокъ бѣлой матеріи; новорожденнаго ребенка кладутъ, обыкновенно, въ колыбель, посыпанную на днѣ мелкимъ пескомъ.

Когда туркменъ умираетъ, то, обмывъ и очистивъ, согласно магоме-

танскимъ обычаямъ, тѣло покойника кладутъ въ палаткѣ на коверъ и вокругъ располагаются женщины, принадлежавшія къ семьѣ умершаго, которыя, отъ-времени-до-времени испускаютъ глубокіе вздохи; для родныхъ его у двери палатки раскладывается въ этомъ случаѣ коверъ. При входѣ въ нея посѣтителя или посѣтельница, приставленныя къ покойнику женщины произносятъ, всхлипывая, нѣсколько словъ, вычисляя достоинства его въ томъ смыслѣ, что онъ былъ добрый мужъ, добрый отецъ, добрый братъ или сынъ и проч. Каждая похвала сопровождается прерывистымъ всхлипываніемъ, на что отвѣчаютъ вздохами находящіяся поодаль мужчины, которые сидятъ, наклонивъ голову къ землѣ и закрывъ лицо руками или полою платья. Испустивъ десять или двѣнадцать вздоховъ, они принимаютъ обычный видъ и посѣтительяхъ предлагаютъ тогда чай, трубки, и на другой или на третій день послѣ смерти, покойника относятъ на кладбище на носилкахъ, покрытыхъ ковромъ, въ сопровожденіи однихъ только мужчинъ. Близайшіе родственники идутъ впереди, испуская вздохи, повторяемые всѣми остальными. Придя на кладбище и опустивъ покойника въ могилу, надъ головою его утверждаютъ жезлъ или родъ палки съ привязанными на концѣ ея разноцвѣтными доскутьями; иногда семейство покойнаго окружаетъ могилу его маленькою земляною стѣнкой.

По умершемъ любимомъ членѣ семейства ежедневно, въ часъ его смерти, въ теченіе года въ палатку его собираются плакальщицы, которыя поютъ обрядныя жалобныя пѣсни и къ хору ихъ должны присоединиться всѣ присутствующіе члены семьи. Послѣдніе при этомъ не прерываютъ своихъ обычныхъ занятій, и бываетъ весьма смѣшно видѣть въ это время туркмена съ ужасными завываньями и причитываньями чистящаго свое оружіе, курящаго трубку или сидящаго за трапезою. Даже въ сосѣднихъ палаткахъ, женщины обыкновенно начинаютъ подтягивать, плакать, выть, не переставая въ то же время заниматься чисткою шерсти, пряжею или другими домашними работами. Друзья и знакомые покойника также обязаны придти въ его палатку для изъясненія своего сочувствія, хотя бы они и узнали о его смерти спустя цѣлыя мѣсяцы. Въ такомъ случаѣ посѣтитель садится передъ палаткою, часто даже ночью, и ужаснымъ воемъ въ продолженіе четверти часа даетъ знать, что и онъ отдаетъ свой долгъ умершему.

Когда умираетъ кто нибудь изъ извѣстныхъ предводителей, заслужившій титулъ *батыря* (храбрый), то надъ его могилою насыпается курганъ; каждый истый туркменъ долженъ въ этомъ участвовать и накинуть, по крайней мѣрѣ, хоть семь лопать земли, такъ что эти курга-

ны достигаютъ часто до 20 или 30 футовъ высоты, при 60 футахъ въ окружности. Въ большихъ равнинахъ курганы эти особенно бросаюся въ глаза; туркменъ же знаетъ каждый изъ нихъ и по именамъ называетъ погребенныхъ подъ ними.

Искусства и ремесла стоятъ не на высокой степени у туркменъ, тѣмъ не менѣе природный вкусъ и смысленность этого племени помогаютъ ему совершенствоваться себя при каждомъ удобномъ случаѣ. У туркменъ можно найти нѣсколькихъ мастеровъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, выдѣлывающихъ, во вкусѣ своихъ соплеменниковъ, нѣкоторыя украшенія изъ серебра съ золотыми полосками и съ сердоликовыми вправками. Кузнецы ихъ умѣютъ сдѣлать лопату, заступъ, сошникъ, — нѣкоторые изъ нихъ занимаются починкою оружія и даже умѣютъ довольно искусно передѣлывать кремневая ружья въ ударныя. Сапожники приготавливаютъ весьма изрядно обувь, и шитые изнутри сапоги ихъ рѣшительно непроницаемы для воды. Другіе рабочіе занимаются выдѣлкою бараньей кожи и приготавливаютъ на зиму шубы. Почти всѣ туркмены умѣютъ вѣть или играть на особомъ двухструнномъ инструментѣ, и любовь ихъ къ музыкѣ въ такой мѣрѣ сильна, что даже во время самыхъ сильныхъ холодовъ они, заслышавъ въ какой нибудь палаткѣ музыкантовъ и не имѣя возможности протолкнуться въ нея вслѣдствіе многочисленнаго скопленія народа, лежатъ или сидятъ вокругъ нея, закутавшись въ шубы, пока не умолкнетъ въ палаткѣ музыка. Единственный музыкальный инструментъ, знакомый туркменамъ, похожъ нѣсколько на мандолинъ; только ручная часть его нѣсколько длиннѣе. Овальный корпусъ инструмента выдѣлывается обыкновенно изъ шелковичнаго дерева, и на испещренной маленькими дырками доскѣ его, заключающей въ себѣ, такъ-сказать, душу инструмента, помѣщена кобылка, на которой натянуты двѣ струны изъ крученаго шелку. Звукъ этого инструмента мягокъ и вѣженъ.

Въ противоположность персіянамъ, туркмены поютъ груднымъ голосомъ, сжимая гортань такимъ образомъ, чтобы сохранять постоянно гортанный звукъ. Заканчивая куплетъ, они протягиваютъ звукъ до безконечности, ослабляя его, прерывая и усиливая послѣдній темпъ. Игра на инструментѣ и пѣніе сопровождаются измѣненіемъ въ выраженіи лица музыканта разнородными жестами и невѣроятными кривляніями.

Барши (музыкантъ, артистъ *ex-professio*) имѣетъ свою манеру и свои приемы. Онъ держитъ себя какъ-то небрежнѣе, чѣмъ другіе; онъ приглаживаетъ или выщипываетъ бороду, по своей фантазіи, одѣвается изысканнѣе и оирятнѣе и носятъ *талбакъ*, или головной уборъ, по-

последней модѣ; сапоги его изъ самыхъ щегольскихъ. Всюду, куда бы онъ ни явился, его принимаютъ съ распростертыми объятіями: ему первому подаютъ чай, трубку, словомъ, онъ вездѣ занимаетъ первое мѣсто. Хотя ему платятъ очень хорошо, онъ, тѣмъ не менѣе, заставляетъ просить себя и не всегда имѣетъ, какъ онъ говоритъ, время явиться на приглашеніе. Если онъ нуженъ ради какогонибудь случая, то недостаточно просто извѣстить его объ этомъ. Къ нему отправляются, обыкновенно, верхомъ два или три человѣка и просятъ барши сдѣлать имъ честь провести у нихъ вечеръ. Ему предлагаютъ кони, чтобы отвезти и привести его, намекая при этомъ, что онъ получитъ подарокъ, достойный своего таланта. Появляясь на сдѣланное ему приглашеніе, барши вѣчно оказывается чѣмънибудь озабоченнымъ: за обѣдомъ заставляетъ всѣхъ ждать себя, послѣ обѣда начинаетъ на чтонибудь жаловаться: онъ чувствуетъ себя не такъ здоровымъ, ему нужно немного отдохнуть, — и всѣ непрерывно стараются угодить ему, всѣ заботятся о немъ: ему готовятъ самый лучший и самый сладкій чай и тревожно ожидаютъ минуты его пробужденія. Пробудясь, онъ принимается за дѣло и заставляетъ помогать себѣ въ приготовленіи шелковыхъ шурковъ.

Натянувъ струны, барши начинаютъ настраивать инструментъ и берутъ нѣсколько предварительныхъ нотъ съ другимъ музыкантомъ, которому предстоитъ, впрочемъ, только аккомпанировать настоящему виртуозу. Исполнивъ все это, оба исполнителя становятся лицомъ другъ къ другу, взаимно прикасаясь колѣнями, и начинаютъ пѣть при глубокомъ вниманіи всей публики. Приведенные въ восторгъ слушатели ожидаютъ только окончанія куплета, чтобы разразиться «браво» и другими одобрительными возгласами. Въ теченіе вечера артисты постепенно одушевляются; они не останавливаются болѣе, и хозяинъ уловляетъ мгновенные перерывы, чтобы поднести глотокъ чаю и тчелему. Дѣло доходитъ до того, что музыканты нѣсколько опьянѣваютъ даже, вслѣдствіе постоянного качанья головы и всего тѣла; музыкальный сеансъ тянется часто до утра и передъ концомъ его артисты принимаютъ совершенно изнеможенный видъ: пѣвецъ только шевелитъ губами и едва издастъ нѣсколько мало выятныхъ звуковъ, выражая жестами то, чего онъ не въ силахъ уже пропѣть. Общій энтузіазмъ доходитъ въ это время до послѣднихъ границъ. Хозяинъ вознаграждаетъ барши подаркомъ, къ которому каждый зритель добавляетъ еще чтонибудь отъ себя. Барши хотя и видятъ стороною что дѣлается, продолжаютъ тѣмъ не менѣе пѣть и играть, и если полученное имъ вознагражденіе

не удовлетворяетъ его ожиданія, въ такомъ случаѣ онъ продолжаетъ свое дѣло и говорить, что будетъ безостановочно играть и пѣть вплоть до утра. Всякій знаетъ, что это значить, и спѣшитъ сдѣлать угодное барши; иначе, часъ спустя, сосѣди сказали бы: «такой-то приглашаетъ къ себѣ музыкантовъ и не платитъ имъ». Когда желаніе барши удовлетворено, онъ уступаетъ, наконецъ, просьбамъ зрителей, умоляющихъ прекратить пѣніе, во вниманіе къ его чрезвычайной усталости. Довольный собою, барши перестаетъ притворяться болѣе онянѣлымъ и невозможнымъ, беретъ деньги и, хладнокровно поблагодаривъ публику, уходитъ въ сторону, чтобы прилечь тамъ или отправляется домой.

Въ особенности сильное впечатлѣніе производитъ на туркменъ пѣсня бакши о Махдумкули, который между туркменами пользуется славой святаго. Махдумкули происходилъ изъ племени гокленовъ и умеръ около 90 лѣтъ тому назадъ. Въ его баснословной биографіи разсказывается, что онъ, никогда не былъ ни въ Хивѣ, ни въ Бухарѣ, постигъ всѣ священныя книги только при вдохновеніи свыше. Разъ, сидя верхомъ на лошади, онъ заснулъ и увидѣлъ себя въ Меккѣ между пророкомъ и первыми халифами. Съ благоговѣніемъ смотрѣлъ онъ кругомъ и увидѣлъ, что его подзываетъ къ себѣ покровитель туркменъ Омаръ. Махдумкули подошелъ къ Омару, и послѣдній, благословивъ его, ударилъ по лбу. Съ этой минуты Махдумкули сдѣлался поэтомъ, и написалъ книгу, въ которой находятся стихотворенія, говорящія о коневодствѣ, объ оружіи и о набѣгахъ.

Эти пѣсни производятъ такой эффектъ, что нерѣдко юноши, слыша ихъ, приходятъ въ неописанный экстазъ; тяжело дыша, они бросаютъ свои шапки на землю и, схватившись за волосы, долго остаются неподвижными, какъ бы прикованные къ одному мѣсту.

Только ради такихъ музыкальныхъ торжествъ номады щедро сыплютъ деньгами. Почти всѣ барши богаты, потому что это самое прибыльное занятіе у туркменъ.

Сказочники пользуются также большимъ почетомъ у туркменъ, но меньшимъ, чѣмъ барши. Они читаютъ подъ звуки музыки разныя стихотворенія хивискаго или бухарскаго издѣлій или повѣствуютъ о подвигахъ и побѣдахъ туркменъ въ битвахъ съ персіанами.

Къ танцамъ туркмены не обнаруживаютъ ни малѣйшей склонности и, при всемъ своемъ природномъ любопытствѣ, не изъявляютъ охоты даже смотрѣть на нихъ.

Послѣ музыки и пѣнія, туркмены всего болѣе любятъ шахматную игру. Шахматница ихъ состоитъ просто изъ куска полотна, въ родѣ

носоваго платка, на которомъ разрисованы клѣтки; разстилая это полотно, его нѣсколько смачиваютъ; пашки же ихъ грубо выдѣланы изъ дерева. Они дотога пристрастны къ этой игрѣ, что имѣютъ ее при себѣ даже во время набѣговъ.

Врачи (джерехъ) весьма рѣдки у туркменъ, потому что они несравненно болѣе довѣряютъ мулламъ, врачующимъ больныхъ амулетами или изреченіями изъ корана. Немногіе лекаря ихъ, весьма притомъ невѣжественны, ограничиваются употребленіемъ нѣсколькихъ средствъ, которыя турмены добываютъ у евреевъ, или же лечатъ пусканіемъ крови, такимъ образомъ: они приставляютъ къ головѣ больного рожокъ и, вмѣсто банки, втягиваютъ кожу ртомъ, а потомъ дѣлаютъ нѣсколько наръзовъ дурною бритвою и приставляютъ къ нимъ рожокъ, опорожняая его нѣсколько разъ.

Въ 1861 году, говоритъ Блоквиль, у меня случился сильный приливъ крови къ глазамъ, и я чрезвычайно страдалъ; но, не смотря на то, мнѣ съ большимъ лишь трудомъ согласились пустить кровь, во-первыхъ, изъ опасенія, чтобы я не умеръ отъ послѣдней потери крови (въ такомъ случаѣ, выкупныя деньги за меня были бы потеряны для туркменъ), и во-вторыхъ потому, что лекаря ихъ не были пріучены пускать кровь изъ руки. Я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозамъ, и обѣщалъ пустить себѣ кровь ножомъ, говоря, что въ моемъ положеніи жизнь не можетъ много значить для меня, и я предпочитаю лучше умереть, чѣмъ лишиться глазъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что ко мнѣ привели джереха, согласившагося пустить мнѣ кровь. Я указалъ ему мѣсто, откуда должно быть произведено кровопусканіе; послѣ этого онъ началъ приготовляться къ операци и для начала связалъ мнѣ руки, словно готовился помѣстить меня въ тиски; вынувъ потомъ изъ своего футляра кусокъ заостреннаго желѣза, въ родѣ гвоздя, онъ воткнулъ мнѣ этотъ ланцетъ въ руку въ трехъ разныхъ мѣстахъ; изъ сдѣланныхъ такимъ образомъ проколовъ брызнула кровь, и я готовъ былъ не останавливать ее до совершеннаго изнеможенія, между тѣмъ какъ окружавшіе меня турмены то и дѣло повторяли: «довольно, довольно; вы такъ уморите себя».

Я согласился наконецъ остановить кровь, но только съ условіемъ, что на другой день мнѣ вновь пустятъ ее изъ лѣвой руки, къ великому неудовольствію моего аги. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца, послѣ того, я не могъ свободно двигать рукою. Послѣ кровопусканія турмены посоветовали мнѣ приложить къ глазамъ мазь, составленную изъ сахару, изюму, опіума и квасцовъ. Приготовивъ два небольшихъ комка этого лекарства, они приложили его мнѣ, обвязавъ потомъ глаза платкомъ. Сначала,

какъ мнѣ впередъ сказали, я чувствовалъ въ продолженіе минутъ десяти сильную боль, послѣ чего изъ глазъ моихъ вытекло много какой-то удивительной жидкости и мнѣ стало настолько легче, что я могъ въ эту ночь нѣсколько заснуть. Два раза прибѣгнувъ я къ употребленію этого средства, которое сильно ослабило мнѣ на нѣсколько дней глаза, но потомъ я почувствовалъ себя гораздо лучше.

Между туркменами весьма распространена золотуха, а также накожная болѣзнь, извѣстная у персіянъ подъ именемъ проказы.

Обычай спать на землѣ, даже въ то время, когда въ палаткѣ чрезвычайно сыро, порождаетъ ревматизмы, которыми страдаютъ болѣе или менѣе всѣ туркмены, и женщины занимаютъ у нихъ между прочимъ тѣмъ, что мнутъ и расправляютъ тревіемъ тѣло своихъ мужей. Когда туркмена начинаютъ одолевать боли, онъ ложится тогда на спину или на животъ и заставляетъ жену и дѣтей своихъ мять ему тѣло ногами съ доброй часъ времени.

По случаю праздничныхъ торжествъ: свадьбы, рожденія или установленія новой палатки, устраиваются, какъ я уже говорилъ, состязанія въ единоборствѣ, въ бѣгѣ и конскихъ эволюціяхъ. Единоборство устраивается всегда подъ предсѣдательствомъ одного изъ старѣйшихъ, который выбираетъ для борьбы самыхъ сильныхъ людей. Солерники обхватываютъ обыкновенно руками поясицу противника, и президентъ даритъ побѣдителя кускомъ бѣлой или цвѣтной матеріи, величиною въ носовой платокъ. Привѣсивъ этотъ символъ триумфа къ поясу или держа его просто въ рукахъ, побѣдитель съ торжествомъ возвращается въ свою палатку. Человѣкъ, одолевшій нѣсколько противниковъ разомъ, возглашается единодушнымъ приговоромъ всѣхъ присутствующихъ «пелуваномъ», и сохраняетъ это названіе на всю жизнь.

О лошадяхъ было сказано уже выше, почему здѣсь мы упоминаемъ только объ обращеніи туркмена съ лошадью.

Туркмены подковываютъ коней своихъ только тогда, когда отправляются въ набѣги на земли Персіи или Герата; обыкновенно же они ограничиваются подсѣканіемъ отъ времени до времени копытъ, которыя не слишкомъ сбиваются на мягкомъ грунтѣ. Персидскіе разсказы о томъ, будто туркмены кормятъ своихъ лошадей бараньимъ жиромъ, принадлежатъ къ числу чистѣйшихъ вымысловъ. Жеребенокъ вырастаетъ у нихъ въ полной свободѣ. Его рано приучаютъ къ работѣ—заставляя возить на себѣ дѣтей, подъ тяжестью которыхъ онъ, очевидно, не можетъ измочить или безобразно развиться. Его заставляютъ ходить на

ремнѣ галошѣ и шагѣ; въ дорогѣ же, особенно во время большихъ переходовъ, туркменъ пускаетъ обыкновенно лопадъ мелкою рысью.

Для верховой ѣзды, лошадей начинаютъ употреблять по достиженіи ими двухъ съ половиною или трехъ лѣтъ; кормятъ ихъ обыкновенно ячменемъ, сѣномъ и рубленною соломѣю сорго, съ примѣсью сѣна и муки. Но если туркмены собираются выростить коня, способнаго переносить долгіе походы, въ такомъ случаѣ вмѣсто сорго и ячменя, ему даютъ рожь и даже хлѣбъ или кормятъ тѣстомъ, приготовленнымъ изъ ржи или сорго. Отправляясь въ набѣгъ, туркменъ беретъ съ собою только котомку съ запасомъ ржи, ячменя или сорго для своего коня, да хлѣба и муки для самаго себя. Вся эта провизія для всадника и коня вмѣстѣ вѣситъ очень не много и ея должно хватить иногда на цѣлый мѣсяць, но за то всюду, гдѣ только туркменъ увидитъ траву, онъ тотчасъ же пускаетъ тамъ пастись своего коня.

Кони и всадники возвращаются домой обыкновенно усталыми, но рѣдко больными. Лѣто и зиму лошади находятся подъ открытымъ небомъ. Зимю ихъ покрываютъ, войлокомъ завязывая его на шеѣ, и потомъ, окутавъ имъ всю грудь, опускаютъ его до самыхъ колѣнъ лошади. Кроме того, зимю для нихъ вырываютъ ямы, очищаемыя отъ снѣга, въ которыхъ животныя находятъ укрытіе отъ сильныхъ вѣтровъ. Лѣтомъ ихъ также покрываютъ войлокомъ для защиты отъ жгучихъ лучей солнца, а на голову и грудь имъ надѣваютъ особаго рода капюшонъ.

Роскошь туркменской сбруи проявляется въ нашейныхъ ремняхъ и въ одномъ или двухъ кольцахъ (шириною въ два-три пальца), обхватывающихъ лошадиную шею, на которыхъ напяываютъ серебряныя бляхи въ формѣ чешуи съ сердоликами; эти послѣднія красуются также на уздѣ и въ некоторыхъ другихъ частяхъ сбруи.

Туркмены никогда не надеживаютъ своихъ коней; они сидятъ верхомъ облически, подавъ назадъ лѣвое плечо. При скоромъ аллюрѣ туркменъ почти всею тяжестью своего тѣла опирается на стремяна, и погоняетъ лопадъ небольшимъ ремненнымъ кнутомъ, прикрѣпленныхъ къ деревянной ручкѣ въ два или три вершка. Лошадя ихъ обучены круто поворачивать во время галопа; но прежде чѣмъ всадникъ успеетъ обучить этому своего коня, онъ не разъ упадаетъ съ него.

Конскіе бѣга устраиваются лишь въ дни общественныхъ празднествъ. Пространство, которое предстоитъ проскакать въ этомъ случаѣ соперникамъ, никогда не превосходитъ версты. Два, три или, много, шесть всадниковъ собираются на томъ мѣстѣ, съ котораго имъ предстоитъ отправиться, и употребляютъ сначала долгое время на то, чтобы раз-

мѣстится и предварительно проѣхаться нѣсколько разъ взадъ и впередъ. Побѣдитель получаетъ обыкновенно отъ предсѣдателя бѣговъ кусокъ бѣлой или раскрашенной бумажной матеріи, длиною въ одинъ или два метра, и возвращается потомъ маленькимъ галопомъ къ тому мѣсту, съ котораго отиравались соперники, держа побѣдный трофей свой въ приподнятой рукѣ. Если онъ пожелаетъ состязаться еще съ другими, то призь привязывается къ шеѣ коня, въ противномъ случаѣ, его привязываютъ къ уздѣ. Одну и ту же лошадь не заставляютъ бѣгать болѣе двухъ или трехъ разъ, чтобы не утомить ее безъ пользы.

Туркменъ почти ежеминутно занятъ своимъ конемъ. Онъ страстно привязанъ къ нему и, такъ сказать, ревнуетъ его. Блоквиль видѣлъ однажды тяжело раненаго туркмена, который, ползая возлѣ своего коня, перерѣзывалъ ему подколѣнникъ, предпочтая лучше умертвить коня, нежели оставить въ рукахъ непріятеля.

Туркмены обыкновенно имѣютъ при себѣ ружье, которое они носятъ привѣшеннымъ къ лѣвому плечу, подавши прикладъ назадъ и выдвинувъ наружу стволъ, приходящійся противъ лѣваго локтя; кромѣ того, они пристегиваютъ къ поясу саблю и пистолеть; нѣкоторые вооружаются также копьями, вмѣсто ружей. Тѣ изъ нихъ, которые сражаются пѣшими, не носятъ цѣльные сапоги, а только одну подошву, застегиваютъ шаровары свои до самыхъ колѣнъ и, приподнявъ полу платья, закладываютъ ее за поясъ. Они не подпоясываются саблею вокругъ тѣла, а опускаютъ ее сзади на спину, чтобы она не стѣсняла ихъ движеній.

Хотя туркмены не придерживаются въ бою строго опредѣленнаго порядка, они тѣмъ не менѣе сражаются не безъ искусства; никогда не подвергая себя опасности безъ пользы, они избѣгаютъ сраженій сколько возможно и дѣйствуютъ по преимуществу внезапными нападеніями изъ засадъ. Вынужденные отразить нападеніе или защищать позицію, они съ оглушительными криками вздымаютъ въ воздухѣ пыль и двигаются впередъ, какъ бы покрытые тучею. Скрывая такимъ образомъ свою немногочисленность, они вводятъ въ заблужденіе непріятеля, предполагающаго обыкновенно ихъ въ большемъ числѣ, тогда какъ ихъ бываетъ не болѣе трехсотъ или четырехсотъ человекъ. Эта уловка удается имъ въ сраженіяхъ съ персіанами. Послѣ первой неудачи они съ необыкновенною быстротою стараются разсѣяться; въ случаѣ же успѣха грабятъ убиваютъ и берутъ плѣнниковъ для продажи въ Хиву.

Каждое колѣно, независимо отъ своего кокуды, выбираетъ еще особаго военачальника, сердаря (стоящаго во главѣ), приказанія котораго исполняются въ военное время. Всякій, впрочемъ, можетъ быть сердаремъ,

хотя бы онъ и избранъ былъ только десятью или двѣнадцатью лицами. Въ средѣ туркменъ считается нѣсколько лицъ, приобрѣвшихъ общую извѣстность искусствомъ и мужествомъ своимъ на войнѣ.

Вотъ какъ дѣйствуютъ сердари во время экспедицій. Они возвѣщаютъ чрезъ глашатая, что въ такой-то день выступать въ поле и будутъ находиться въ такомъ-то мѣстѣ, готовые къ набѣгу. Смотри по репутации сердаря, вокругъ него собирается болѣе или менѣе многочисленная толпа, и въ назначенный день выступаютъ въ походъ, не только не зная ничего о планахъ его, своего предводителя, но даже о томъ, въ какую сторону и на какую территорію намѣренъ онъ направиться. Въ свое время сердаръ отдаетъ нужныя приказанія для нападенія на караванъ, или для похищенія стада, или для набѣга на село. Во время этихъ набѣговъ туркмены забираютъ все, что могутъ, безжалостно разрушая, или убивая все, чего они не могутъ забрать или что сопротивляется имъ. Сердаръ получаетъ, обыкновенно, большую часть добычи, чѣмъ другіе. Если же при раздѣлѣ возникаютъ затрудненія, въ такомъ случаѣ добыча продается, и вырученные черезъ продажу деньги раздѣляются между участниками въ набѣгѣ.

Возвращаясь домой, туркмены даютъ знать о своемъ приближеніи криками ура и выстрѣлами изъ ружей; на встрѣчу имъ выходятъ друзья и родные, освѣдомиться объ убитыхъ, и родственники послѣднихъ плачутъ по нимъ извѣстное время въ палаткахъ, какъ будто покойный лежитъ у нихъ предъ глазами.

Не проходитъ недѣли, чтобы толпа туркменъ не снарядилась въ набѣгъ или не возвращалась съ набѣга, и рѣдко возвращается она безъ добычи.

Иностранецъ всегда рискуетъ быть жертвою туркменъ, въ особенности если онъ богатъ. Если чужеземца почему нибудь нельзя ограбить, то по крайней мѣрѣ всегда можно взять съ него какъ можно болѣе денегъ при торговлѣ, или выпросить подарковъ; наконецъ, въ тихомолку обокрасть. Хивинцевъ туркмены не любятъ, персіянъ ненавидятъ и презираютъ. Въ неволѣ и работѣ самая тяжелая доля достается именно персіянамъ, которыхъ грабятъ юмуды, солары и текинцы. Ихъ туркмены захватываютъ ежегодно въ такомъ большомъ числѣ, что цѣна персидскаго невольника на хивинскомъ базарѣ не превосходитъ 25 рублей. Еще хуже положеніе тѣхъ изъ захваченныхъ персіянъ, которые не находятъ покупателей въ Хивѣ, или, вслѣдствіе собственной надобности туркменъ, остаются рабами въ туркменскихъ аулахъ для исполненія самыхъ тяжелыхъ работъ; тѣмъ изъ нихъ, которые назначаются па-

стухами подрѣзываютъ сухожилие у пятокъ, чтобы воспрепятствовать побѣгу.

Трудно повѣрить, для чего доходить жестокое обращеніе туркменъ съ своими персидскими плѣнниками. Много придется перечувствовать персіявину, когда ночью на него нападутъ каракчи (разбойники). Платье его тотчасъ же замѣняется лохмотьями, едва прикрывающими тѣло; руки и ноги заковываютъ въ тяжелыя цѣпи, невысимо терзающія при малѣйшемъ движеніи, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней и недѣль дается самая дурная пища. На ночь, чтобы воспрепятствовать побѣгу и устранить всякую попытку къ нему, на невольника надѣваютъ желѣзный ошейникъ съ цѣпью и прикрѣпляютъ ее къ колодѣ, чтобы своимъбряцаньемъ она изобличала каждое движеніе.

По словамъ одного невольника, ему нѣсколько дней сряду давали въ пищу вмѣсто хлѣба соленую рыбу и въ то же время, заставляя работать на огородѣ подъ жгучими лучами солнца, не давали ни капли воды.

Во время пребыванія Вамбери въ Гамештупе не проходило ночи, чтобы съ морскаго берега не раздавалось выстрѣла, возвѣщавшаго возвращеніе разбойничьяго судна съ добычею. Рѣдко можно встрѣтить туркменскую палатку, гдѣ бы не было двухъ или трехъ персіявъ, закованныхъ въ цѣпи.

По словамъ бывшего въ плѣну Блоквиля, ничего нѣтъ легче, какъ найти туркмена, который, за извѣстную, уплоченную впередъ, сумму, притворно согласился бы способствовать бѣгству плѣнника. Но едва только удастся несчастному бѣжать, какъ получившій деньги остановится гдѣ нибудь на дорогѣ подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ, пустеть ему вслѣдъ пулю или просто кинется на бѣглеца, ограбить, убьетъ и спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратится домой.

Если же осторожный плѣнникъ пообѣщаетъ своему проводнику заплатить не ранѣе, какъ по прибытіи въ назначенное мѣсто, въ такомъ случаѣ туркменъ направляется съ плѣнникомъ въ мѣстопребываніе другаго болѣна, выжидая глашатая, отправленнаго узнавать, не нашелъ ли кто бѣглеца съ такими-то примѣтами, скрывшагося въ такой-то дені. Этого только и нужно хитрому туркмену. Тогда онъ за приличное вознагражденіе беретъ указать мѣсто, гдѣ находится бѣглець. По окончаніи торгоу несчастнаго отводятъ назадъ, гдѣ его ожидаетъ тяжкій гнѣвъ его господина. Пойманнаго плѣнника заковываютъ въ двое, а иногда и въ трое колодокъ, наливаютъ замки ихъ свинцомъ и, кромѣ того, накладываютъ на нихъ кусокъ дерева, обхватывающаго ногу скованнаго поверхъ щяколодки.

Чтобы до нѣкоторой степени уменьшить набѣга и морской разбой въ Каспійскомъ морѣ, русскіе утвердились въ Ашуръ-аде, небольшомъ островкѣ, лежащемъ въ юго-восточной части Каспійскаго моря. Здѣсь находится русская военно-морская станція для нашихъ судовъ, охраняющихъ безопасность плаванія по Каспійскому морю. Безъ нашихъ военныхъ пароходовъ не были бы безопасны не только поселившіеся на берегу моря русскіе, но и приходящіе на судахъ изъ Астрахани. Пока купеческій корабль въ открытомъ морѣ, ему нечего опасаться, но рѣдко онъ осмѣливается приближаться къ берегу безъ защиты военнаго парохода. Со времени утвержденія здѣсь русскихъ, разбойничество на морѣ значительно ослабѣло, но совершенная безопасность отъ туркменскихъ разбоевъ далеко еще не водворена, и долгое время русскіе, а въ особенности персы будутъ подвержены опасности побывать въ оковахъ. Русскія суда днемъ и ночью безпрестанно объѣзжаютъ туркменскія воды, и каждая туркменская лодка, отправляющаяся съ восточнаго берега къ южному персидскому, должна имѣть свидѣтельство на проѣздъ. Это свидѣтельство выдается на одинъ годъ за известную сумму, и при каждомъ рейсѣ должно быть предъявляемо на Ашурѣ; при этомъ предъявленіи производится осмотръ судна для удостовѣренія, что на немъ нѣтъ пльняныхъ, оружія, или другой какой нибудь контрабанды. Благодаря этой мѣрѣ, большая часть торговыхъ туркменскихъ судовъ занесена въ списки; неизвѣстныя же суда тайкомъ пробираются окольными путями, рискуя быть пущеными на дно русскими крейсерами.

Вообще же русская сила на восточномъ берегу Каспійскаго моря находится нынѣ въ четырехъ пунктахъ:

- 1) На полуостровѣ Мангитлакѣ въ фортѣ Александровскомъ.
- 2) Въ Красноводскѣ, гдѣ также существуетъ укрѣпленіе.
- 3) Въ Чвншлярѣ, на низовьяхъ Атрека.
- 4) Въ Ашуръ-аде въ Астрабадскомъ заливѣ, гдѣ даже имѣется церковь.

ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО *).

ГЛАВА I.

Историческій очеркъ ханства. — Сношенія его съ Россією. — Походъ Белюча-Черкаскаго. — Экспедиція Перовскаго. — Настоящія наши отношенія къ Хивѣ.

Нынѣшняя Хива, ничтожнѣйшее изъ среднеазіятскихъ ханствъ, была когда-то могущественною и сильною. Политическая важность и самостоятельность Ховарезма начинается съ XI вѣка, то есть со времени паденія персидскихъ сельджуковъ. Въ это время хивинскіе владѣтели распространили свое владычество далеко на югъ. Одинъ изъ нихъ Алла-Эдинъ завладѣлъ Китайскимъ Туркестаномъ, Самаркандомъ, Бухарою, Балхомъ, Хорасаномъ, Мазандераномъ, и только курды и глубокіе снѣга спасли калифа Багдадскаго отъ побѣдоноснаго оружія хивинскаго хана. Въ своемъ величіи Алла-Эдинъ принялъ титулъ «тѣни Божьей на землѣ», а его мать, бывшая главною совѣтницею и помощницею — «обладательницы міра». Даже Чингизъ-ханъ и тотъ дорожилъ дружбою шаха Ховарезмскаго до тѣхъ поръ, пока тотъ не оскорбилъ его посла. Столкновение между Ховарезмомъ и Чингизомъ, кромѣ паденія Хивы, имѣло вліяніе и на судьбы Россіи. Чингизъ въ своемъ побѣдоносномъ шествіи проложилъ дорогу Батыю, а Челе и Суботай, преслѣдуя Алла-Эдина,

*) При составленіи очерка заимствованы свѣдѣнія изъ слѣдующихъ сочиненій:

- 1) Путешествіе въ Хиву и Бухару Ваибери.
- 2) Матеріалы для военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи. М. Венюкова (Воен. Сб).
- 3) Хивинскія дѣла съ 1839 по 1842 г. С. Зыкова (Рус. Слово 1862 г.).
- 4) Описаніе Хивинскаго ханства. Данилевскаго (Зап. Геог. общ. 1851 г.).
- 5) Воспо-Статист. Сборникъ.
- 6) Средняя Азія. Костенко. Кромѣ того, литература по этому предмету заключается въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Начк сосѣди въ Сред. Азіи.

проникли чрезъ сѣверную Персію и Кавказъ въ Россію. Начавшіяся по смерти Чингиза междуусобія ослабили Джагатаевъ улусъ, въ составъ котораго вошла Хива. Въ XIV и XV вѣкахъ Тимуру еще разъ удалось среднюю часть Аму-Дарьи сдѣлать средоточіемъ полсвѣтной монархіи. Но въ XV же вѣкѣ, одинъ изъ узбекскихъ родоначальниковъ, жившихъ за Болорскимъ хребтомъ, узнавъ о распряхъ въ монархіи Тимура и собравъ множество приверженцевъ, овладѣлъ страной. Съ тѣхъ поръ узбеки не переставали властвовать въ среднеазіатскихъ странахъ.

Съ самаго начала завоеванія страны узбеками, власть сложилась въ удѣльные формы, вслѣдствіе чего образовалось множество мелкихъ владѣльцевъ, главою которыхъ считался бухарскій эмиръ. Однако, за отдаленностью Бухары отъ другихъ ханствъ, господство это было болѣе номинальное и притомъ до такой степени, что сами бухарскіе эмиры не-

Бергъ: Отчеты и разныя записки объ экспедиціи на Усть-Уртъ въ 1826 году, которые въ подлинникѣ хранятся въ архивахъ Главнаго Штаба.

Бовырзинъ: Свѣдѣнія о Хивинскомъ Ханствѣ, 1826; очень обстоятельная рукопись, составленная со словъ автора, астраханскаго мѣщанина.

Левшина: Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и стѣнъ, 1832 г.

Я. Ханьковъ: Описаніе Хивинскаго Ханства, составленное 1839 году, передъ экспедиціею генерала Перовскаго въ высшей степени богатая содержаніемъ рукопись, заключающая въ себѣ все, бывшее извѣстнымъ о Хивѣ тридцать лѣтъ назадъ. Рукопись эта принадлежить Главному Штабу и не имѣетъ на себѣ имени автора, но изъ Записокъ Русскаго Географическаго Общества, кн. V, стр. 345, видно, что это былъ Я. Ханьковъ.

Официальная переписка по хивинской экспедиціи 1839—1840 г.—дѣло Главнаго Штаба.

Abbot: Journey from Herat to Khiva and Mangyshlak. 840.

Ивановъ: Записки о Мангышлакѣ, объ Аму-дарьѣ и Хивинскомъ оазисѣ и о походѣ въ Хиву 1839—1840 годовъ.

Александръ: Описаніе при-амурскихъ степей и сѣверной половины Усть-Урта, богатая содержаніемъ рукопись, принадлежащая Главному Штабу.

Эверсманъ: Естественная исторія Оренбургскаго края.

Бларамбергъ: Военно-статистическое описаніе земли киргизовъ Оренбургскаго вѣдомствъ.

Basiner: Naturwissenschaftliche Reise nach Chiva, 1848.

Макшеевъ: Описаніе Аральскаго моря въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества 1851. Его же описаніе низовій Сыръ-Дарьи (Морской Сборникъ 1851 г.) и Статистическіе матеріалы о Туркестанскомъ краѣ (Записки Русскаго Географическаго Общества 1871 г.).

Ханьковъ: Пояснительная записка къ картѣ Аральскаго Моря (Записки Русскаго Географическаго Общества 1851 г.).

Ю. Небольсинъ: О торговлѣ Россіи съ Среднею Азіею. Записки Русскаго Географическаго Общества: кн. X.

Ханьковъ и Толстой. Слѣсковъ астрономическихъ точекъ въ Средней Азіи. Тамъ-же.

однократно подвергались нападеніямъ со стороны другихъ владѣльцевъ, и при томъ чаще всего въ началѣ XVII вѣка со стороны Хивы.

Тяготясь подчиненностью Бухарѣ, одинъ изъ хивинскихъ хановъ — Шаніазъ въ 1700 году отправилъ своихъ пословъ къ Петру Великому просить о принятіи Хивы въ подданство Россіи, на что и послѣдовало высочайшее повелѣніе въ грамотѣ отъ 30 іюня 1700 года. Въ 1703 году прибылъ въ Россію посланецъ отъ новаго хивинскаго хана Арабъ-Магомета; въ грамотѣ на его имя отъ мая мѣсяца 1703 года подтверждено признаніе Хивы въ подданствѣ Россіи. Въ 1714 году прибылъ въ Петербургъ посоль отъ хивинскаго хана, сношенія съ которымъ и подали поводъ къ отправленію экспедиціи Бековича, который, прибывъ въ Хиву, нашелъ тамъ уже другаго хана, вѣроломство котораго и было причиною губельнаго окончанія похода русскихъ. До самаго послѣдня-

Борщовъ: Матеріалы для ботанической географіи Арало-Каспійскаго края.

Гремъ: Письма изъ Перовска въ «Военномъ Сборникѣ» 1859 г. и статья объ укрѣпленіяхъ въ Оренбургскомъ краѣ, объ аральской флотли и пр. въ «Инженерномъ Журналѣ»

Замьсова: Письма изъ Хивы въ 1858 и статьи о посольствахъ въ Хиву Никифорова и Дашплезскаго; все въ «Военномъ Сборникѣ».

Голосовъ: Походъ въ Хиву 1717 и походъ въ Хиву 1839—1840 годовъ (см. Ивашина).

Величко (?): Описаніе пути въ Хиву отъ Сарайчиковой крѣпости въ 1803 г., изданное Григорьевымъ въ 1861 г. Записки Русскаго Географическаго Общества.

Килевейнъ: О Хивинскомъ Ханствѣ при Сепъ-Мухамедъ-ханѣ. Тамъ же.

Мейеръ: Статьи въ «Морскомъ Сборникѣ» Объ устьяхъ Эмбы (1861) и о дельтѣ Сыръ-Дарьи (1862), въ «Военномъ Сборникѣ» 1862 о Каратаускихъ горахъ, и рукопись о за-дарьинской степи до Дау-кары, принадлежащая Главному Штабу.

Назаровъ: Воспоминанія о степномъ походѣ въ Хиву и Бухару—«Военный Сборникъ» 1864.

Ивашинецъ: Очерки низовій Сыръ-Дарьи—«Морской Сборникъ» 1864.

Бутаковъ: Дельта и устья Ачу-Дарьи—«Отечественныя Записки» 1865 и Туркестанскія Вѣдомости» 1872. Его же рукописи объ Аральскомъ морѣ и о плаваніи къ Куиграду въ 1858 г. въ архивѣ Главнаго Штаба; его же карта Аральскаго моря съ запискою Journal of London Geogr. Society.

Мейеръ: Описаніе области Оренбургскихъ Киргизовъ 1865.

Галкина: Эпиграфическіе матеріалы по Оренбургскому краю 1868.

Пашино: Туркестанскій край въ 1836 г.

Романовскій: Забѣтки по среднеазіатскому вопросу 1868 г.

Костенко: Средняя Азія и распространеніе въ ней русской гражданственности, 1871 г.

Туркестанскій Ежегодникъ 1872.

Рукописный журналъ рекогносцировки въ 1871 г. Букаевскихъ горъ Головачева и Шарнорста.

го времени только и были двѣ замѣчательныя военныя экспедиціи въ Хиву: одна Бековича-Черкаскаго, а другая Перовскаго. Обѣ онѣ заслуживаютъ вниманія, чтобы о нихъ сказать нѣсколько словъ.

Цѣль экспедиціи кн. Вековича была выражена Петромъ въ указѣ Сенату отъ 29 мая 1714 года. Въ указѣ говорилось: «послать въ Хиву съ поздравленіемъ на ханство (въ это время на ханскій престолъ вступилъ новый ханъ Ширгазы), а оттолѣ ѣхать въ Бухары къ хану, сыскавъ какое дѣло торговое, а дѣло настоящее провѣдать про городъ Иркеть, сколько далеку оный отъ Каспійскаго моря и нѣтъ ли какихъ рѣкъ оттолѣ, или, хотя бѣ отъ самаго того мѣста, однакожъ, по близости, въ Каспійское море».

Вмѣстѣ съ этимъ же указомъ Петръ далъ Черкасскому собственноручную инструкцію, какъ поступать при исполненіи возложеннаго на него порученія. Воеводѣ Казанскому (Салтыкову) приказано было отправить для кн. Черкаскаго въ Астрахань и далѣе въ Каспійское море тысячи полторы солдатъ, дать 5 тыс. рублей денегъ и, кромѣ того, исполнять безъ замедленія всѣ требованія князя. Бековичъ, по прибытіи въ Астрахань, посадилъ свой отрядъ на суда и отплылъ въ Гурьевъ-городокъ; но наступившая зима и льды, затиравшіе суда, принудили князя вернуться обратно. Въ слѣдующемъ (1715) году Бековичъ, проплывъ вдоль сѣвернаго берега Каспійскаго моря, высадился у Тюкъ-Караганскаго мыса. Здѣсь онъ разспрашивалъ туркменовъ о старомъ руслѣ Аму и о плотинѣ, измѣнившей ея теченіе. Туркмены подтверждали показанія Ходжи-Нефеса; но чтобы еще болѣе удостовѣриться въ справедливости ихъ, Бековичъ послалъ съ Нефесомъ своихъ двухъ дворянъ развѣдать дѣло на мѣстѣ. Черезъ 17 дней верблюжьяго хода (отъ 30 до 35 верстъ въ день) посланные нашли земляной валъ, и потомъ вскорѣ долъ, который, по увѣренію туркменовъ, служилъ прежде русломъ Аму. Три дня шли они тѣмъ доломъ, замѣчая по обѣимъ его сторонамъ слѣды селеній, городовъ и оросительныхъ канавъ, что удостовѣряло справедливость показаній туркменовъ. Ходжа-Нефесъ объявилъ нашимъ дворянамъ, что таковой долъ идетъ вплоть до Каспійскаго моря, но вести ихъ далѣе отказался, изъ боязни степныхъ разбойниковъ. Со свѣдѣніями, собранными посланными, Бековичъ вернулся въ Астрахань, и затѣмъ отправился къ государю, находившемуся тогда въ Ливавѣ, для личнаго доклада. Представленіями князя Петръ остался доволенъ, и, наградивъ его чиномъ капитана, послалъ вторично за Каспій. И на этотъ разъ Петръ изготавилъ послу собственноручную инструкцію, состоящую изъ 13 пунктовъ. Въ инструкціи говорилось:

построить близъ стараго русла Аму крѣпость на тысячу человекъ. Тщательно осмотрѣть прежнее русло Аму, и, если можно, то спустить воды этой рѣки по ея прежней ложбинѣ. Близъ плотины устроить также городъ, но только тайно отъ хивинцевъ. Прийдя въ Хиву, склонить хана къ вѣрности и подданству, обѣщая ему наследственное достоинство; предложить ему русскую гвардію, но только съ условіемъ, чтобы ханъ содержалъ ее самъ. Утвердившись въ Хивѣ, предложить хану послать туземцевъ, къ которымъ должны присоединиться и двое изъ русскихъ, вверхъ по Дарьѣ, въ Ирветъ, для осмотра розсыпей. При содѣйствіи же хана послать купчину въ Индію, приказавъ послѣднему описывать свой путь и по возможности розыскать кратчайшее и удобнѣйшее сообщеніе Индіи съ Каспійскимъ моремъ. Изъ Хивы отправиться въ Бухару и постараться хана послѣдней склонить, если не въ подданство, то по крайней мѣрѣ къ дружбѣ, и такъ какъ въ Бухарѣ ханы тоже *бдствуютъ отъ подданныхъ*, то предложить и здѣсь русскую гвардію. Для совершенія предпріятія Бековичу назначенъ былъ отрядъ изъ 4 тыс. пѣхоты, 1,500 яицкихъ и 500 гребенскихъ казаковъ и 100 человекъ драгунъ. Для посланки въ Индію былъ приданъ перучикъ флота Кожинъ, который, согласно данной ему Петромъ инструкціи, долженъ былъ отправиться водянымъ путемъ въ Индію. Снаряженіе экспедиціи стоило свыше 200,000 рублей, взятыхъ изъ доходовъ Казанской губерніи.

Окончивъ всѣ приготовленія къ походу, кн. Черкасскій въ сентябрѣ 1716 г. отплылъ изъ Астрахани, направляясь опять въ заливъ Тюбъ-Караганскій. Высадившись на берегъ, Черкасскій послалъ одного посланца въ Хиву, а другаго въ Бухару *), и, оставивъ одинъ полкъ строить крѣпость на этомъ мѣстѣ, съ остальнымъ отрядомъ поплылъ къ Красноводскому заливу. На берегу этого послѣдняго отрядъ занялся постройкою другой крѣпости. Пока строилась эта крѣпость, кн. Бековичъ распоряжался снаряженіемъ экспедиціи для дальнѣйшаго похода, къ

*) Этотъ посланецъ долженъ былъ вернуться съ дороги, благодаря прощамъ Кожина, дѣйствовавшаго наперекоръ Черкасскому. Неужившись съ Черкасскимъ, Кожинъ самовольно уѣхалъ въ Петербургъ, за что и былъ преданъ военному суду, а вмѣсто него Петръ приказалъ Бековичу отправить посломъ въ Индію другаго. Бековичъ снарядилъ для этой цѣли состоявшаго въ его свитѣ мурзу Тевкелева, который долженъ былъ ѣхать водою въ Шемаху, а оттуда въ Испагань и далѣе. Но буря выбросила Тевкелева въ Астрабадъ, гдѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ персидскимъ нахѣстивкомъ и оставался въ плѣну до тѣхъ поръ, пока не былъ выкупленъ русскими посломъ при персидскомъ дворѣ, послѣ чего онъ вернулся въ Россію.

нему съ разныхъ сторонъ приходили недобрныя вѣсти о скоплавшейся надъ его головою грозѣ. Калмыцкій ханъ, Аюка прислалъ къ князю своего нарочнаго съ предостереженіемъ относительно трудности пути въ Хиву, вслѣдствіе недостатка корма и воды съ одной стороны и вооруженія хивинцевъ—съ другой. За тѣмъ и отъ нашего посланца изъ Хивы было получено донесеніе, что миссія держится подъ карауломъ, и что ханъ собираетъ войско и уже выступаетъ противъ русскихъ. О томъ же свидѣтельствовалъ и бухарскій посоль, пробиравшійся въ Россію. Но Бекевичъ не страшился. Собравъ подкрѣпленія въ Астрахани, онъ высадился у Гурьева-городка, откуда выслалъ небольшія части для усиленія гарнизоновъ вновь построенныхъ крѣпостей, и гдѣ тщетно пытался привлечь на свою сторону туркменовъ; послѣдніе сохраняли нейтралитетъ, имѣя въ виду въ послѣдствіи пристать къ той сторонѣ, которая возьметъ верхъ. Въ началѣ іюня 1717 года князь Черкасскій наконецъ двинулся въ степь. Оставивъ влѣво большую хивинскую караванную дорогу, отрядъ двигался малою дорогою, болѣе удобною для отыскиванія корма и воды.

На 8-й день пути отрядъ достигъ р. Эмбы, и еще черезъ два дня вышелъ на большую караванную дорогу, слѣдуя которою отрядъ на 5-й день вступилъ на Усть-Уртъ. Здѣсь дорога пошла близъ западнаго берега Аральскаго моря. Въ семь недѣль отрядъ, пройдя 800 верстъ по возвышенной плоскости и сдѣлавши еще 100 верстъ, достигъ урочища Карагачъ (въ 4-хъ дняхъ пути отъ Хивы), у котораго, по плану Петра, надлежало построить крѣпость. Здѣсь отрядъ, перенесшій немовѣрныя трудности степнаго похода, расположился лагеремъ.

Еще не доходя Усть-Урта, Бекевичъ послалъ къ хивинскому хану новыхъ посланцевъ, съ цѣлю вторично предупредить его о томъ, что онъ идетъ съ мирными намѣреніями. Но и эти послы были заарестованы ханомъ, который вслѣдъ за тѣмъ направилъ противъ русскихъ свои полчища. Эти послѣднія встрѣтили нашъ отрядъ уже на позиціи у Карагача. Произошла двухдневная битва, въ которой хивинцы были разбиты. Видя невозможность совладать съ русскими въ открытомъ полѣ, ханъ прибѣгнулъ къ вѣроломству. Онъ велѣлъ объявить Бекевичу, что нападеніе на нашъ отрядъ произошло безъ его вѣдома и что онъ искренно желаетъ мира съ русскими. Мирныя переговоры дѣйствительно начались и даже были заключены предварительныя условія. По заключеніи таковыхъ въ лагерѣ Бекевича, ханъ хивинскій пригласилъ князя въ своей лагерь. Бекевичъ со свитою и конвоемъ въ 700 человекъ отправился въ ханскій лагерь. Здѣсь происходилъ, по восточному

обычаю, обмѣнъ подарковъ и слѣдовали угощенія. Ханъ клялся въ ненарушимости мирныхъ условій цѣлованіемъ корана. За тѣмъ ханъ съ своимъ войскомъ двинулся въ Хиву, приглашая съ собою и Бековича. На рѣкѣ Порсунгунъ, въ двухъ дняхъ пути отъ Хивы, ханъ остановился и просилъ Бековича раздѣлить его отрядъ на нѣсколько частей, для того чтобы его можно было удобнѣе размѣстить по квартирамъ. Бековичъ, не подозрѣвая злого умысла, довѣрчиво разбилъ свой отрядъ на пять частей, которыя и были разведены ханскими чиновниками въ разныя стороны; но лишь только эти части отошли на значительное разстояніе, какъ хивинцы бросились на нихъ и начали истреблять. Князь Черкасскій былъ изъ первыхъ жертвъ. Отрубленная голова его была немедленно отослана къ бухарскому эмиру, который, однакожь, къ злодѣйскому поступку хивинскаго хана отнесся съ негодованіемъ.

Туркмены, узнавъ о гибели отряда Бековича, начали осаждать наши вновь возведенныя крѣпости на Каспійскомъ морѣ. Лишенія привели гарнизоны этихъ крѣпостей къ сильной смертности, и коменданты, желая спасти хотя остатки своихъ командъ, рѣшились скрыть укрѣпленія и отступить къ Астрахани. Остатки Тюкь-караганскаго гарнизона съ большимъ трудомъ достигли этого пункта, а остатки Красноводскаго гарнизона, плывшіе на судахъ по Каспію, были разнесены бурей, такъ что только нѣсколько человекъ увидѣли Астрахань. Такъ плачевно кончилась многообѣщавшая экспедиція князя Черкаскаго.

Вслѣдствіе безпрестанныхъ междуусобій въ Хивѣ и отдаленности ея отъ Россіи, подданство ея конечно было номинальное. Однако торговныя сношенія между ханствомъ и Россією продолжались постоянно и многіе изъ русскихъ перебивали въ Хивѣ.

Послѣ Петра мы также при всякомъ удобномъ случаѣ домогались утвердить свое вліяніе въ Хивѣ. Такъ въ 1731 году былъ отправленъ туда для переговоровъ полковникъ Герценбергъ; но онъ не только не былъ впущенъ въ столицу хивинцевъ, но даже былъ ограбленъ ими на обратномъ пути.

Въ 1741 году уже извѣстный намъ Абуль-Ханръ, ханъ Малой Орды, былъ приглашенъ занять хивинскій престолъ, вмѣсто убитаго шахомъ Надиромъ хана Юлбарса. Съ Абуль-Ханромъ вступили въ Хиву и находившіеся при немъ: поручикъ Гладышевъ, геодезистъ Муравинъ и инженеръ Назимовъ *). Муравинъ тотчасъ былъ отправленъ въ станъ

*) Они были посланы для изслѣдованія киргизскихъ степей, вслѣдствіе просьбы Абуль-Ханра прислать ему офицеровъ для постройки города близъ устья р. Сыра.

Надира съ просьбою; «чтобы онъ, Надиръ-Шахъ, городъ Хиву Абдуль-Ханръ-хану за имя ея императорскаго величества уступилъ, потому де, что теперь на ханствѣ въ Хивѣ императорскій російскій вѣрно-подданный». Надиръ, питавшій постоянно уваженіе къ Россіи, одарилъ посла, согласясь съ его представленіями, и только пожелалъ, чтобы самъ Абдуль-Ханръ прибылъ къ нему на свиданіе. Но Абдуль-Ханръ, не довѣряя шаху, заблагоразсудилъ бѣжать со своею свитою и русскими чиновниками, оставя Хиву на произволъ Надира. Персидскій завоеватель, въ доказательство честности своихъ намѣреній, по занятіи города, одарилъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, какихъ могъ собрать, и отпустилъ въ Россію. Удаляясь изъ Хивы, шахъ поставилъ на ханство своего чиновника, котораго хивяны вскорѣ убили, и ханомъ своимъ провозгласили сына Абдуль-Ханра, Нурали-хана.

Въ 1770 году призванъ былъ на ханство въ Хиву еще одинъ русскій подданный, киргизскій ханъ Гаябъ.

Такимъ образомъ въ теченіе XVIII вѣка было въ Хивѣ пять хановъ изъ русскихъ подданныхъ: 1700 г. Шаніазъ, въ 1703 Арапъ-Маметъ, въ 1741—Абдуль-Ханръ и вслѣдъ за нимъ Нурали и наконецъ въ 1770 г. Гаябъ.

Въ 1793 году, по просьбѣ хивинскаго хана, для излеченія его дяди Фазиль-бія отъ глазной болѣзни, былъ посланъ нашимъ дворомъ ученый и наблюдательный докторъ Бланкенагель. Прибывъ въ Хиву, Бланкенагель нашелъ глаза больного неисцѣлимыми и хотѣлъ-было тотчасъ возвратиться; но хивяны его задержали, находясь въ нерѣшимости, какъ съ нимъ поступить. Большинство чиновниковъ ханскихъ приговорило, по отравленіи его, умертвить на дорогѣ, дабы онъ не могъ ничего пересказать о видѣнномъ. Узнавъ отъ нашихъ плѣнныхъ о такомъ злодѣйскомъ умыслѣ, Бланкенагель бѣжалъ тайно изъ Хивы къ туркменамъ, которые и доставили его на Мангишлакъ, откуда онъ моремъ прибылъ въ Астрахань.

Бланкенагель составилъ записку о Хивинскомъ ханствѣ, въ которой самыми заманчивыми красками изобразилъ его богатства. Въ одной мѣстѣ записки онъ выражается такъ: «Выше показано какое удостоеніе собралъ я о богатыхъ и неисчерпаемыхъ хивинскихъ рудникахъ золота и серебра. Сія великія сокровища, въ разсужденіи ихъ обработыванія и провозу несравненно дешевле обходиться намъ будутъ, ежели перувианскіе для Гишпаніи». Говоря о среднеазиатской торговлѣ, Бланкенагель выражается слѣдующимъ образомъ: «Всѣ сія богатая отрасли торговли зависятъ отъ обладанія Хивою и сіе тѣмъ должно

быть для насъ важнѣе, что для овладѣнія сею новою Перою нѣтъ нужды вооружать флота, посылать большія войска, употреблять великія издержки, проливать кровь; словомъ, овладѣніе Хивою не будетъ стоить намъ ничего, а сіе ничего доставитъ Россіи великія сокровища и, что лествѣе, доставитъ народамъ тамошнимъ безмятежіе и спокойствіе. И затѣмъ прибавляетъ: «я осмѣливаюсь утвердительно сказать, что съ 5 тыс. человекъ можно безъ затрудненія взять всѣ хивинскія владѣнія».

Что еще болѣе придавало заглавности рассказамъ Бланкенегеля — это удостовѣреніе его въ возможности сообщенія Аральскаго моря съ Каспійскимъ направленіемъ теченія Аму-Дарьи по ея прежнему руслу.

Въ 1819 году главнокомандующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ генералъ Ермоловъ отправилъ для осмотра восточнаго берега Каспійскаго моря генеральнаго штаба капитана Муравьева и маіора Пономарева. Имъ было поручено выбрать удобное мѣсто для постройки крѣпости, съ цѣлью сдѣлать ее вмѣстѣ съ тѣмъ и складомъ товаровъ. Затѣмъ отправиться въ Хиву и убѣдить тамошняго хана, чтобы онъ направилъ торговлю Хивы на избранный пунктъ. Наши послы обрекогносцировали всю южную часть восточнаго берега Каспія и для постройки крѣпости нашли удобными два пункта: одинъ при Серебряномъ бугрѣ, близъ впаденія въ море р. Гюргени, а другой — въ Галханскомъ заливѣ. Обитавшіе вдоль берега туркмены южудскаго рода не только не препятствовали нашимъ агентамъ въ исполненіи ими порученій, но даже просили о принятіи ихъ въ подданство Россіи. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ туркменовъ этого рода Муравьевъ совершенно безпрепятственно прошелъ въ Хиву. Но здѣсь, ни за-что, ни про-что, онъ былъ продержанъ въ заключеніи 48 дней, и хотя потомъ представился хану, но не успѣлъ склонить его на предложеніе нашего правительства и тотчасъ же былъ удаленъ изъ Хивы *).

Возвратясь изъ Хивы, Муравьевъ описалъ свое путешествіе, представивъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ плачевное состояніе Хивинскаго ханства, и особенно въ черныхъ краскахъ изобразивъ тягостное положеніе русскихъ плѣнныхъ.

Съ 1820 года, чтобы поддержать нашу власть съ одной стороны и дать возможность безопасно двигаться торговымъ караванамъ съ другой, былъ принятъ нами иной методъ дѣйствій. Рѣшено было ежегодно

*) Почти одновременно съ посольствомъ Муравьева въ Хиву было отправлено (1820 году) и посольство въ Бухару подъ начальствомъ Негри, которому было поручено убѣдить эмира въ пользѣ обоюдныхъ торговыхъ соглашеній. Но это посольство не имѣло желаемаго успѣха.

отправлять въ степь отряды болѣе или менѣе значительнаго состава. Дѣла однакожь пошли не только не лучше, а напротивъ хуже. Въ 1822 году сильныя роды чиклинцевъ признали надъ собою власть хивинскаго хана. Между киргизами независимыми и киргизами, считавшимися нашими подданными, возгорѣлись войны и грабежи. Уводъ нашихъ людей съ линіи удесатерился; особенно усилились разбой на Каспійскомъ морѣ, отъ которыхъ сильно терпѣли наши рыбопромышленники.

Въ это самое время начали вводить новое положеніе для управленія киргизами, и такъ какъ администраціею киргизы были раздѣлены такимъ образомъ, что Малая орда подчинилась Оренбургскому губернатору, а Средняя—Западно-Сибирскому, то новое положеніе для тѣхъ и другихъ киргизовъ разнилось весьма существенно, потому что исходило изъ различныхъ взглядовъ управителей краевъ.

Новый уставъ для сибирскихъ киргизовъ изданъ былъ въ 1822 году, но былъ осуществленъ только въ 1824 году. По этому уставу сибирскихъ киргизовъ раздѣляли на два округа: Каркаралинскій и Кокчетавскій. При учрежденіи этихъ округовъ старались соблюсти по возможности родовыя начала. Округа раздѣляли на волости; округами должны были завѣдывать старшіе султаны, къ которымъ приданы *диваны*, долженствовавшіе обуздывать власть султановъ.

Въ 1824-мъ году и оренбургскіе киргизы получили новое устройство. Ханское достоинство уничтожили; степь раздѣлили на три части съ сѣверо-запада на юго-востокъ, причемъ впали въ ту ошибку, что не обратили вниманія на родовое дѣленіе земли. Управленіе каждою частью было ввѣрено особому *старшему султану*, которыхъ впоследствии переименовали въ *султановъ-правителей*. Султанамъ дана неограниченная власть и право наказывать подвѣдомственныхъ имъ киргизовъ за грабежи на линіи, для чего каждому изъ нихъ былъ приданъ отрядъ изъ 200 казаковъ. Этотъ отрядъ, замѣнявшій для султановъ оренбургскихъ киргизовъ *диванъ правителей сибирскихъ киргизовъ*, далъ возможность первымъ только преслѣдовать своихъ личныхъ враговъ, несколько не обезпечивая нашихъ границъ, и не водворяя спокойствія въ степи.

Наши караваны, сопровождаемые значительными отрядами, грабллись по прежнему. Такъ въ 1825 году караванъ подъ прикрытіемъ отряда, состоявшаго изъ 625 человекъ при 2 орудіяхъ, при переправѣ черезъ Яны-Дарю, былъ атакованъ враждебными намъ киргизами, соединившимися съ хивинцами. Въ теченіе трехъ дней караванъ отбивался, но, наконецъ, побросавъ товары, долженъ былъ вернуться, понеся убытокъ

на 547,600 рублей. Увозъ плѣнныхъ съ ливіи не прекращался. На Каспійскомъ морѣ ежегодно ловилось до 200 человѣкъ русскихъ, которые и продавались на рынкѣ въ Хивѣ. На выкупъ нашихъ плѣнныхъ въ пограничной комиссіи находилась особая сумма, въ 1826 году доходившая до 21,289 рублей.

Изъ этого очерка можно видѣть, что, не смотря на то, что сношенія наши съ Хивою начались очень рано, тѣмъ не менѣе они никогда не были особенно дружелюбны. Безпрестанные посланцы хивинскаго хана привозили въ Россію подарки, изъявляли отъ имени своего хана преданность Россіи, а между тѣмъ правительство хивинское не упускало ни одного случая, для того чтобы ограбить караванъ, захватить русскихъ въ плѣнъ, волновать киргизовъ и т. п.

Но хивинцы не довольствовались только оскорбленіемъ однихъ посылаемыхъ русскихъ правительствомъ въ Хиву; они, кромѣ того, захватывали русскихъ въ степи и содержали ихъ въ тяжкомъ рабствѣ. При посредствѣ киргизовъ и въ особенности туркменъ они цѣлыми кучами захватывали нашихъ рыбопромышленниковъ на Каспійскомъ морѣ, брали въ плѣнъ даже съ самой ливіи, привозили плѣнниковъ въ Хиву и здѣсь, верѣдко при участіи самаго хана, публично продавали ихъ въ рабство. Такимъ образомъ въ 1835 году въ Хивѣ насчитывалось уже до тысячи нашихъ плѣнниковъ.

Такъ какъ переговоры не достигали никакой цѣли, то очевидно необходимо было принять какія нибудь рѣшительныя мѣры. Поэтому въ 1836 году въ Оренбургѣ и въ Астрахани задержаны были возвращавшіеся съ нижегородской ярмарки хивинскіе купцы съ ихъ товарами, и въ то же время было объявлено хивинскому хану, что купцы эти не иначе будутъ освобождены, какъ по отпускѣ изъ Хивы всѣхъ томившихся тамъ въ неволѣ русскихъ и по совершенномъ прекращеніи явныхъ и тайныхъ враждебныхъ противъ насъ дѣйствій.

Внезапное прекращеніе торговыхъ сношеній съ Россіею нанесло чувствительный ударъ Хивинскому ханству. Цѣна всѣхъ привозныхъ мануфактурныхъ издѣлій возвысилась тамъ на 15%, а цѣна сырыхъ матеріаловъ на 90%; хивинскія же произведенія упали на 50%.

Несмотря однако на то, хивинскій ханъ Алла Кулъ медлилъ исполненіемъ справедливыхъ требованій и все еще полагалъ, что разными хитростями успѣетъ отвратить грозившую ему опасность.

Въ 1837 году присланы были наконецъ 25 русскихъ плѣнниковъ и значительные подарки. Это однако ни мало не имѣло вліянія на наши дѣйствія. Подарки были отвергнуты, зрѣсть купцовъ и товаровъ ихъ

не снять, а требованія наши возобновлены еще съ большею настойчивостью. Все это однако не имѣло никакого успѣха.

Очевидно, что дальнѣйшая медленность и верѣшительность съ нашей стороны была бы выраженіемъ робости, которая только удвоила бы наглость и дерзость хивинцевъ. Поэтому рѣшено было наказать хивинцевъ оружіемъ, и Перовскій получилъ повелѣніе двинуться съ отрядомъ войска на Хиву.

Повидимому можно было смѣло рассчитывать на успѣхъ предпріятія. Достоверно было, что когда послѣ нападенія хивинцевъ зимою съ 1824—1825 годъ на вооруженный караванъ нашъ, въ слѣдующую зиму отправлена была ученая экспедиція къ Аральскому морю подъ начальствомъ полковника Берга, то въ Хивѣ уже были сдѣланы всѣ приготовления для поднесенія русскимъ городскимъ ключей. Плѣнники наши увѣряли единодушно, что уже были отлиты золотые ключи.

Кромѣ того, со времени задержанія у насъ хивинскаго каравана и прекращенія торговли, нужда и бѣдность въ Хивѣ значительно возрасли, и ханъ, лишившись доходовъ своихъ, сталъ взимать съ туркменъ, которые уже неоднократно просили нашего покровительства, и ближайшихъ къ Хивѣ киргизъ довольно отяготительныя подати. Наконецъ, въ Хивѣ и въ степи существуетъ давнишнее повѣрье, что Хива погибнетъ отъ русскаго оружія въ то время, когда воды Аму-Дарьи стануть снова разливаться до стараго Ургенча, покнутаго въ давнія времена по недостатку въ водѣ. Между тѣмъ, въ то время заливъ Аму-Дарьи дѣйствительно сталъ снова наполняться, въ Куня-Ургенчи стали селиться жители и народъ съ трепетомъ ожидалъ исполненія послѣдней части предсказанія.

Всѣ эти обстоятельства заставили Перовскаго полагать, что можетъ быть даже киргизы и туркмены разграбили бы Хиву еще прежде, чѣмъ отрядъ нашъ успѣлъ бы подойти къ ней.

Вооруженная экспедиція въ Хиву была первымъ обширнымъ предпріятіемъ съ нашей стороны послѣ неудачнаго похода князя Бековича-Черкаскаго въ 1717 году. Громадныя приготовления къ ней и неудача, зависѣвшая отъ причинъ, которыхъ невозможно было предотвратить человеческою дѣятельностью, заслуживаютъ вниманія. Но предварительно полного описанія этой несчастной экспедиціи намъ кажется не лишнимъ познакомить читателя съ страной, чрезъ которую приходилось идти нашимъ войскамъ, и которая по своему степному характеру представляетъ много оригинальнаго.

Степь оренбургская подходит почти къ самому Оренбургу. Верховье

и среднее течение Урала служить ей естественною границею; отсюда къ югу на цѣлыя тысячи верстъ до самаго хребта Эльбрусъ, отдѣляющаго среднюю Азію отъ Персіи, тянется совершенно безлѣсная однообразная равнина. Въ началѣ, по степнымъ притокамъ Урала: Ори, Илеку, Хобдѣ встрѣчается еще почва, способная къ воздѣлыванію; мѣстами здѣсь попадаетъ даже черноземъ; но чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ ощутительнѣе становится безплодіе; за Эмбою начинаются одни пески и солончаки.

Вся мѣстность, занимаемая степью и простирающаяся на 850,000 квадратныхъ верстъ, за исключеніемъ Мугоджарскихъ и Джабыкъ-Карагайскихъ горъ, представляетъ обширную равнину, невездѣ впрочемъ; одинаковаго свойства. Сѣверная часть ея существенно разнится отъ южной, а перешеекъ, отдѣляющій Каспійское море отъ Аральскаго, имѣетъ свой особенный характеръ. Въ киргизскихъ степяхъ вообще нѣтъ большихъ рѣкъ, за исключеніемъ Урала и Сыръ-Дарьи, текущихъ на ея предѣлахъ; маленькихъ же рѣкъ, сравнительно съ пространствомъ, весьма не много, да и тѣ чрезвычайно маловодны, и многія изъ нихъ во время жаровъ пересыхаютъ. Кромѣ того, нѣкоторыя рѣки имѣютъ иногда воду горькосоленую и потому негодную для употребленія. То же можно сказать и объ озерахъ киргизской степи.

Сѣверная часть степи довольно удобна. Здѣсь протекаетъ много рѣчекъ съ хорошею водою и есть даже небольшія прѣсныя озера, или, вѣрнѣе, впадины съ снѣговою водою; по берегамъ рѣчекъ разстилаются поемные луга, а самая степь покрыта слоемъ чернозема, на которомъ растетъ ковыль, составляющій отличительный признакъ плодородія степной почвы. Въ сѣверной части степи встрѣчаются даже дѣса, какъ лиственные, такъ и строевые сосновые, но пространства, покрытыя ими, весьма незначительны въ сравненіи со всею степью.

Южная часть степи представляетъ совершенно другія свойства, чѣмъ сѣверная. Отъ притоковъ нижняго Урала, имѣющихъ большую часть воду солоноватую, до самой Сары-Су не встрѣчается ни рѣкъ, ни прѣсныхъ озеръ, а въ оврагахъ вода находится иногда только въ плесахъ и часто бываетъ негодная для употребленія. Среди южныхъ степей лежатъ пески и солончаки.

Солончаки состоятъ изъ сѣроватаго, соленого ила и бываютъ сухіе и мокрые — соленыя грязи, которыя образовались отъ высушки соленыхъ озеръ, покинутыхъ мѣстами при убыли и отступленіи моря въ нынѣшніе его предѣлы. Иные солончаки въ продолженіе лѣта пересыхаютъ и представляютъ въ такомъ случаѣ твердый грунтъ, на которомъ копыта лошадей не оставляютъ даже слѣдовъ; другіе, напротивъ, и во время са-

ныхъ сильныхъ жаровъ представляютъ все тѣ же непроходимыя топи.

Солонцы бываютъ обыкновенно вовсе голы, только по краямъ или берегамъ поростають они разными солянками.

Топкость солонцовъ и болотъ представляетъ значительныя препятствія, какъ для слѣдованія каравановъ и отрядовъ, такъ и для сообщенія киргизовъ между собою. Топкіе солончаки эти, подобныя тундрамъ, сверху, въ видѣ коры, имѣють вязкій грунтъ, а чѣмъ глубже, тѣмъ болѣе воды. Берега ихъ обыкновенно бываютъ тверды, но чѣмъ ближе къ средняѣ, тѣмъ они становятся непроходимѣе; такіе солончаки простираются иногда на 20 и болѣе верстъ и проходимы въ непогихъ только мѣстахъ.

Песчанныя степи и холмы, называемыя у киргизовъ просто кумъ, т. е. песокъ, состоятъ изъ сыпучаго песку, который образуетъ грядами расположенные холмы и пригорки. Вѣтеръ разноситъ и пересыпаетъ пески эти съ мѣста на мѣсто, отчего и самые холмы безпрестанно измѣняютъ видъ и положеніе свое. Они извѣстны казакамъ подъ именемъ бархановъ. Пески встрѣчаются только въ южныхъ степяхъ: въ сѣверныхъ степяхъ они вѣроятно уже заросли и покрылись черноземомъ, по крайней мѣрѣ сыпучихъ песковъ на сѣверѣ вовсе нѣтъ.

Пески можно раздѣлить на два разряда: первобытные и наносные. Первые, будучи скрѣплены корнями травъ и мелкихъ кустарниковъ, служащихъ хорошимъ кормомъ для овецъ, лошадей и верблюдовъ, представляютъ весьма много удобствъ для кочеванія; вторые, имѣя по преимуществу глинасто-солонцеватое основаніе, безпрестаннымъ движеніемъ своимъ не позволяютъ корнямъ растеній въ нихъ укрѣпляться и не имѣють достаточно плотности, чтобы словъ ихъ могли предохранить скопляющіеся подъ ними запасы воды отъ испаренія.

Сыпучіе пески степи большою частію обильны водою: почти всюду въ долинахъ, между песчаными холмами, легко рыть колодцы, и вода показывается не глубже нѣсколькихъ футовъ отъ поверхности земли; въ пескахъ же встрѣчается самая незначительная флора.

Движенія отрядовъ чрезвычайно затруднительны въ пескахъ пераго рода, колеса врѣзываются по ступицу, а ноги вязнутъ; въ пескахъ же втораго рода—движенія довольно свободны.

Пески, какъ сказано выше, встрѣчаются только въ южныхъ степяхъ; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: сѣверный берегъ Аральскаго моря обложенъ песками, которые тремя вѣтвями вдаются въ солонцы, отдѣляющіе ихъ отъ ясу; западная довольно широкая вѣтвь, назы-

вается *Большіе-Барсуки*, лѣтомъ и зимою можно тутъ найдти кочевья киргизовъ; средняя вѣтвь, упирающаяся узкою полосою въ заливъ Перовскаго; называется *Малые-Барсуки*, и представляютъ менѣе удобствъ въ кочеванію, наконецъ восточная, подходящая въ рѣкѣ Ирғизу, въ 30 верстахъ южнѣе урочища Кара-Куга, не имѣетъ одного общаго имени а въ разныхъ мѣстахъ называется по урочищамъ, тамъ находящимся. Узкая полоса солонцовъ отдѣляетъ эти пески отъ песковъ *Кара-Кумъ*, которыми заняты весь уголъ, составляемый правымъ берегомъ р. Сыръ-Дарьи и восточнымъ берегомъ Аральскаго моря. Невысокіе холмы, покрывающіе ихъ, поросли тамарискомъ и саксауломъ; въ долинахъ, при частыхъ копаняхъ и колодцахъ, попадаются хорошіе травы, вблизи же Аральскаго моря они становятся безплодными и сыпучими, и безводными вблизи Сыръ-Дарьи. За рѣкою Куванъ-Дарьею находятся огромные пески *Казылъ-Кумъ*, отдѣляющіе эту рѣку отъ Бухарскихъ владѣній. Сѣверо-восточная часть Кара-Кума, подходящая довольно близко къ предгорьяхъ Улу-Тау называется *Арысъ-Кумъ*.

Колодцы и копаны, дабы воду ихъ сдѣлать годною для употребленія проходящаго отряда, необходимо должно прежде очистить, вычерпывая изъ нихъ всю воду и вынимая со дна порядочный слой земли отъ времени, и особенно въ дождь и весною, обваливающейся. Къ тому же вода въ нихъ задымается весьма скоро, получаетъ горечь, дурной запахъ и превращается въ густой красный настой, наполненный насѣкомыми, и даже верблюды страдаютъ жестокими болями въ желудкѣ и кровавыми поносами отъ употребленія такой воды. Очистка же копаны не представляетъ большихъ затрудненій. Рѣдко потребно для этого болѣе часа, и стоитъ только открыть свободный путь ключамъ, какъ свѣжая вода набѣжитъ весьма скоро.

Перешеекъ, отдѣляющій Аральское море отъ Каспійскаго, состоитъ изъ плоской возвышенности Усть-Уртъ, имѣющей около 600 футовъ высоты надъ поверхностью обонхъ морей. Усть-Уртъ очерчивается крутымъ обрывистымъ и не вездѣ доступнымъ для входа берегомъ, называемымъ по-киргизки *чинкомъ*. Перешеекъ этотъ представляетъ совершенно голую степь, почва которой состоитъ изъ песчаной солонцеватой глины, съ весьма скудною растительностью. Вода добывается здѣсь изъ немногихъ глубокихъ колодцевъ, находящихся на караванныхъ путяхъ, и бываетъ довольно дурнаго качества.

Какъ ни бесплодны кажутся глазу европейца пески Кара-Кумъ и подобныя имъ песчаная пространства степи, не представляющія ничего кромѣ рѣдкихъ бормовыхъ травъ и приземистаго кустарника, пески

эти цвѣтушіе оазисы, въ сравненіи съ тѣмъ ужасающимъ отсутствіемъ растительной жизни, съ тою мертвенностію почвы, какою характеризуются илисто-солонцоватыя равнины, встрѣчающіяся по выходѣ изъ Кара-Кумскихъ песковъ въ направленіи къ Мугоджарскимъ горамъ. Тутъ нѣтъ ни воды для питья, ни корма, ни топлива; слѣдовательно, нѣтъ никакого пріюта ни для человѣка, ни для скота, ни въ какое время года. Лѣтомъ рыхлый илъ, раскаленный лучами солнца и взрытый копытомъ лошади, наполняетъ воздухъ облаками тончайшей пыли; осенью же, размоченный дождемъ, онъ обращается въ топкую и до непроходимости вязкую грязь. А какъ такія илистыя равнины, вмѣстѣ солонцоватыми болотами занимаютъ большую часть зауральской степи, то и становится понятнымъ, какимъ образомъ киргизы жмутся съ стадами своими, требующими обширныхъ пастбищъ, на немногихъ относительно травянистыхъ полосахъ ея лѣтомъ, и обильныхъ камышомъ и кустарникомъ въ продолженіе долгой и большею частью суровой зимы.

Отличительнымъ свойствомъ степнаго климата служатъ двѣ крайности: сильная стужа зимою и сильный лѣтній жаръ. Холодъ нерѣдко доходитъ до 32° по Р.; но лѣтнія жары въ степи гораздо сноснѣе, чѣмъ жара у побережья Каспійскаго моря, гдѣ воздухъ всегда бываетъ влаженъ.

Дожди въ степяхъ вообще рѣдки и обыкновенно бываютъ только слѣдствіемъ грозы. По близости горъ они падаютъ чаще, но, сравнительно съ другими странами, все еще довольно рѣдко; только въ возвышенныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ Уральскаго хребта дожди обильны и постоянны; они идутъ здѣсь иногда по нѣскольку недѣль сряду.

Восточные вѣтры, господствующіе въ цѣломъ Оренбургскимъ краѣ и дующіе въ продолженіе почти $\frac{7}{8}$ года, иссушаютъ воздухъ; этотъ вѣтеръ, то отходитъ къ с., то къ ю. Вмѣстѣ съ юговосточнымъ вѣтромъ онъ приноситъ обыкновенно ведро, ясную погоду, а зимою ясную стужу. Сѣверовосточный вѣтеръ осенью не рѣдко сопровождается холодомъ и дождемъ, а зимою въ особенности стужей и собственными степнымъ вьюгамъ, извѣстными здѣсь подъ именемъ бурановъ—это бичъ и нерѣдко гибель путниковъ. Бураны, кажется, происходятъ оттого, что холодный сѣверо-восточный вѣтеръ, смѣняя собою западный или юго-западный, превращаетъ поднявшіеся при тепломъ западномъ вѣтрѣ водяные пары въ снѣгъ. Теплыя вьюги несутся отъ юго-запада; западный вѣтеръ приноситъ тепло и оттепель.

Есть еще такъ называемый буранъ снизу; имъ даже обыкновенно на-

чинается всякая мятель: вѣтеръ подымаетъ, мятеть и гонить вьюгою снѣгъ съ землею. Но эта вьюга далеко не такъ опасна и гибельна, какъ первая, — буря съверху. Трудно вообразить себѣ, до какой степени человѣкъ и даже самыя животныя, у которыхъ есть обыкновенно какое-то внутреннее чувство познанія мѣстности, лишаются во время жестокаго бурана всякаго соображенія. Люди замерзаютъ въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ жилья, иногда почти на улицахъ селъ и деревень, выбившись изъ силъ и почти не сходя съ мѣста, а плутая все круговою. Скотъ бѣжитъ по вѣтру; забѣгаетъ безъ остановки за сотню верстъ и нерѣдко мечется прямо и безъ оглядки въ пропасти и крутояры, гдѣ погибаетъ. Степной кыргызъ, который ведетъ въ темную ночь, какъ въ ясный день на любое урочище, рѣшительно отказывается быть вожакомъ во время зимняго бурана, а если этотъ застаётъ его на пути, то онъ слѣзаетъ на мѣстѣ съ лошади, ложится, зарывается, если можно въ снѣгъ, и выжидаетъ ведра. Въ 1827 г. кыргызы Внутренней орды лишились во время жестокаго бурана 10,500 верблюдовъ, 280,500 лошадей, 75,480 головъ разнаго скота и 1.012,000 овецъ, всего сляшкомъ на сумму до 13 милліоновъ руб. асс. Весь скотъ шарахнулся къ сѣверу, въ Саратовскую губернію, частью попадалъ въ овраги и рытвины, частью замерзъ на голой степи, частью былъ утаенъ поселянами разныхъ деревень. Въ 1816 г. было тамъ же подобное происшествіе.

Лѣто бываетъ чрезвычайно жарко; даже и ночи почти не охлаждаются, и по нѣскольку недѣль сряду иногда вовсе не бываетъ росы.

Лѣтнею порою въ степяхъ часто образуются вихри, занимающіе весьма небольшое пространство: вихрь кружится на одномъ мѣстѣ и уноситъ съ собою пыль, песокъ, сухія травы до значительной высоты. Вихри эти, будучи замѣтны глазу по поднявшейся столбомъ пыли, пробѣгаютъ нѣсколько сотъ и даже тысячъ шаговъ и вдругъ ложатся, исчезаютъ. Нерѣдко два или три столба подымаются вдругъ не въ большомъ разстояніи. Происхожденіе ихъ объясняютъ обыкновенно предполагаемою встрѣчею двухъ противоположныхъ вѣтровъ; но объясненіе это, кажется, недостаточно. По близости столбоваго вихря воздухъ бываетъ совершенно тихъ: можно подойти вплотъ къ столбу и вѣтеръ слышенъ только внутри черты самаго вихря.

Весь успѣхъ военнаго поиска въ Хиву долженъ былъ основываться почти исключительно на вѣрномъ расчетѣ и соображеніи средствъ для продовольствія отряда съ находящимися при немъ лошадьми. Если бы отрядъ тысячи въ три, при 12 орудіяхъ, дошелъ въ хорошемъ состояніи до Хивы, то этого числа уже было бы слишкомъ достаточно. Даже и этотъ

умѣренный расчетъ основывался бы главнымъ образомъ не столько на дѣйствительной потребности вооруженной силы, сколько на необходимости безпрестанно разсылать довольно значительные разъѣзды и конвой.

Въ составѣ отряда главную роль должна была играть пѣхота, какъ по недостатку кормовъ въ степи, такъ и по тому, что мѣстность въ ханствѣ изрѣзана каналами, гдѣ гораздо удобнѣе дѣйствовать пѣхотѣ и гдѣ кавалерія почти бесполезна.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Перовскій назначилъ для экспедиціи 3½ батальона пѣхоты изъ отборныхъ людей 22-й пѣхотной дивизіи, 22 орудія, 4 ракетныхъ станка и 3 полка кавалеріи; всего же 4,413 строевыхъ нижнихъ чиновъ, 2,112 лошадей и 10,400 верблюдовъ.

Сообразивъ выгоды путей, ведущихъ въ Хиву, рѣшено было, что путь отъ Оренбурга или Илецкой защиты черезъ Усть-Уртъ надежнѣе прочихъ, и что пути чрезъ Сарайчикъ и Мангышлакъ могли съ выгодою представить только вспомогательныя средства.

Полагая разстояніе отъ Оренбурга до Хивы по избранному пути 1.250 верстъ и принимая каждый переходъ въ 25 верстъ, можно было рассчитать, что отрядъ дойдетъ до Хивы въ 50 переходовъ, изъ которыхъ около 18, отъ Донгустау до Айбугира, онъ будетъ идти по Усть-Урту.

Выбравши такимъ образомъ путь, необходимо было опредѣлить и устройство продовольственной части.

Сообразивъ всѣ обстоятельства, Перовскій вывелъ заключеніе, что удобнѣе всего выступить съ средней части оренбургской линіи въ концѣ марта и въ началѣ сентября пуститься уже въ обратный путь.

Такъ какъ экспедиція въ Хиву могла продолжиться болѣе полугода, то, очевидно, невозможно было везти съ собою продовольствіе на все это время. Предполагалось имѣть при себѣ продовольствіе только на два мѣсяца; остальное же количество необходимо было сложить на пути слѣдованія отряда. Поэтому Перовскій первоначально предположилъ еще до похода основать два становища: одно при южной оконечности Мугоджарскихъ горъ, верстъ за 300 отъ Оренбурга, а другое у Донгустау, почти въ такомъ же разстояніи отъ перваго этапа. На этихъ складочныхъ пунктахъ можно бы было заготовить сѣно и подвезти туда продовольствіе для людей. Въ послѣдствіи было рѣшено оставить склады только въ Акъ-Булакѣ.

Независимо отъ этихъ двухъ складовъ, Перовскій признавалъ необходимымъ обезпечить продовольствіе отряда во время пребыванія его въ Хивѣ, куда бы оно могло быть подвезено изъ ближайшихъ приморскихъ точекъ. Хотя Мангышлакскій полуостровъ и ближе соотвѣтствовалъ этой

цѣля, но болѣе близкое растояніе отъ Хивы до Ново-Александровскаго укрѣпленія заставило предпочесть этотъ послѣдній пунктъ. Сюда предположено было доставить 2,500 четвертей сухарей и 250 четвертей крупъ.

Суда съ этимъ провіантомъ, за противными вѣтрами, не достигли своего назначенія и два изъ нихъ возвратились въ Астрахань, два въ Гурьевъ, одно перезимовало у острова Кулалы, а пять замерзли въ морѣ и были разграблены и сожжены киргизами Адаевского улуса.

Для отряда между тѣмъ продовольствіе было запасено въ огромномъ размѣрѣ. Между прочимъ, было заготовлено 11,889 четвертей сухарей, 3,223 ч. крупъ, 4,605 ч. муки, 16,098 ч. овса, 6,511 пудовъ соли и 4,199 ведеръ спирту. Кроме того, были взяты въ походъ: сухой бульонъ, сало, сушеная и квашенная капуста, хрѣнь, соль, перецъ, уксусъ, медъ съ приправою для сбитня, табакъ для нижнихъ чиновъ, крутъ — сушеный сыръ, съ большою пользою служащій для приправы дурной воды, и сжатое сѣно. Для мяса же подряченъ былъ поставщикъ, который обязался гнать скотъ за отрядомъ. Покупка и доставка скота своими средствами была бы невыгодна. Въ этомъ случаѣ невозможно было бы имѣть за скотомъ надлежащаго присмотра и большая часть его могла бы бесполезно погибнуть въ степи. Для больныхъ были взяты кибитки, и, для отвращенія цыготной болѣзни, кроме обыкновенныхъ медицинскихъ средствъ, приказано было запастись различными острыми овощами.

Собравъ такіе огромные запасы, необходимо было озаботиться и о перевозочныхъ средствахъ, что въ степномъ походѣ составляетъ величайшее затрудненіе. Въ степяхъ, какъ извѣстно, верблюдъ предпочитается лошади, какъ потому, что легко переноситъ жажду и довольствуется малымъ кормомъ, такъ и потому, что поднимаетъ втрое или вчетверо больше лошади. Для верблюдовъ, приученныхъ къ упряжи, были устроены особыя длинныя повозки на высокихъ колесахъ съ широкими ободьями.

По сдѣланному расчету, всѣхъ верблюдовъ требовалось, полагая на каждаго ноши отъ 12 до 15 пудъ, до 12,600 головъ.

Оставались еще два вопроса, разрѣшеніе которыхъ уже выходило изъ круга власти Перовскаго. Нужно было опредѣлить, на какомъ основаніи должно быть занято ханство, если это будетъ признано нужнымъ; другими словами, Перовскій желалъ знать, какъ онъ долженъ поступить по завятіи Хивы. Удовольствоваться ли ему только наказаніемъ хивинцевъ или даже сдѣлать какое нибудь постоянное распоряженіе на будущее время.

Другой вопросъ состоялъ въ томъ, что дѣлать отряду въ случаѣ, если бы Хива, увидѣвъ рѣшительность нашихъ дѣйствій, исполнила немедленно всѣ наши требованія и выслала, напримѣръ, всѣхъ плѣнниковъ еще до окончанія предпріятія?

Что касается лично до Перовскаго, то онъ находилъ, что возведеніе на ханскій престолъ одного изъ благонадежныхъ султановъ-правителей не противорѣчало бы азійскимъ обычаямъ и обезпечило бы насъ на будущее время отъ Хивы. Во второмъ же случаѣ дѣйствіе нашихъ войскъ должно было, по мнѣнію Перовскаго, зависѣть отъ того, къ какому мѣстѣ будетъ находиться отрядъ, когда хивинскій ханъ исполнитъ наши требованія. Если бы онъ выслалъ нашихъ плѣнныхъ въ то время, когда отрядъ будетъ довольно близокъ къ предѣламъ нашимъ, и особенно если онъ не минуетъ еще безводныхъ пустынь, то выгодноѣе будетъ вернуться обратно; въ противномъ же случаѣ, Перовскій полагалъ необходимымъ дойти до Хивы и расположиться тамъ на время для отдыха и подкрѣпленія силъ отряда.

Таковъ былъ первоначальный проектъ Перовскаго, представленный имъ въ особый комитетъ, составленный изъ военнаго министра, министра иностранныхъ дѣлъ и оренбургскаго генералъ-губернатора.

Комитетъ этотъ 11 марта 1839 года разсматривалъ проектъ Перовскаго въ двухъ главныхъ отношеніяхъ:

- 1) Относительно времени, наиболѣе удобнаго для приведенія проекта Перовскаго въ исполненіе, и
- 2) Относительно необходимыхъ способовъ для удачнаго исхода экспедиціи.

Экспедиція въ Хиву, какъ уже было сказано выше, между прочимъ, имѣла цѣлью возстановить и утвердить вліяніе Россіи въ средней Азій, ослабленное долговременною безнаказанностью хивинцевъ и въ особенности постояннымъ стремленіемъ англичанъ распространить свое вліяніе въ тѣхъ краяхъ во вредъ нашей промышленности и торговли. Разсматривая предположеніе Перовскаго съ этой точки зрѣнія, комитетъ былъ убѣжденъ въ необходимости военной экспедиціи въ Хиву. Но, соображая тогдашнее положеніе дѣлъ въ средней Азій, счелъ болѣе удобнымъ отложить ее до окончанія экспедиціи англичанъ противъ Достъ-Мухомеда и до обратнаго выступленія англійскихъ войскъ изъ Афганистана. Это рѣшеніе должно было принять, между прочимъ, на слѣдующихъ основаніяхъ.

Конечно, экспедиція англичанъ въ Афганистанъ должна была имѣть своимъ послѣдствіемъ новое усиленіе вліянія власти Англіи на сред-

нюю Азію. Но какъ бы ни велики были власть и вліяніе Англіи, оны значительно уменьшались бы нашимъ занятіемъ Хивы, освобожденіемъ отъ хивинской власти сосѣднихъ турменъ и киргизовъ и огражденіемъ Бухары отъ грабежа и насилій.

Кромѣ того, освобожденіе нѣсколькихъ тысячъ персіанъ, находившихся въ плѣну у хивинцевъ и возвращеніе ихъ въ свое отечество, безъ всякаго сомнѣнія, весьма выгодно подѣйствовало бы на Персію и весьма значительно усилило бы тамъ наше вліяніе.

Съ другой стороны, экспедиція англичанъ противъ Достъ-Мугомеда была бы достаточнымъ поводомъ для всякаго отклоненія притязаній со стороны Англіи, въ отношеніи нашихъ дѣйствій къ Хивѣ; слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи было бы выгодно и полезно отложить предложенную экспедицію до окончанія англійскихъ дѣлъ въ Афганистанѣ. Руководствуясь этими соображеніями, было рѣшено:

1) Приступить тогда же со всевозможною дѣятельностью ко всѣмъ приготовленіямъ и распоряженіямъ по экспедиціи.

2) Окончить приготовленія въ той мѣрѣ, чтобы временно складочные пункты были совершенно готовы къ осени 1839 года.

3) Всѣ ближайшіе предметы, относительно средствъ для экспедиціи, и всѣ частныя распоряженія предоставить ближайшему соображенію Перовскаго.

4) Настоящую цѣль распоряженій на линіи и самое назначеніе временныхъ складочныхъ пунктовъ въ степи сохранять въ строжайшей и непроницаемой тайнѣ. Тайна нужна была какъ для успѣха экспедиціи такъ и въ особенности для того, чтобы не обратитъ вниманія и дѣятельности англійскихъ агентовъ, которые бы могли противодѣйствовать экспедиціи. Однако, какъ видно, самъ комитетъ сомнѣвался въ возможности сохранить тайну приготовленій въ такихъ обширныхъ, до того времени небывалыхъ въ степи размѣрахъ. Чтобы сколько нибудь замаскировать истинную цѣль этихъ приготовленій, рѣшено было сначала соединить съ военною экспедиціею и ученую, которая предназначалась еще въ 1837 году *).

5) Если, сверхъ всякаго ожиданія, къ веснѣ 1840 года англичане остались бы еще въ Афганистанѣ, то и въ такомъ случаѣ предполагено было дойти до Хивы, потому что дальнѣйшее отлагательство приготовленной экспедиціи было бы весьма неудобно.

6) Что касается вопроса о томъ, въ какомъ видѣ и съ какими послѣд-

*) Ученая экспедиція была отложена по предложенію Перовскаго.

ствіями Хива должна быть занята нашими войсками, то онъ рѣшался самою цѣлью экспедиціи. Одно наказаніе хивянцевъ и освобожденіе нашихъ плѣнныхъ ни мало не обезпечило бы насъ на будущее время отъ непріязненныхъ дѣйствій со стороны Хивы, и нисколько не послужило бы къ упроченію нашего вліянія въ средней Азіи. Поэтому самая необходимость заставила склониться къ тому, чтобы сдѣлать какое нибудь распоряженіе, которое бы могло доставить намъ прочное ручательство за будущее. Поэтому замѣщеніе хивинскаго хана кѣмъ либо изъ степныхъ султановъ-правителей, не противурѣча слишкомъ азіатскимъ обычаямъ и понятіямъ, было бы для насъ выгодно. Мѣра эта не должна бы была возбудить противъ насъ и англичанъ, которые цѣлью экспедиціи ихъ въ Афганистанъ прямо объявили между прочимъ низверженіе Достъ-Мухомеда и возстановленіе прежняго шаха Суджа-Уль-Мулка. Выборъ лица для замѣщенія хивинскаго хана представленъ былъ Перовскому.

7) Если бы хивянцы, уstraшенные приготовленіями съ нашей стороны, рѣшились исполнить наши требованія прежде, чѣмъ отрядъ достигнетъ до Хивы, то другія цѣли экспедиціи такъ важны, что обстоятельство это не должно было служить къ отпугнѣ ея. Разумѣется, нельзя было не принять нашихъ плѣнныхъ, если бы ихъ выслалъ къ намъ хивинскій ханъ; но этого было бы мало. Нужно бы было потребовать отъ Хивы уплаты всѣхъ издержекъ, употребленныхъ на снаряженіе экспедиціи, причемъ необходимо было для взноса денегъ назначить самый короткій срокъ.

8) Изъ 1.698,000 р. ассигн и 12,000 р. червонцевъ, суммы, опредѣленной на издержки экспедиціи, 700 т. р. ассигн. велѣно было отпустить Перовскому тотчасъ же. Для сохраненія же строжайшей тайны, рѣшено было не требовать этой суммы изъ государственнаго казначейства, а предоставить военному министру испросить высочайшее соизволеніе на ассигнованіе суммы изъ особыхъ источниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядиться доставленіемъ этой суммы Перовскому такъ, чтобы пересылка ея осталась подъ секретомъ.

9) Для отвращенія медленности и затрудненій въ производствѣ работъ и приготовленій, разрѣшено было Перовскому пользоваться всякаго рода пособіями отъ мѣстнаго артиллерійскаго и инженернаго начальствъ, которыя были обязаны въ это время исполнять въ точности всѣ его требованія, какъ относящіяся до ученой экспедиціи.

10) По разнообразію потребностей для отряда, отчасти совершенно различныхъ отъ потребностей обыкновенныхъ, по роду предстоящихъ покупокъ, которыя почти всѣ были сдѣлаемы у кочующихъ полудикихъ

инородцевъ, въ расходахъ по экспедиціи какъ въ денежныхъ, такъ и въ вещественныхъ не могъ быть данъ отчетъ по обыкновеннымъ контрольнымъ правиламъ. Поэтому, въ предупрежденіе вопросовъ и недоуменій, которыя бы могли возникнуть впоследствии при ревизіи отчетовъ, окончательное утвержденіе всѣхъ отчетовъ и ревизія ихъ предоставлены были самому Перовскому.

На другой день, 12 марта, журналъ комитета былъ утвержденъ *).

Уже въ концѣ лѣта почти все продовольствіе, за исключеніемъ того, которое должно было слѣдовать при отрядѣ, было свезено въ складочные пункты. Люди, составлявшіе гарнизонъ этихъ укрѣпленій, пользовались совершеннымъ здоровьемъ; нѣсколько человекъ изъ нихъ хотя и заболѣли персидскою язвою (*ignis persica*), но умеръ отъ этой болѣзни одинъ только башкиръ. Каждое укрѣпленіе было снабжено лукомъ, капустою, чеснокомъ, виномъ и уксусомъ; въ каждомъ становищѣ было по одному медику съ фельдшеромъ, двойная лазаретная кибитка, всѣ необходимые припасы для устройства бань и госпитальныхъ вещей на десять кроватей.

До сихъ поръ всѣ приготовленія къ предстоящей экспедиціи старались сохранить въ величайшей тайнѣ. Перовскій находилъ необходимымъ получить разрѣшеніе нѣкоторыхъ особенныхъ вопросовъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ и военнаго, но, опасаясь своимъ кратковременнымъ пребываніемъ въ Петербургѣ возбудить вниманіе дипломатическаго корпуса, не рѣшился пріѣхать. Поэтому онъ думалъ пріѣхать въ Москву и уже оттуда представить свои соображенія по нѣкоторымъ предметамъ графу Нессельроде и Чернышеву **).

Но не смотря на все это приготовленія къ снаряженію отряда въ экспедицію не могли остаться тайною для оренбургскаго края.

Закупки, подряды и приготовленія, предпринятые въ небывалыхъ до того времени размѣрахъ, убѣждали всякаго, что это дѣлается не для обыкновеннаго поиска въ степь, а для болѣе значительнаго и продолжительнаго предпріятія. Съ другой стороны мѣстные политическія отношенія съ сосѣдними азіатцами на столько были извѣстны тамъ каждому, что общее мнѣніе давно уже по догадкамъ дошло до заключенія о настоящей дѣли похода. Предупредить это и обмануть общее мнѣніе, по крайней мѣрѣ въ Оренбургѣ, не было положительно никакой воз-

*) Арх. в. т. депо, № 49,862.

**) Письмо Перовскаго Чернышеву 19 сентября 1839 г. Арх. в. т. депо, № 49,862.

возможности. Не смотря на строгость официально соблюдаемой тайны, всеобщая молва давно уже измѣнила правительственнымъ властямъ *).

Наши приготовления сдѣлались извѣстными и хивинскому правительству. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ хивинскій ханъ Алла-Кулъ высласть 80 человекъ русскихъ плѣнныхъ. Эта присылка явнымъ образомъ была слѣдствіемъ устройства Чушка-Кульскаго укрѣпленія. Но, оказывая явно покорность, хивяцы втайнѣ продолжали свои хищничества и, при посредствѣ туркменъ, еще болѣе усилили грабежи на Каспійскомъ морѣ, захватывая въ плѣнъ нашихъ рыбопромышленниковъ.

Такая уклончивость хивинскаго хана, конечно, не имѣла ни малѣйшаго вліянія на наши приготовления, которыя продолжались до самаго выступленія отряда въ экспедицію.

Въ то время, когда приготовления къ экспедиціи приходили къ концу, разсмотрѣнъ былъ окончательно политическій вопросъ относительно Хивы *). Еще при первоначальныхъ сужденіяхъ въ мартѣ мѣсяцѣ было признано, что одно только наказаніе хивяцевъ и освобожденіе русскихъ плѣнныхъ—недостаточно для обезпеченія насъ на будущее время отъ непріязненныхъ дѣйствій со стороны Хивы и для упроченія вліянія нашего въ средней Азій; что для достиженія этихъ цѣлей необходимо было сдѣлать на мѣстѣ постоянное распоряженіе, которое бы доставило намъ въ этихъ отношеніяхъ прочное ручательство на будущее время.

Лучшимъ для этого средствомъ было, конечно, низверженіе бывшаго въ то время ханомъ Алла-Кула и замѣна его кѣмъ либо изъ преданныхъ намъ киргизскихъ султановъ. Выборъ могъ бы пасть на преданнаго намъ султана-правителя западной части орды Бай-Мухамедъ Айчувакова, если бы тотъ однако, на сдѣланное ему косвеннымъ образомъ предложеніе, не отказался отъ этой чести. Тогда рѣшено было предоставить Перовскому принять всѣ мѣры какія онъ на мѣстѣ найдетъ необходимыми для пользы Россіи и для достиженія цѣли экспедиціи, которая состояла въ томъ, чтобы установить порядокъ вещей, могущій служить обезпеченіемъ на будущее время отъ враждебныхъ для насъ и невыгодныхъ для нашей торговли и промышленности дѣйствій со стороны Хивы. Алла-Кула же во всякомъ случаѣ рѣшено было не освобождать, а отправить въ Россію.

Въ случаѣ же удаленія Алла-Кула и вмѣстѣ съ нимъ братьевъ и прв-

*) Тамъ же.

*) Вопросъ разсматривался Перовскимъ, Чернышевымъ и Нессельроде 10 октября.

ближенныхъ его, для устройства дѣлъ предоставлено было Перовскому остаться въ Хивѣ долѣе назначеннаго времени, но сдѣлать это онъ долженъ былъ только въ крайней необходимости и по внимательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть послѣдствіемъ этой мѣры.

Для того же, чтобы получить фактическое доказательство въ добродетельствѣ къ намъ на будущее время со стороны Хивы, рѣшено было заключить условіе, въ которомъ слѣдовало помогать:

1) Чтобы впредь прекращены были какъ явныя, такъ и тайныя враждебныя дѣйствія Хивы противъ Россіи, а въ особенности, чтобы Хива отказалась отъ разбоевъ и не держала въ неволѣ ни одного русскаго.

2) Чтобы Хива не простирала своей власти на подчиненныхъ намъ киргизовъ и туркменъ, и не облагала бы ихъ *закятомъ* и другими поборами.

3) Чтобы она вообще не распространяла своего вліянія на племена, на которыя не имѣетъ никакого права, а ограничивалась бы своими владѣніями, простирающимися до извѣстныхъ предѣловъ, которые не бесполезно было бы опредѣлить.

4) Чтобы Хива не покровительствовала бѣглому султану Каибъ-Гали и ему подобнымъ и, посредствомъ ихъ, не волновала бы киргизовъ.

5) Чтобы караваны ни подъ какимъ предлогомъ не были принуждаемы проходить черезъ Хиву, и чтобы тѣ, которые добровольно и по своимъ расчетамъ не пойдутъ на хивинскія владѣнія, не были облагаемы пошлиною.

6) Чтобы укрѣпленія на р. Сырѣ, какъ лежащія вѣсѣ внѣ хивинскихъ владѣній и служащія только для притѣсненія кочевыхъ народовъ и проходящихъ каравановъ, были срыты и уничтожены.

7) Чтобы на товары, принадлежащіе русскимъ, не было налагаемо, какъ до тѣхъ поръ, двойной и даже четверной пошлины, и чтобы русскіе и хивинскіе купцы были уравнены между собою правами во всѣхъ отношеніяхъ.

8) Чтобы было предоставлено, какъ Россіи, такъ и Хивѣ, имѣть своихъ консуловъ—первой въ Хивѣ; а второй въ Оренбургѣ; притомъ, чтобы русскій консулъ имѣлъ право безъ всякихъ стѣсненій содержать суда на рѣкѣ Аму-Дарьѣ *).

Бухара, находявшаяся въ то время въ благопріятныхъ съ нами отношеніяхъ, была извѣщена о предстоящей экспедиціи нашей въ Хиву.

*) Журналь комитета былъ Высочайше утвержденъ 17 октября.

Не смотря однако на всю предусмотрительность, оставалось еще одно обстоятельство, противъ котораго тщетны были и всякая предосторожность, и возможность вѣрнаго расчета. Никакъ нельзя было съ достовѣрностью предвидѣть, что именно встрѣтятъ отрядъ со стороны стихій, которымъ былъ полный просторъ въ обширной и негостеприимной степи.

Въ ноябрю мѣсяцу всѣ приготовления были окончены. Перовскому на время похода предоставлена была власть командира отдѣльнаго корпуса въ военное время *) и въ распоряженіе его было выслано 50 георгіевскихъ крестовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Перовскому, по просьбѣ его, предоставлено было прислать въ Оренбургъ съ пути слѣдованія въ Хиву, краткія извѣщенія о благополучномъ состояніи и частью о дѣйствіяхъ своего отряда.

14 ноября объявлена была въ краѣ и декларация о причинахъ и цѣли похода. Она была слѣдующаго содержанія:

«Командиръ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, оренбургскій военный губернаторъ, по случаю выступленія съ воинскимъ отрядомъ противу Хивы, считаетъ необходимымъ обнародовать во вѣренномъ ему краѣ явлензложенную декларацию о причинахъ и цѣли военныхъ противу Хивы дѣйствій.

«Съ давняго уже времени вниманіе правительства устремлено на враждебныя противу Россіи расположенія ханства Хивинскаго. Прилегая къ степямъ, подвластныхъ имперіи киргизъ-кайсаковъ, Хива, въ продолженіе многихъ лѣтъ, непрерывными дерзостными поступками, оказываетъ явное неуваженіе къ державѣ, съ которою имѣла всегда торговля сношенія.

«Торговля съ Россією доставляла Хивѣ необходимыя средства для ея существованія; хивинцы постоянно пользовались у насъ важными выгодами и правами, наравнѣ съ торговцами прочихъ областей средней Азіи, и за все сіе Хива платитъ намъ однимъ вѣроломствомъ. Съ безпримѣрнымъ дерзновеніемъ, она нарушаетъ ежедневно спокойствіе племенъ, кочующихъ близъ ея предѣловъ, преграждаетъ торговля съ ними сообщенія прочихъ азійскихъ владѣній, останавливаетъ идущіе въ Россію и возвращающіеся изъ оной бухарскіе караваны, облагаетъ ихъ непомерною пошлиною, насильственно принуждаетъ заходить въ свои владѣнія, гдѣ произвольно и безъ всякаго права отбирается отъ беззащитныхъ купцовъ значительная часть ихъ товаровъ. Наглость хивинцевъ простирается еще далѣе: не только бухарскіе караваны, идущіе

*) Секретный указъ подписанъ въ Царскомъ Селѣ 7 октября 1839 года.

въ Россію, но даже караваны собственно російскіе не могутъ безопасно проходить черезъ степи. Такъ, снаряженный въ Оренбургъ караванъ, состоявшій изъ товаровъ нашихъ купцовъ, былъ совершенно разграбленъ высланными изъ Хивы вооруженными хищниками. Ни одинъ русскій торговецъ не можетъ появиться въ Хивѣ безъ опасенія лишиться жизни, или подвергнуться заточенію. Хивинцы дѣлаютъ частые набѣги на отдаленныхъ отъ ливія кыргизовъ, поступившихъ еще при Абулхайръ-Ханѣ въ подданство Россіи, разоряютъ ихъ аулы, обременяютъ разными поборами, волнуютъ противъ законной власти, даютъ убѣжище непоборнымъ и наконецъ, къ довершенію всѣхъ своихъ преступныхъ дѣйствій, явно задерживаютъ въ Хивѣ множество русскихъ, томящихся тамъ въ жестокомъ рабствѣ. Число сихъ несчастныхъ ежегодно увеличивается; по наущеніямъ хивинцевъ дѣлаются на Каспійскомъ морѣ и въ иныхъ мѣстахъ безпрестанныя нападенія на мирныхъ и беззащитныхъ промышленниковъ, которыхъ увлекаютъ въ Хиву и повергаютъ тамъ въ тяжкую неволю.

«Бѣдственная судьба сихъ несчастныхъ не могла не обратить вниманіе нашего правительства, поставляющаго одною изъ священныхъ обязанностей огражденіе спокойствія и безопасности подданныхъ имперіи. Но великодушіе, съ какимъ оно предваряло хивинцевъ о неминуемыхъ послѣдствіяхъ преступныхъ ихъ дѣйствій, не имѣло успѣха. Они не вняли сдѣланнымъ имъ внушеніямъ; они не постигли снисходительности Россіи къ ихъ заблужденію. Напротивъ того, они возмечтали, что хищничества ихъ останутся безъ всякаго наказанія. Въ этой самонадѣянности они дерзнули построить въ своихъ предѣлахъ, близъ караваннаго пути, ведущаго въ Бухару, двѣ крѣпости, дабы съ большею наглостью и безответственностью притѣснять торговцевъ; они усилили свои преступные набѣги и грабежи, и въ большей еще степени стали упорствовать въ непримиримой враждѣ своей противъ Россіи.

«Надлежало принять мѣры, болѣе сообразныя съ ихъ понятіями. Испытано было еще послѣднее средство къ ихъ вразумленію: прѣбывшіе въ Россію хивинскіе торговцы были задержаны на ливіи, и условіемъ ихъ освобожденія объявлено немедленное возвращеніе русскихъ невольниковъ и прекращеніе всѣхъ непріязненныхъ поступковъ. Но сія мѣра оказалась недействительною. Послѣ трехлѣтняго ожиданія едва 100 человекъ возвращены въ Россію, между тѣмъ какъ нынѣшнею весною захвачено вновь на одномъ Каспійскомъ морѣ до 200 рыбопромышленниковъ.

«Наконецъ истощились всѣ средства убѣжденія. Охраненіе выгодъ

Россія, безопасность ея торговли, спокойствіе ея вѣрноподданныхъ,— все требуетъ нынѣ мѣръ болѣе рѣшительныхъ, болѣе надежныхъ; того же требуетъ и самое достоинство имперіи.

«Сія справедливыя и основательныя уваженія побудили Государя Императора повелѣть отправить военный отрядъ противу Хивы, дабы силою оружія обезпечить на будущія времена права и пользы російскихъ подданныхъ, положить конецъ грабежамъ и насиліямъ, избавить томящихся въ Хивѣ невольниковъ, внушить должное уваженіе къ имени русскому и упрочить то вліаніе, которое неоспоримо принадлежитъ Россіи и которое одно можетъ служить залогомъ сохраненія мира въ сей части Азіи».

Одновременно съ обнародованіемъ деклараціи началось 14 и 15 ноября выступленіе по эшелонно войскъ въ степь. При выступленіи отряда былъ весьма незначительный холодъ; 21 ноября была даже оттепель; но въ ночь на 22 число ртуть въ термометрѣ упала вдругъ до 20°, а на слѣдующій день понизилась еще на 10°.

До конца ноября все еще шло хорошо. Хотя стужа и доходила весьма часто до 32°, но число больныхъ не увеличивалось сильно; болѣзни по большей части были простудныя, за исключеніемъ сибирской язвы, появившейся на людяхъ, не смотря на жестокій холодъ.

Во все время похода до 19 ноября было только три дня, въ которые термометръ показывалъ 10 и менѣе градусовъ мороза въ полдень; за тѣмъ 11 дней было по 14 и 20°, 12 дней отъ 20 — 26° и наконецъ шесть дней термометръ показывалъ отъ 26 до 32° мороза *). При этихъ страшныхъ холодахъ отрядъ ощущалъ сильнѣйшій недостатокъ въ топливѣ. Незначительное количество дровъ, которое было при отрядѣ, расходовалось исключительно только для варки пищи; о бивачныхъ огняхъ нечего было и думать. Въ теченіе этого мѣсяца переболѣло 652 человекъ и 34 умерло.

До Эмбы отрядъ шелъ по глубокому рыхлому снѣгу, прокладывая себѣ путь цѣпкомъ. Такая работа очень утомляла людей. При сборѣ съ киргизовъ верблюдовъ приходилось, по необходимости, принимать ихъ безъ строгой разборчивости. Уже теперь пятая часть ихъ оказывалась не надежныи для дальнѣйшаго похода.

Здѣсь Перовскій узналъ о нападеніи хивинцевъ на Акъ-Булакскій складочный пунктъ, отъ котораго они впрочемъ были отбиты.

На Эмбѣ же Перовскій узналъ, что провіантъ, отправленный въ Ново-Александровское укрѣпленіе въ октябрѣ мѣсяцѣ и назначенный

*) Письмо Перовскаго графу Чернышеву 25 декабря.

для двухмѣсячнаго продовольствія отряда, не прибылъ по назначенію, потому что суда (5 купеческихъ и 5 казенныхъ) были затерты льдомъ, нѣкоторыя въ виду укрѣпленія, а другія верстахъ въ 100 отъ Гурьева, и два вернулись обратно въ Астрахань.

По полученіи этого доведенія тотчасъ же было предписано астраханскому губернатору заготовить 15.000 четвертей сухарей, съ соразмѣрнымъ числомъ крупъ, и отправить часть изъ нихъ сухимъ путемъ, а часть по первой навигаціи въ Ново-Александровскъ. Кромѣ того, коменданту Ново-Александровска приказано было принять мѣры къ выгрузкѣ провіанта и къ сохраненію тѣхъ судовъ, которыя были затерты въ виду укрѣпленія.

Суда эти были спасены и провіантъ съ нихъ выгруженъ; тѣ же, которыя были затерты льдомъ близъ Гурьева, подверглись нападению хивцевъ и были ими сожжены.

Независимо отъ распоряженій по доставкѣ продовольствія въ Ново-Александровское укрѣпленіе, астраханскому военному губернатору было предписано оказывать возможное содѣйствіе Перовскому, а каспійской флотиліи было поставлено въ обязанность употреблять все способы въ пользу отряда войскъ хивинской экспедиціи, если бы въ томъ встрѣтилась надобность.

30 декабря началось дальнѣйшее движеніе отряда. Какъ ни велики были трудности похода до сихъ поръ, но онѣ были незначительны въ сравненіи съ тѣми, которыя предстояли отряду еще впереди, за Эмбою. Уже по слухамъ было извѣстно, что далѣе снѣга еще глубже. Перовскій съ первыхъ переходовъ отчасти предвидѣлъ трудности и писалъ о томъ депешу министру иностранныхъ дѣлъ.

«Переходъ отъ Эмбенскаго укрѣпленія до Усть-Урта, 260 верстъ, будетъ для отряда тяжелъ; глубокіе снѣга затрудняютъ ходъ, изнуряютъ верблюдовъ отъ безкормицы. Колонна, выступившая тому 4 дня, прошла только двадцать верстъ; отъ этого потеря времени, провіанта и верблюдовъ. Опасаюсь, что вынужденъ буду бросить повтоны, лодки, все повозки. Получено извѣстіе изъ Оренбурга, что двухмѣсячный запасъ провіанта, который, по моему распоряженію, долженъ быть въ Ново-Александровскѣ, туда не прибылъ. Это обстоятельство крайне для насъ невыгодно. На этотъ провіантъ рассчитывалъ я для возвратнаго пути, и даже, въ случаѣ крайности, то есть при сильной потери верблюдовъ на Усть-Уртѣ, предполагалъ воротить на Ново-Александровскъ, а потомъ на Хиву.

«Обстоятельства, которыхъ никакіе расчеты предвидѣть не могли.

оказываются противными успѣху экспедиціи; но мы идемъ впередъ съ полнымъ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостію исполнить волю Государя Императора *)).

Идя къ Эмбѣ, отрядъ былъ въ полной увѣренности, что за этой рѣкой, куда киргизы уходять ежегодно тысячами на зимовку, все должно взмѣняться, по крайней мѣрѣ снѣгъ не будетъ такъ глубокъ. Оказалось совершенно противное. Киргизы сами гибли съ своимъ скотомъ отъ необыкновенной стужи.

Положеніе отряда было въ высшей степени затруднительнымъ. Степь до послѣдней былинки была погребена въ снѣгу, который отъ жестокихъ и рѣдкихъ даже въ степи морозовъ и вѣтровъ сверху обратился въ кору; верблюды и лошади проваливались на каждомъ шагу по коѣна и даже по брюхо, сбивали себѣ щетки и копыта; вьюки спадали, а кормъ, даже самый скудный, вовсе исчезъ.

Ко всему этому присоединилось еще неповиновеніе киргизовъ. До Эмбенскаго укрѣпленія, киргизы, по донесеніямъ Перовскаго, служили хорошо и случаи побѣговъ были весьма рѣдки. Между тѣмъ въ то время, какъ отрядъ находился на Эмбѣ, между киргизами распространился слухъ о близости хивинскаго войска и о присоединеніи къ нему коканцевъ. Непрiятельскіе лазутчики воспользовались этимъ случаемъ и старались поколебать умы киргизовъ страшными угрозами хивинскаго хана и несомнѣннымъ перевѣсомъ численности непрiятельскихъ войскъ въ сравненіи съ нашимъ малочисленнымъ отрядомъ. Слѣдствіемъ этого было то, что верблюдики цѣлой колонны, въ числѣ болѣе 300 человекъ, въ самую минуту выступленія колонны положительно и единогласно объявили, что они далѣе не пойдутъ, а вмѣстѣ съ верблюдами вернуться въ свои аулы. Всякое увѣщаніе было напрасно. Перовскій тщетно истощалъ словесныя убѣжденія; султанъ-правитель Айчуваковъ успѣлъ въ томъ не болѣе Перовскаго. Толпа увеличивалась все болѣе и болѣе, и шумными криками призывала къ себѣ товарищей; безпорядокъ возрасталъ съ минуты на минуту. Положеніе Перовскаго дѣлалось крайне опаснымъ. Малочисленный отрядъ нашъ рисковалъ быть покинутымъ въ 500 верстахъ отъ своей границы, въ открытой степи на голодную смерть. Нужно было дѣйствовать рѣшительно, не теряя напрасно ни одной минуты времени. Перовскій приказалъ окружить толпу, къ которой начали уже присоединяться киргизы другихъ колоннъ, и объявилъ, что если они будутъ продолжать оказывать неповиновеніе, то все бу-

*) Шифрованная депеша отъ 5 января 1840 года.

дуть разстрѣляны. Но и эта угроза не произвела ожидаемаго впечатлѣнія на толпу. Нѣсколько человекъ самыхъ буйныхъ выступили впередъ и прямо объявили, что они всѣ готовы на смерть, но впередъ не пойдутъ, потому что этому препятствуетъ ихъ вѣра и что въ такіе морозы караваны никогда не ходятъ. Разговаривать далѣе было опасно. Перовскій тотчасъ же приказалъ разстрѣлять одного изъ зачинщиковъ возмущенія. Но и это не помогло. Толпа оставалась въ томъ же расположеніи, и духъ неповиновенія не прекращался. Только уже послѣ втораго разстрѣленнаго киргиза и послѣ повторенныхъ увѣреній Перовскаго, что всѣ неповинующіеся будутъ также разстрѣляны, киргизы смирились, стали просить помилованія и рѣшились идти далѣе *).

Получаемыя за пути свѣдѣнія были самаго неуспокоительнаго характера. Разпросы киргизовъ и рекогносцировки убѣждали, что чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ глубже и непроходимѣе снѣга. Такое явленіе было безпримѣрно въ степи. Глубокіе снѣга сильно замедлили движеніе отряда. Не смотря на то, что отрядъ началъ выступленіе 30 декабря, послѣдняя колонна, выступившая съ Эмбы 17 января, 30 числа еще не прибыла къ Акъ-Булаку, хотя разстояніе не превосходитъ 160 верстъ. Менѣе чѣмъ въ 15 дней ни одна часть не дошла до Акъ-Булака. При всемъ томъ потеря въ верблюдахъ была несоразмѣрно велика и видимо возрастала со дня на день. Снѣгъ былъ такъ глубокъ и покрытъ такою толстою мерзлою корою, что конница едва въ состояніи была прокладывать для верблюдовъ по цѣлику нѣсколько тропинокъ; мѣстами путь должно было расчищать лопатами; бураны немедленно заметали очищенныя тропинки и слѣдующія части отряда должны были вновь пролагать себѣ дорогу; а это было такъ трудно, что передовыя лошади смѣнялись черезъ каждыя двѣ или три версты. Верблюды двигались съ величайшимъ трудомъ; непрерывно оступались, падали, и многіе изъ нихъ уже и не вставали болѣе. Лошади и верблюды подъ артиллерією безпреставно останавливались, и орудія нужно было вытаскивать на рубкахъ, тогда какъ сами люди взяли по колѣна въ снѣгу и едва были въ состояніи двигаться съ мѣста. Всѣ кормы были занесены твердымъ, слезавшимся и смерзшимся въ одну толщу снѣгомъ; бураны, останавливая слѣдованіе отряда, по цѣлымъ днямъ прекращали всякое сообщеніе между частями, а непрерывныя и жестокіе морозы, въ 20 и болѣе градусовъ, отнимали у людей всякую возможность дѣйствовать, не смотря на теплую одежду.

*) Рапортъ Перовскаго отъ 6 января 1840 г., за № 13.

Изъ Оренбурга отрядъ выступилъ на 10,400 верблюдахъ; съ Эмбы съ трудомъ поднялся на 8,900, а на Акъ-Булакѣ, т. е. еще на половинѣ только цѣлаго пути, годныхъ для подъема вьюковъ верблюдовъ оказалось 5,188 штукъ. На однихъ послѣднихъ только 160 верстахъ пало ихъ 1,200 головъ.

Въ такомъ положеніи находился нашъ отрядъ, едва только достигнувъ половины пути до Хивы. Что же ему оставалось дѣлать?

На оставшихся пяти тысячахъ верблюдахъ по расчету едва можно было поднять только полное мѣсячное продовольствіе, считая тутъ же и сухой фуражъ. Между тѣмъ дойти до жплыхъ мѣстъ ханства въ одинъ мѣсяцъ не было возможности. Не говоримъ уже о томъ, что вступить въ ханство безъ всякаго запаснаго продовольствія и особенно раннею весною, когда дороги непроходимы, было бы совершенно невозможно. Занять верблюдовъ и лошадей продовольствіемъ для однихъ только людей—значило бы погубить и тѣхъ, и другихъ: ни лошади, ни верблюды не дошли бы до мѣста, почему и отрядъ былъ бы въ самомъ отчаянномъ и безпомощномъ положеніи.

Но предположимъ несбыточную надежду, что отрядъ прошелъ бы вторую половину пути гораздо скорѣе первой, въ 40, 50 дней, что лошади выдержали бы походъ этотъ, состоя на одномъ гарницѣ и не получая вовсе сѣна, что такъ называемые годные верблюды были бы всѣ обращены подъ провіантъ и дошли бы благополучно до Хивы.

Но и тогда дѣло было все-таки въ плохомъ состояніи.

Отрядъ выступилъ бы изъ Акъ-Булака съ продовольствіемъ на два мѣсяца. Черезъ 40 или 50 дней онъ вступилъ бы въ Хивинское ханство, то есть въ непріятельскую и бѣдную хлѣбомъ землю, съ продовольствіемъ на нѣсколько дней, съ крайне изнуренными лошадьми, имѣя подъ ружьемъ вѣроятно не болѣе 1,200 человекъ пѣхоты. При этомъ онъ вступилъ бы въ Хиву весною въ разливъ и распутицу, не будучи въ состояніи получить какую нибудь помощь.

Что мы черезъ это выиграли бы, и каковъ бы былъ результатъ? Вся кавалерія пришла бы въ Хиву пѣшая или въ такомъ положеніи, что никакъ не была бы въ состояніи дѣйствовать противъ непріятеля, потому что шла бы безкормными мѣстами. Не имѣя при себѣ продовольствія и не имѣя въ рукахъ средствъ заставить жителей доставлять все необходимое для лошадей и верблюдовъ, какую бы плачевную роль приходилось разыгрывать побѣдителямъ. Преодоливъ страшныя трудности на пути, потерявъ многихъ своихъ товарищей, перенеся всѣ неудобства степнаго похода, отряду нашему предстала бы безславная ги-

бѣль въ то время, когда главная цѣль уже была достигнута и когда при другихъ обстоятельствахъ оставалось бы только наслаждаться плодами своего самоотверженія и мужества.

Но если верблюды, по обыкновенному порядку вещей, до новаго подножнаго корма стали бы худѣть все болѣе и болѣе и, слѣдовательно, не дошли бы съ ношами своими до мѣста назначенія, тогда отрядъ остался бы на Усть-Уртѣ среди безводной и безкоринной пустыни, не будучи въ состояніи идти ни впередъ, ни назадъ.

Къ этому остается только прибавить, что хотя о непріятелѣ и не было въ то время никакихъ слуховъ, но что если бы отрядъ, продолжая путь свой на Усть-Уртѣ, встрѣтилъ непріятеля, то возвращеніе его, хотя вынужденное единственно обстоятельствами, не могло уже имѣть мѣста, потому что въ такомъ случаѣ оно походило бы на отступленіе передъ хивлицами.

Настаивать долѣе на продолженіи движенія въ Хиву было бы дѣломъ только личнаго самолюбія Перовскаго, въ ущербъ самому дѣлу; это значило бы бесполезно жертвовать людьми безъ всякой надежды на успѣхъ. Оставалось только одно—вернуться назадъ. На это Перовскій и рѣшился.

Таковы были причины, неотступно требовавшія возвращенія нашего отряда назадъ. Войска гибли, не выдавъ на пути непріятеля; врагъ лютый и неотразимый преслѣдовалъ ихъ по пятамъ, не давая пощады; онъ невидимо губилъ десятки людей, лошадей и верблюдовъ, усѣвая голодную и безпріютную степь трупами и замѣтая слѣды ихъ сугробами снѣга. Военныя картины всегда представляютъ на первомъ планѣ побѣды, торжество и лавровыя вѣнки побѣдителей; человѣкъ, незнакомый съ военнымъ дѣломъ, останавливается на этихъ пріятныхъ чертахъ, которыя въ сущности составляютъ чаще всего только результаты труда, постоянства и длиннаго рода лишеній. Для всякаго человѣка Итальянская кампанія 1796 года, конечно, завлекательнѣе какого нибудь степнаго похода. Противъ этого трудно возражать. Тамъ богатая и роскошная итальянская природа, роскошь городовъ, богатство, громкія побѣды и еще болѣе громкіе бюллетени, а здѣсь дикая, пустынная и снѣжная равнина, бураны, замѣтающіе слѣды едва только протоптанной дороги, груды замерзающихъ тѣлъ верблюдовъ и лошадей, 30 градусная стужа, болѣзни и полное отсутствіе всякой надежды. Разница, правда, огромная. Но человѣкъ, изучающій военное дѣло, долженъ съ одинаковымъ вниманіемъ прослѣдить какъ Итальянскую кампанію Бонапарте, такъ и эту огромную эпопею 1839 и 1840 годовъ. Такой человѣкъ

въ состояніи будетъ оцѣнить и сравнить подвигъ солдата, съ громкимъ крикомъ рвущагося впередъ и увѣреннаго, что 40 вѣковъ смотрятъ на него съ высоты египетскихъ пирамидъ, а благородная Франція рукоплещетъ ему, съ подвигомъ другаго солдата, который, не крича и не лаская себя надеждой, что его прославятъ, но, сознавая долгъ свой, безмолвно обрекаетъ себя на смерть среди снѣжной равнины, твердо будучи увѣренъ, что и ближайшіе-то родные его съ трудомъ узнаютъ, что онъ умеръ въ какомъ-то походѣ, гдѣ-то очень далеко.

1 февраля Перовскій отдалъ по отряду приказъ, возвѣстившій обратное движеніе на лѣвию.

«Товарищи, говорилъ онъ, скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію государя императора въ походъ съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостію исполнить царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолевая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно жестокую зиму отъ бурановъ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, завалившихъ путь нашъ и всѣ кормы. Намъ не было даже отрады встрѣтиться съ непріателемъ, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничтожество его. Не взирая на всѣ перенесенные труды, люди свѣжи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны; одно намъ измѣнило! Значительная часть верблюдовъ нашихъ уже погибла, остальные обезсѣли, — и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. Какъ ни больно отказаться отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній государя императора; въ другой разъ будемъ счастливѣе. Мнѣ утѣшительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго при всѣхъ перенесенныхъ трудностяхъ. Всемилоствѣйшій государь и отецъ нашъ узнаетъ обо всемъ».

Рѣшась начать обратное движеніе, Перовскій не обманывалъ себя напрасною надеждою; онъ зналъ, что обратный путь будетъ не легче.

«Окончательно не могу умолчать предъ вашимъ сіятельствомъ, писалъ онъ военному министру, что обратный путь вашъ будетъ и теперь уже не менѣе затруднителенъ какъ и передній: одно только четырехмѣсячное продовольствіе, сложенное на Эмбѣ, обезпечить по крайней мѣрѣ съ этой стороны существованіе отряда; но совершенный недостатокъ дровъ и кормовъ, глубокіе снѣга и постоянно жестокая стужа безъ сомнѣнія окажутъ вредное вліяніе свое на здоровье людей и на скотъ, а

по недостатку и слабости верблюдовъ большая часть отряда должна будетъ остаться въ укрѣпленіи на Эмбѣ до весны».

8 іюня отрядъ прибылъ наконецъ въ Оренбургъ, пробывъ отъ 8—13 мѣсяцевъ въ степи. Въ теченіе похода умерло всѣхъ чиновъ 1,054 человека; по приходѣ же въ Оренбургъ больныхъ было сдано въ госпиталь 609 человекъ.

Такъ плачевно окончилось на этотъ разъ предпріятіе, стоявшее пажъ огромныхъ издержекъ и пожертвованій людьми. Впрочемъ, дѣло на этомъ не остановилось.

Вскорѣ послѣдовало Высочайшее повелѣніе готовиться къ новому походу на Хиву. Дѣло принимало слишкомъ серьезной оборотъ, и хивинцы новали, что надо смириться. Лѣтомъ 1840 года прибылъ изъ Хивы посланецъ съ 418 человекъ русскихъ плѣнныхъ. Въ то же самое время хивинскій ханъ издалъ фирманъ, которымъ строго запрещалось не только ловить русскихъ, но даже и покупать ихъ.

Покорность Хивы примирила ее съ нашимъ правительствомъ. Рѣшено было дѣйствовать съ нею опять путемъ дипломатическимъ. Перовскій представилъ соображенія объ отправленіи раннею весною 1841 года нашихъ агентовъ не только въ Хиву, но и въ другія среднеазіатскія ханства: въ Бухару и Коканъ. Въ Коканъ должна была отдѣлиться миссія уже изъ Бухары. На основаніи соображеній Перовскаго послѣдовало высочайшее повелѣніе о посылкѣ въ Хиву генеральнаго штаба капитана Никифорова, а въ Бухару горнаго инженеръ-маіора Бутенева.

Въ инструкціи Никифорову для переговоровъ предлагались три основные пункта: 1) уничтоженіе рабства и плѣненія русскихъ и обезпеченіе лицъ и имуществъ ихъ въ Хивинскомъ ханствѣ; 2) ограниченіе незаконнаго вліянія Хивы на кочевья племена, издревле поступившія въ подданство Россіи, и 3) обезпеченіе торговли нашей какъ съ Хивою, такъ и съ сосѣдственными владѣніями.

30-го мая 1841 года Никифоровъ съ миссіею выступилъ изъ Оренбурга и 9-го августа достигъ Хивы.

Благодаря своему независмому характеру, нашъ агентъ снискалъ себѣ не только уваженіе въ Хивѣ, но даже боязнь. Ханскихъ вельможъ оя держалъ въ спасительномъ страхѣ, но тѣмъ не менѣе уклончивость хана при веденіи переговоровъ не привела ни къ какимъ соглашеніямъ, и агентъ, потерявъ всякое терпѣніе, долженъ былъ (въ концѣ октября) уѣхать ни съ чѣмъ. «Ханъ и его сподвижники, писалъ Никифоровъ Перовскому, чужды всякаго понятія о политическихъ переговорахъ и даже не могутъ понять слова «уполномоченный». Вполнѣ сознавая свое безсиліе,

они не въ состояніи оцѣнить краткихъ мѣръ сношенія, но трепещутъ силы, которая одна можетъ вразумить ихъ».

Хива, опасаясь, однакожь, явнаго разрыва съ Россією, отправила вмѣстѣ съ Никифоровымъ къ нашему двору новыхъ посланцовъ для окончательныхъ переговоровъ съ самимъ правительствомъ.

Въ письмѣ хивяйскаго хана Алла-кула къ императору Николаю Павловичу, первый трактуетъ весьма фамилярно, называя русскаго государя своимъ вѣрнымъ другомъ и стариннымъ пріятелемъ. Тонъ его письма обнаруживаеъ какъ будто не онъ, а мы занскивали его дружбы. Одаривъ щедро хивинскаго посла, наше правительство отправило вмѣстѣ съ нимъ въ Хиву другаго нашего агента, генеральнаго штаба подполковника Данилевскаго, который, при отправленіи, какъ водится, былъ снабженъ инструкціями; ему же были вручены значительные подарки для хана и его придворныхъ.

1-го августа (1842 года) агентъ нашъ выступилъ изъ Оренбурга и направился черезъ Эмбу и Усть-Уртъ западнымъ берегомъ Аральскаго моря. 19 октября прибылъ онъ въ Хиву. Начатыя переговоры съ ханомъ Алла-куломъ на время были прекращены, вслѣдствіе смерти послѣдняго и окончены при его преемникѣ Рахимъ-кули-Инахѣ. Результатомъ переговоровъ было составленіе обязательнаго акта со стороны Хивы.

Въ актѣ заключалось слѣдующее:

«Во имя Всемогущаго и Милосердаго Бога.

«Отъ владѣтельнаго харезмскаго шаха, высокостепеннаго Рахимъ-кули-хана, данъ настоящій актъ въ томъ, что, имѣя искреннее желаніе пребывать въ постоянномъ мирѣ и тѣсной дружбѣ съ пресвѣтлою и могущественною Россійскою имперією, упрочивать пріязненныя съ нею связи и соблюдать во всей строгости правила миролюбивыхъ и добрыхъ сосѣдей, мы обязуемся за себя самихъ, за нашихъ преемниковъ и потомковъ и за всѣ подвластныя намъ племена:

1) Отнынѣ впредь не предпринимать никакихъ явныхъ, ни тайныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи.

2) Не производить и не потворствовать грабежамъ, разбоямъ и захватамъ ни въ степи, ни на Каспійскомъ морѣ, и въ случаѣ, если бы таковыя грабежи произведены были подвластными Хивѣ племенами, то предавать виновныхъ немедленному наказанію, а ограбленное имущество возвращать по принадлежности.

3) Не держать въ неволѣ русскихъ плѣнныхъ и отвѣтствовать за всякую бозопасность и за сохранность имущества всякаго русскаго подданнаго, могущаго быть въ хивинскомъ владѣніи.

4) Въ случаѣ смерти въ хивинскихъ владѣніяхъ російскаго подданнаго, отпускать въ цѣлости оставшееся послѣ него имущество російскому пограничному начальству, для передачи его наследникамъ.

5) Не допускать бѣглецамъ и мятежникамъ изъ російскихъ подданныхъ укрываться въ хивинскихъ владѣніяхъ, но выдавать ихъ російскому пограничному начальству.

6) Съ товаровъ, привозимыхъ російскими купцами въ хивинскія владѣнія, взимать пошлину единожды въ годъ и не выше пяти процентовъ съ дѣйствительной цѣны оныхъ.

7) Съ товаровъ, принадлежащихъ російскимъ купцамъ и отправляемыхъ въ Бухару или въ другія азійскія владѣнія черезъ рѣку Сыръ, или съ привозимыхъ симъ путемъ обратно, никакихъ пошлинъ не брать.

8) Не дѣлать никакихъ препятствій караванной торговлѣ азійскихъ владѣній съ Россійскою имперією, взимая однако съ нихъ по закону закятъ.

9) Поступать вообще во всѣхъ случаяхъ, какъ подобаетъ добрымъ сосѣдямъ и искреннимъ пріятелямъ, дабы болѣе и болѣе упрочить дружественныя связи съ могущественною Россійскою имперією.

Въ удостовѣреніе чего мы утвердили сей актъ нашею золотою печатью и вручили оный уполномоченному со стороны могущественной Россійской имперіи, высокородному подполковнику Данилевскому. Данъ въ 1258 году эгирь, въ мѣсяцъ мухаррежъ.»

Замѣчательно, что въ этомъ актѣ о границѣ ничего не говорилось. Относительно распространенія своего вліянія въ степи, хивинскій ханъ увѣрялъ агента только на словахъ, что онъ будетъ поступать такъ, чтобы не навлечь на себя неудовольствія нашего правительства.

На копіи съ акта, переданной хану, была сдѣлана нашимъ агентомъ слѣдующая надпись:

«Получивъ для доставленія его императорскому величеству великому императору и самодержцу всероссійскому вышезначащійся актъ отъ высокостепеннаго владѣтеля хивинскаго Рахимъ-Кули-хана, я на основаніи даннаго мнѣ уполномочія, удостовѣряю симъ, что, во взаимно поставленныхъ въ томъ актѣ условій, могущественная Россійская держава:

1) Предастъ совершенному забвенію прежнія непріязненныя противъ нея дѣйствія хивинскихъ владѣтелей.

2) Отказывается отъ требованія уплаты за разграбленныя до сего времени караваны.

3) Обѣщаетъ совершенную безопасность и законное покровительство пріѣзжающимъ въ Россію хивинскимъ подданнымъ.

4) Предоставляетъ въ своихъ владѣнiяхъ хивинскимъ торговцамъ всѣ преимущества, коими пользуются купцы другихъ азiятскихъ владѣнiй.

«Такое дѣлаемое мною удостовѣренiе подтверждено будетъ писменно доблестнымъ и высокомошнымъ росiйскимъ государственнымъ вице-канцлеромъ отъ высочайшаго имени его императорскаго величества государя императора и самодержца всеросiйскаго. Точное же соблюденiе, со стороны высокостепенныхъ хивинскихъ владѣтелей, постановленныхъ въ вышепрписанномъ актѣ условiй будетъ обезпечено личностiю и собственностiю хивинскихъ подданныхъ, могущихъ находиться въ Росiйской имперiи. Данъ въ Хивѣ, декабря 29 дня, 1842 года».

Послѣ трехъ съ половиною мѣсячнаго пребыванiя въ Хивѣ, миссiя ваша, въ сопровожденiи новаго хивинскаго посланца, 31 декабря выступила изъ Хивы, и, слѣдуя черезъ Кунградъ и Ахъ-Булакъ, 11 февраля прибыла въ Илецкую защиту, а оттуда въ Петербургъ.

Правительство наше было весьма довольно заключенiемъ обязательствъ со стороны Хивы, хотя и довольно скромныхъ.

Хивинскiй посланецъ, щедро одаренный и снабженный богатыми подарками своему хану и министрамъ, въ iюнѣ отправился во-свои. Такъ повидимому удачно окончились наши несогласiя съ Хивою. Но можно положительно сказать, что выгодными результатами нашихъ сношенiй съ этимъ ханствомъ было: во-1-хъ, расширенiе нашихъ свѣдѣнiй по части географiи Средней Азiи: произведены съемки пройденныхъ пространствъ, составлены карты, сдѣланы обстоятельныя описанiя Хивинскаго ханства и пр.; во-2-хъ, временное уничтоженiе торговли русскими невольниками, согласно обязательнаго акта.

Что же касается до другихъ пунктовъ этого акта, то они остались мертвою буквою. Въ 1843 и 44 годахъ Хива уже покровительствуетъ извѣстному степному мятежнику Кенисарѣ Касымову. Въ 1845 году эмиссары хивинскiе дѣйствуютъ въ южной части подвластной намъ Киргизской степи. Въ 1848 г. шайки хивинцевъ являются на устьяхъ р. Сыра подъ самыми стѣнами вновь возведеннаго нами Раннскаго укрѣпленiя. А въ 1858 году нашъ агентъ въ Хивѣ, полковникъ (нынѣ чрезвычайный посолъ въ Константинополѣ) Игнатьевъ, ссылаясь въ своихъ переговорахъ на актъ, врученный Данилевскому, получалъ въ отвѣтъ отъ хивинцевъ, что они содержанiя этого акта не помнятъ и при всѣхъ розысканiяхъ въ своихъ канцелярiяхъ не нашли даже и слѣда его.

Съ тѣхъ поръ до послѣдняго времени какъ туркмены, такъ и киргизы, считающіе себя въ подданствѣ Хивы, подъ покровительствомъ хивинскаго хана, не упускаютъ ни одного случая, чтобы нападать на русскихъ и увести ихъ въ рабство. Вотъ всѣ причины, побудившія насъ нынѣ принять рѣшительныя мѣры противъ Хивы.

Сдѣлавъ очеркъ нашихъ сношеній съ Хивою, мы теперь перейдемъ въ описанію этого ханства въ статистическомъ, этнографическомъ и военномъ отношеніяхъ.

ГЛАВА II.

Пространство Хивинскаго ханства. — Поверхность территории. — Аму-Дарья. — Озера. — Климатъ. — Народонаселеніе.

Нынѣшнее Хивинское ханство, со всѣхъ сторонъ окруженное пустынею, не имѣетъ точно обозначенныхъ границъ, почему и квадратное содержаніе пространства его опредѣлить нѣтъ возможности. Принимая въ соображеніе только плодородныя части, лежащія въ нижнихъ частяхъ Аму-Дарьи, можно положить всю площадь въ 400 квадратныхъ миль.

Долина низовьевъ Аму-Дарьи представляетъ совершенно ровную поверхность, замѣтно наклоненную къ сѣверо-западу. Изъ возвышенностей въ предѣлахъ ханства замѣчательны: юго-западная оконечность Усть-Урта и горы Шейхъ-Джели. Окраина Усть-Урта, или Чинкъ, составляетъ западный берегъ Аральскаго моря и залива Айбугиръ; скаты Чинка обрывисты, изрѣзаны оврагами и разсѣлинами, но, понижаясь къ югу, они становятся постепенно отлогими и удобными для движенія. Круто загнувъ на западъ, Чинкъ теряется въ туркменскихъ степяхъ.

Горы Шейхъ-Джели тянутся вдоль праваго берега нижняго теченія Аму-Дарьи, сѣверовосточный склонъ которыхъ постепенно теряется въ Кизиль-Кумскихъ пескахъ. Въ этомъ горномъ хребтѣ встрѣчаются признаки желѣзной руды и мраморъ дурнаго впрочемъ качества.

Такъ какъ въ предъидущихъ очеркахъ мы описали съ достаточною подробностью характеръ степей, то здѣсь мы уже не будемъ повторять сказаннаго а перейдемъ прямо къ гидрографическому описанію ханства.

Аму-Дарья почти на протяженіи 400 верстъ орошаетъ населенную часть ханства. При впаденіи въ Аральское море она образуетъ нѣсколько рукавовъ; самый многоводный изъ нихъ — Улькунъ-Дарья — имѣетъ отъ 120 до 180 сажень ширины, при средней глубинѣ въ 4 сажени; баръ же имѣетъ глубины не болѣе какъ отъ 2 до 3 футовъ; такъ что

даже и этот самый многоводный рукав представляет затрудненія для плаванія. Ширина Аму-Дарьи между Кунградамъ и крѣпостцю Баятъ отъ 40 до 60 сажень; ниже ширина эта увеличивается и доходитъ мѣстами отъ 200 до 425 сажень. Средняя глубина отъ 2 до 3 сажень; бродовъ вѣтъ видѣтъ; дно повсюду топкое или глинисто-иловатое; быстрота теченія уменьшается по мѣрѣ приближенія къ устью; полноводіе бываетъ два раза въ году, съ мая по іюнь и съ іюля по августъ. Замерзаетъ рѣка въ концѣ декабря или въ началѣ января, а вскрывается въ февралѣ; бывали годы, что она замерзала только у береговъ. Вода въ рѣкѣ мутная, но здоровая и пріятная на вкусъ. По словамъ Вамбери, вода въ рѣкѣ, вслѣдствіе содержащагося въ ней песка, не такъ годна для питья, какъ въ канавахъ, гдѣ, вслѣдствіе медленнаго теченія, песокъ нѣсколько осаждается. Жители утверждаютъ, что ни одна рѣка въ свѣтѣ, даже «благословенный» Нилъ, по вкусу своей воды, не можетъ равняться съ Аму-Дарьею. Вамбери думалъ, что вода показалась ему вкусною только потому, что онъ прибылъ къ берегамъ рѣки прямо изъ безводной степи, но впоследствии онъ пришелъ къ убѣжденію, что дѣйствительно ни въ Азіи, ни въ Европѣ онъ не встрѣчалъ ни одной рѣки и ни одного источника, гдѣ бы была такая вкусная вода какъ въ Аму-Дарьѣ. Изъ рѣки проведено множество оросительныхъ каналовъ, изъ которыхъ главнѣйшіе находятся на лѣвомъ берегу и всѣ имѣютъ сѣверозападное направленіе. Впрочемъ, каналы эти безпрерывно измѣняютъ свое направленіе по указанію надобности и мѣстныхъ потребностей жителей.

На протяженіи трехсотъ верстъ отъ впаденія рѣки въ Аральское море, Аму-Дарья образуетъ плодородный оазисъ, превращенный трудами человека изъ несчанной пустыни. Существуетъ мнѣніе, что оазисъ этотъ былъ прежде обширнѣе и теперь сдѣлался меньше вслѣдствіе сухости климата Средней Азіи. Въ средніе вѣка долина Аму-Дарьи была извѣстна подъ именемъ Ховарезма; нынѣ же она заключаетъ въ себѣ Хивьяское ханство и процитываетъ довольно многочисленное мѣстное населеніе, составляя экономическій и политическій центръ для всѣхъ номадовъ, разсѣянныхъ по сосѣднимъ степямъ.

Близъ хивинскаго города Питняка Аму-Дарья начинаетъ раздѣляться на рукава, и искусственные каналы, которые, хотя и не доходятъ до моря, но по многоводности своей и экономическому значенію для страны и въ военномъ отношеніи имѣютъ значеніе. Каналы эти не имѣютъ вовсе мостовъ; а такъ какъ въ бродѣ они непроходимы, то и представляютъ значительное препятствіе для войскъ. Съ другой сто-

роны, если завладѣть ихъ истоками и запереть воду, то можно добиться немедленной покорности всѣхъ городовъ и селеній, пользующихся этою водою. Впрочемъ, площадь, орошаемая каналами и ихъ развѣтвленіями, вообще не значительна, ибо орошаемыя мѣста обыкновенно прилегаютъ къ самому каналу, почему составляютъ лишь узкую полосу вдоль его; промежуточные же пространства между такими полосами суть степи, годныя только для кочевовъ, а никакъ не для осѣдлой жизни.

Что касается до естественныхъ рукавовъ Аму-Дарьи, то должно указать на слѣдующіе.

1) Лауданъ отдѣляется у крѣпостцы Бендъ; длина его до впаденія въ Айбугирское озеро равняется ста верстамъ. Еще не такъ давно это былъ значительнѣйшій изъ всѣхъ побочныхъ рукавовъ. Съ тѣхъ поръ какъ воды Аму-Дарьи получили главное направленіе въ восточные рукава, Лауданъ весьма много уменьшился въ объемѣ.

2) Кукъ-узьякъ вытекаетъ изъ главнаго русла противъ Ходжейли и течетъ въ Аральское море. Это одинъ изъ многоводнѣйшихъ рукавовъ Аму-Дарьи, пройденный Бутаковымъ на 34 версты отъ устья съ довольно значительнымъ парходомъ. Далѣе вверхъ онъ представляетъ мелководныя стремнины среди камней. Прибрежья его служатъ стойбищами для кочевниковъ, которые имѣютъ здѣсь хорошія поля съ искусственнымъ орошеніемъ.

3) Талдыкъ, притокъ залива того же имени, въ который онъ впадаетъ восемью устьями, изъ которыхъ два доступны для морскихъ судовъ. Талдыкъ, по свидѣтельству Бутакова, въ 1848 и 49 годахъ имѣлъ такую быстроту теченія при впаденіи въ море, что сбивалъ съ ногъ людей; въ 1858 году воды его засорились; дно было вязко, а глубина на барѣ не превосходила полутора футовъ.

4) Улькунъ-Дарья составляетъ, по мнѣнію туземцевъ, настоящее продолженіе рѣки. Ширина рукава измѣняется отъ 50 до 100 сажень, а въ большую воду отъ 120 до 150. Пароходъ «Перовскій» въ 1858 году доходилъ этимъ рукавомъ до Кунграда и вездѣ, кромѣ ближайшихъ окрестностей Кунграда, находилъ глубину отъ 8 до 18 футовъ.

Всѣ преданія хивинцевъ единогласно утверждаютъ, что Аму-Дарья впадала прежде въ Каспійское море, но ни одно изъ нихъ не говоритъ о какомъ либо земномъ переворотѣ, слѣдствіемъ котораго былъ бы поворотъ русла Аму-Дарьи въ Аральское море. Жители объясняютъ этотъ поворотъ совершенно просто и естественно, утверждая, что послѣдній изъ ховарезмскихъ шаховъ, Султанъ-Мегмедъ, имѣя свою столицу въ Куня-Ургенчѣ, чрезъ который протекала Аму-Дарья, желалъ

заселить часть пустырей, лежащихъ между правымъ берегомъ Аму-Дарья и Аральскимъ моремъ, ибо пески, находившіеся на лѣвомъ берегу рѣки, не давали достаточнаго простора земледѣлію. Поэтому онъ приказалъ прорыть нѣсколько каналовъ съ правой стороны рѣки, для орошенія части сказаннаго пространства. Первый опытъ былъ удаченъ и переселеніе жителей на это мѣсто стало ежегодно увеличиваться, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивалось число каналовъ и самый объемъ ихъ, такъ что каналы, выходившіе съ лѣвой стороны рѣки, стали мелеть, а повне ежегодно болѣе и болѣе наполняться водою, слѣдствіемъ чего было, что Аму-Дарья увлеклась, наконецъ, этимъ новымъ направле-віемъ, которое и привело ее къ Аральскому морю. Преданіе это имѣетъ основаніе.

При этомъ хивинцы рассказываютъ еще слѣдующее: у шаха Султанъ-Мехмеда былъ рабъ по имени Ходжа, который, за оказанныя имъ услуги, получилъ свободу и, по повелѣнію шаха, сталъ называться Ходжа-Тарханъ. Пользуясь свободою, онъ предпринялъ путешествіе по Аму-Дарьѣ въ Каспійское море, достигъ его западнаго берега, и при устьяхъ Волги основалъ городъ, который назвалъ своимъ именемъ. Хивинцы и теперь называютъ Астрахань не иначе, какъ Хаджи-Тарханъ, а Каспійское море — Ходжи-Тарханъ-Аралъ.

Изъ озеръ въ Хивинскомъ ханствѣ можно указать на Айбугиръ, которое собственно есть заливъ Аральскаго моря, но съ водами котораго оно соединяется только во время полноводія. Съ сѣвера на югъ оно имѣетъ протяженія 120 верстъ; ширина отъ 15 до 40 верстъ, а глубина отъ 2 до 5 футовъ. Почти вся поверхность Айбугира покрыта густымъ камышомъ; вода въ озерѣ прѣсная, а дно иловатое. Другія два озера *Дау-кара* и *Султанъ-Сулджеръ-Лазы* незначительно; изъ нихъ первое есть обширное болото, заросшее густымъ камышемъ, а изъ другаго добывается дурнаго качества соль, которая развозится по южнымъ частямъ Хивинскаго ханства.

Климатъ Хивы вполне континентальный; зны здѣсь бывають непродолжительны, но морозы не рѣдко доходятъ до 15° и 18°. Весна наступаетъ въ срединѣ февраля, а поздняя въ началѣ марта; въ концѣ марта раскрываются виноградныя лозы, гранатныя и фиговныя деревья, а въ первыхъ числахъ апрѣля начинаютъ покрываться зеленью; въ апрѣлѣ жаръ усиливается и дѣлается чреамѣрнымъ въ іюлѣ, а отъ густыхъ облаковъ пыли воздухъ становится удушливымъ. Дожди бывають весьма рѣдко весною и осенью; утренники начинаются въ концѣ сентября, но ощутительными становятся только въ ноябрѣ. Въ первыхъ

числахъ юня уже начинаютъ жать пшеницу; около этого же времени поспѣваютъ абрикосы и сливы; во второй половинѣ августа созрѣваютъ прочіе плоды, а въ сентябрѣ собираютъ сарапинское пшено, марену и кувжутъ. Листья на деревьяхъ начинаютъ желтѣть и падать не ранѣе первой половины ноября. Лѣтнія ночи, хотя и не удушливы, но вообще не такъ прохладны, какъ это обыкновенно бываетъ въ другихъ южныхъ странахъ. Зима наступаетъ въ декабрѣ и бываетъ весьма непостоянна: случаются годы, когда снѣгъ вовсе не выпадаетъ и Аму-Дарья замерзаетъ только у береговъ. Вообще же снѣгъ рѣдко выпадаетъ въ такомъ количествѣ, чтобы совершенно покрыть землю слоемъ, и обыкновенно лежитъ не болѣе трехъ или четырехъ дней. Аму-Дарья замерзаетъ, какъ уже сказано выше, въ послѣднихъ числахъ декабря, причемъ толщина льда не превосходитъ полуаршина. Ледъ стоитъ обыкновенно отъ трехъ до четырехъ недѣль и расходится всегда къ февралю мѣсяцу. Грозь и града почти никогда не бываетъ; сухость воздуха весьма велика, даже въ осенніе мѣсяцы. Господствующіе вѣтры восточный и сѣверовосточный; западный же вѣтеръ отличается такою порывистостью, что часто срываетъ кибитки и ломаетъ деревья; онъ свирѣпствуетъ только весною, когда деревья начинаютъ покрываться листьями.

По невозможности собрать вполне достоверныхъ свѣдѣній о вліяніи климата на здоровье жителей, приходится, по необходимости, ограничиться только общими указаніями.

Надо сказать, что климатъ ханства вообще благопріятствуетъ здоровью туземцевъ и, не смотря на отсутствіе правильныхъ медицинскихъ пособій, смертность между жителями не велика. Вода какъ въ Аму-Дарьѣ и въ каналахъ, изъ нея вытекающихъ, такъ и въ колодцахъ всего осѣдлаго ханства весьма здорова; плоды, даже при излишнемъ употребленіи, не влекутъ за собою вредныхъ послѣдствій; эпидемическихъ опустошительныхъ болѣзней не бываетъ. Вообще же господствуютъ слѣдующія болѣзни: лихорадки, обнаруживающіяся большею частью весною и въ началѣ зимы; сифилисъ свирѣпствуетъ въ довольно сильной степени; оспа, похищающая многихъ дѣтей; чахотка, поражающая обыкновенно тѣхъ, которые употребляютъ опиумъ, и при сухости климата развивающаяся весьма быстро; наконецъ, воспаленіе глазъ составляетъ одну изъ главныхъ хроническихъ болѣзней. Число слѣпыхъ въ ханствѣ весьма значительно, что, впрочемъ, объясняется недостаткомъ надлежащихъ врачебныхъ пособій, а также чрезмѣрною пылью и сухостью воздуха въ продолженіе почти цѣлаго года.

Хотя хивинцы пользуются вообще хорошимъ здоровьемъ, однако рѣдкіе изъ нихъ достигаютъ до глубокой старости, признаки которой обнаруживаются по большей части преждевременно. Главная причина этого заключается впрочемъ не въ климатѣ, а въ образѣ жизни хивинцевъ. Самый же климатъ ни сколько не обнаруживаетъ вреднаго дѣйствія на здоровье чужеземцевъ. Доказательствомъ тому служатъ персіяне, весьма скоро привыкшіе къ хивинскому климату, а также и русскіе пѣльняне. Кроме того, Данилевскій, въ подтвержденіе этихъ мыслей относительно хивинскаго климата, указываетъ на то обстоятельство, что изъ числа сорока человѣкъ русскихъ, составлявшихъ въ 1842 наше посольство въ Хиву, въ продолженіе четырехмѣсячнаго пребыванія въ ханствѣ не было ни одного человѣка сколько нибудь серьезно больнаго.

Если бы хивинское правительство могло понять пользу медицинскихъ заведеній и благодѣтельные результаты оспопрививанія, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, народонаселеніе ханства возрасло бы въ непродолжительное время.

Общую цифру народонаселенія Хивинскаго ханства опредѣлить довольно трудно, тѣмъ болѣе, что разные путешественники приводятъ цифры, которыя не только близко не сходятся между собою, но другъ другу совершенно противорѣчатъ. Мы предпочитаемъ преимущественно цифры послѣдняго путешественника Вамбери. Предѣлы населенія ханства колеблются между цифрами въ 300 и 400 тысячъ.

Населеніе Хивинскаго ханства отличается своею разнородностью; здѣсь живутъ: узбеки, туркмены, каракалпаки, киргизъ-казаки, сарты и персы. Каждое изъ этихъ племенъ отличается своими рѣзкими признаками отъ другихъ.

Господствующее племя есть узбеки, — осѣдлое племя, занимающееся земледѣліемъ и жувущее, кромѣ Хивы, въ Бухарь, Кокавѣ и нашею Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ. Они подраздѣляются на разныя отрасли, которыхъ Вамбери насчитываетъ 32. Узбеки носятъ коническія мѣховыя шапки, большіе неуклюжіе юфтяные сапоги и въ лѣтнее время длинную рубашку. Женщины же, съ длинными, конусообразными тюрбанами на головахъ, сдѣланными изъ 15 или 20 русскихъ бумажныхъ носовыхъ платковъ, должны, не смотря на томительный зной, таскать къ себѣ домой воду въ тяжелыхъ кувшинахъ, закутанныя въ толстую одежду и съ неуклюжими сапогами на ногахъ. Съ перваго взгляда, хивинскій узбекъ выдаетъ свое смѣшеніе съ иранскимъ элементомъ, а именно своею бородою, которую у туранца можно всегда, по вы-

раженію Вамбери, считатьъ чужою собственностію, между тѣмъ какъ цвѣтъ кожи и черты лица очень часто указываютъ на чисто татарское происхожденіе. Даже по характеру, хивинскаго узбека слѣдуетъ предпочитать остальнымъ его соплеменникамъ: онъ честенъ и прямодушенъ но еще такъ же дикъ, какъ и окружающіе его кочевники, и не владѣеть умомъ, изощреннымъ восточною цивилизаціею. Послѣ настоящаго османскаго турка, изъ узбека, скорѣе чѣмъ изъ другаго какаго нибудь восточнаго народа, можно еще что нибудь сдѣлать.

То обстоятельство, что въ Хивѣ исламитское образованіе менѣе распространено чѣмъ въ Бухарѣ, много способствовало тому, что хивинскіе узбеки сохранили еще многое частію изъ своихъ языческихъ національныхъ обычаевъ, частію изъ религіозныхъ обрядовъ парсовъ-огнепоклонниковъ. Особенная любовь къ музыкѣ и турецкой національной поэзіи, которую среднеазиатскій кочевникъ любитъ страстиѣе всякой образованной націи, сохранилась здѣсь почти, чѣмъ въ Коканѣ, Бухарѣ и Кашгарѣ. Хивинскіе артисты на *дутаръ* (двуструнная гитара) и *кобозъ* (лютня) пользуются большою извѣстностью во всемъ Туркестанѣ. *Неваи*, величайшаго узбекскаго поэта знаютъ вездѣ, но не проходитъ десятилѣтія, чтобы не являлось новаго поэта лирика втораго и третьяго разряда. Вамбери зналъ въ Хивѣ двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ писалъ превосходные стихи, а другой имѣлъ геройское терпѣніе перевести съ персидскаго на узбекско-турецкое нарѣчіе большое историческое сочиненіе, чтобы сдѣлать его доступнымъ для пониманія своему сыну. Эта работа заняла двадцать лѣтъ, но переводчикъ совѣстился сказать о ней кому нибудь, потому только, что въ здѣшнихъ странахъ на всякое занятіе, крожъ религіознаго, смотрится какъ на легкомысліе.

Приведа этотъ отзывъ Вамбери о хивинскихъ узбекахъ, нельзя не противопоставить ему совершенно противоположныя взгляды другихъ путешественниковъ, имѣвшихъ возможность съ ними познакомиться гораздо короче. Какъ русскіе, такъ и англичане, посѣщавшіе Хиву, положительно утверждаютъ, что вѣроломство, лживость, жестокость хивинцевъ и ихъ алчность составляютъ отличительныя черты народнаго характера. Самъ Вамбери ниже противурѣчитъ себѣ, рассказывая чему онъ былъ свидѣтелемъ въ Хивѣ. Однажды на наружномъ дворѣ одного правительственнаго дома онъ увидѣлъ триста военно-плѣнныхъ туркменовъ, покрытыхъ лохмотьями, измученныхъ страхомъ смерти и голодомъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Эти плѣнные были раздѣлены на двѣ группы: одни изъ нихъ, недостижшіе еще сорокалѣтняго возраста, назывались въ продажу или въ подарокъ; другіе — считавшіеся вслѣд-

ствія старости или положенія своего, авсакалами, то есть сѣдобородцы, должны были подвергнуться наказанію, по опредѣленію хана. Первыхъ сковали по 10 и 15 человекъ вѣстѣ и увели; послѣдніе, пскорно своей участи, ожидали приговора. Палачи пришли и потащили ихъ, какъ таскають перевязанныхъ овецъ. Въ то время, какъ многихъ повели на висѣлицу или въ темницу, восемь стариковъ, по знаку палача, легли на землю. Связавъ имъ руки и ноги, палачъ выкололъ имъ глаза; всякій разъ, послѣ такой операціи, онъ становился на грудь ослѣпленнаго и обтиралъ объ его сѣдую бороду свой окровавленный ножъ. Ужасно было видѣть, какъ эти жертвы, послѣ мучительнаго наказанія, освободившись отъ веревокъ, старались приподняться, ошупывая руками окружающіе ихъ предметы.

Разсказавъ такой эпизодъ, Вамбери говоритъ, что разнаго рода истязанія надъ военноплѣнными составляютъ здѣсь самое обыкновенное явленіе. Въ Хивѣ, какъ во всей средней Азіи, совершенно не знаютъ, что такое жестокость; безчеловѣчное обращеніе считается здѣсь совершенно естественнымъ, такъ какъ оно согласно съ обычаями, законами и религіею. Нынѣшній ханъ, желая приобрѣсти славу защитника вѣры, наказываетъ самымъ жестокимъ образомъ за малѣйшій проступокъ противъ религіи. Достаточно взглянуть на женщину, закрытую покрываломъ, чтобы быть казненнымъ. Религія повелѣваетъ мужчину вѣшать, а женщину зарывать до половины тѣла въ землю около висѣлицы и побивать камнями. Но такъ какъ въ Хивѣ нѣтъ камней, то для этого употребляютъ кизяки, то есть твердые куски земли. При третьемъ ударѣ несчастная жертва покрывается пылью и ея обрваннаго тѣла страшно обезображивается.

Такія сцены и такіе нравы врядъ ли могутъ быть согласованы съ прямотушемъ и честностью, качествами совершенно противоположнаго свойства.

Вамбери приводитъ еще одинъ, нелишній интереса эпизодъ, характеризующій нравы. Однажды онъ засталъ ханскаго казначея за сортировкой халатовъ, которые были назначены въ подарокъ героямъ. Это были четырехъ родовъ шелковые яркіе кафтаны съ большими цвѣтами, вытканными золотомъ; ихъ называли: четырехъ, двѣнадцати, двадцати, и сорока головами. Такъ какъ на нихъ не было ни нарисованныхъ, ни вытканыхъ головъ, то Вамбери пожелалъ знать причину такого страннаго названія. На это онъ получилъ отвѣтъ, что простые кафтаны назначаются за четыре отрубленныя головы; самыя же красивыя за сорокъ.

На другой день прибыли изъ лагеря сто всадниковъ, и каждый изъ нихъ велъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ были женщины и дѣти, привя-

завязаны или къ хвосту лошади, или къ лукъ сѣдла. Къ каждому сѣдлу было привязано по мѣшку съ отрубленными головами, служившими доказательствомъ геройскихъ дѣлъ. Прибывъ на площадь, всадникъ дарилъ плѣнныхъ хану или какомунибудь вельможѣ, затѣмъ развязывалъ мѣшокъ, бралъ его за два угла, и къ ногамъ пріемщика высыпалъ, какъ картофель, головы съ бородами и безъ бородъ. Слуги сталкивали ихъ ногами въ одно мѣсто, гдѣ скоро образовалась большая куча изъ нѣсколькихъ сотенъ головъ. Каждый герой получалъ квитанцію въ доставленныхъ головахъ, а черезъ нѣсколькихъ дней получалъ и плату.

По разногласію въ числѣ, которое обыкновенно приводятъ разные путешественники, трудно указать настоящую цифру узбековъ; кажется всего вѣрнѣе предположить ее въ 200,000 душъ.

Узбеки въ ханствѣ суть земледѣльцы, ремесленники и торговцы; кромѣ того, они, какъ завоеватели края, сохраняютъ за собою честь давать странѣ хановъ и визирей, которые могутъ быть только изъ родовыхъ узбековъ. О военныхъ качествахъ хивинцевъ можно сказать вообще, безъ различія тюркскаго или персидскаго происхожденія, что они храбры до запальчивости при первомъ натискѣ и удачѣ, но быстро теряютъ отвагу при первомъ твердомъ отпорѣ и становятся обыкновенными среднеазиатскими трусами, тотчасъ же обращающимися въ бѣгство. Выносливость ихъ въ походахъ также невелика, и уже очень давно они сами не предпринимаютъ никакихъ экспедицій, а на военные набѣги высылаютъ киргизовъ и туркменовъ. Оружіе ихъ также не отличается хорошимъ качествомъ.

Узбеки, какъ уже дѣло сказано выше, раздѣляются не роды, изъ которыхъ наиболѣе сильныя удержали еще преданія о своемъ бывшемъ могуществѣ и, слѣдовательно, питаютъ презрѣніе къ остальнымъ. Все это выражается у узбековъ въ женитьбѣ. Такіе роды брачуются по преимуществу между собою, а если и берутъ себѣ женъ изъ другихъ болѣе низкихъ родовъ, то за то сами не даютъ своихъ дѣвушекъ имъ. Правда и то, что если узбекъ говорить, что ихъ родъ не [выдаетъ своихъ дочерей въ другой родъ, то такой разговоръ, вообще говоря, слѣдуетъ отнести къ хановству: не выдаютъ одни богачи или родовитые, а бѣдняки берутъ себѣ женъ изъ того рода, въ которомъ ихъ продаютъ дешево, выдаютъ же въ тотъ родъ, въ которомъ дадутъ больше. У узбековъ не считается униженіемъ брать себѣ жену изъ низшаго рода, если у него ихъ нѣсколько; но родовитому отдать свою дочь замужъ за субъекта низшаго рода, да еще и ничѣмъ не замѣчательнаго, положительный позоръ.

Разумѣется, большой калымъ, знатность рода жениха и его богатство,—для среднеазіятца, какъ и для европейцевъ, служатъ достаточными данными, чтобы выдать свою дочь за кого угодно. Узбекскія же женщины въ выборѣ себѣ мужей не разборчивы: имъ все равно, за кого бы ихъ ни выдали.

Всѣ занятія домашнія и полевые (въ нѣкоторыхъ семействахъ и паханье земли) лежатъ на женахъ. Онѣ смотрятъ за хозяйствомъ, собираютъ топливо, готовятъ кизякъ, прядутъ, обшиваютъ всю семью, ткутъ (подкладочное полотно—астаръ), выдѣлываютъ овчину, дубятъ кожи и красятъ ихъ, шьютъ шубы, и проч. и проч. Кроме того и въ полевыхъ работахъ на долю женщины выпадаетъ не мало: она пашетъ, помогая въ этомъ трудѣ мужу, брату или сыну; взрываетъ текменемъ гряды въ садахъ, жнетъ, свозитъ или сноситъ снопы на хирманъ (токъ), провѣиваетъ ихъ. Однимъ словомъ, женщина у узбековъ—воль, на которой работаютъ безъ отдыха. Хотя неможно самостоятельный мужчина узбекъ старается ничего не дѣлать; онъ разъѣзжаетъ съ базара на базаръ, посѣщаетъ знакомыхъ и рѣдко бываетъ дома.

Деньги всегда у мужа. Онъ выдаетъ ихъ женѣ на расходы съ большимъ расчетомъ. Даже больше: все обыденное хозяйство обязана вести жена на свои заработки, на выручку отъ пряжи, продажи коконовъ и т. под.

Только празднества совершаются на мужнины деньги; изъ своихъ же заработковъ жена-мать покупаетъ дѣтямъ обновки; отецъ заботится почти исключительно о своемъ любимомъ ребенкѣ.

Самые богатые узбеки донашиваютъ свое платье до обращенія въ лохмотья, и, доносивши до такой степени, они отдаютъ его или работникамъ или приказываютъ женамъ выкроить изъ него одежду своимъ дѣтямъ.

Забота о дѣтяхъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, составляетъ для узбека послѣднее дѣло. Когда ребенокъ выросъ и укрѣпился настолько, что уже можетъ быть рабочею силою, тогда онъ становится нужнымъ въ семействѣ и на него начинаютъ обращать вниманіе, т. е. наваливаютъ работу. Умъ, красота, находчивость признаются въ ребенкѣ, какъ и во взросломъ, за ничто.

Рожденіе сына всегда болѣе радуетъ отца. Чувства матери, кажется, лежатъ больше къ дочери. Въ дочери мать видитъ будущую свою помощницу, а отецъ смотритъ на малютку-сына какъ на будущаго своего работника.

Особенной любви между родителями и дѣтьми не существуетъ. Мать и отецъ зачастую подвергаются побоямъ сыновей; ругательства самыя

пошлыя, какъ со стороны сына, такъ и со стороны дочери, никто изъ узбековъ отцовъ и матерей не считаетъ предосудительными.

Если у узбека нѣсколько женъ, то онъ старается держать ихъ отдѣльно одна отъ другой, не въ силу предписанія корана, котораго онъ не знаетъ, да и не старается знать, а потому, что, въ большинствѣ случаевъ, физически невозможно держать ихъ въ смежныхъ комнатахъ. Живя нераздѣльно, онѣ каждый день будутъ драться и, какъ кошки, царапать другъ другу лицо. Еще въ худшемъ положеніи бываетъ мужъ, если всѣ его жены имѣютъ дѣтей: тогда къ дракамъ благовѣрныхъ его часто присоединяются драки ихъ дѣтей, и выходитъ адъ, а не семейная жизнь. Однако семейныя несогласія происходятъ не отъ ревности. Мужъ по узбекски значитъ *иркекъ* — самецъ; слово *иркекъ* одинаково примѣняется къ быку, собакамъ и т. п.; несогласія между женами одного *иркека* происходятъ не изъ обыкновенной ревности, а отъ матеріальныхъ удобствъ и неудобствъ, отъ желанія каждой жены имѣть побольше вліянія на хозяйство *иркека*, отъ того, что одна изъ самокъ получила лучшей платокъ отъ самца, а другая — худшей. «Мнѣ все равно — любить ли меня мужъ, или не любить, лишь бы онъ дѣлалъ мнѣ хорошіе подарки. Если онъ мой *иркекъ* — онъ любить меня» — такъ, или почти такъ, говорятъ узбечки.

Узбеки не женятся на очень молодыхъ женщинахъ. Здѣсь идетъ рѣчь о большинствѣ, а не о богачахъ, которые, имѣя по нѣсколько женъ (наприм. 11 женъ), женятся, ради разнообразія, на 10-ти лѣтнихъ. Небогатый узбекъ ищетъ въ женѣ хорошую работницу, неутомимаго вола. Молодая жена не вынесетъ тяжелой работы, на которую ее обрекаетъ замужество, не дастъ мужу возможности ничего не дѣлать по хозяйству; поэтому въ бракъ дѣвушки (онѣ только официально величаются дѣвушками) вступаютъ, въ большинствѣ случаевъ, лѣтъ 15 — 20.

Въ нѣкоторыхъ узбекскихъ родахъ въ обычаѣ отдѣлять женившихся сыновей; въ другихъ они весьма долго живутъ вмѣстѣ съ отцомъ, имѣя съ нимъ одинъ котелъ; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, семейство, состоящее изъ 10 женатыхъ сыновей, имѣющихъ въ свою очередь дѣтей, считается за одинъ дворъ.

Калымъ, выкупъ, приданое, вносимое женихомъ за будущія услуги жены, не всегда составляютъ необходимое условіе при заключеніи узбеками брака; зачастую женятся безъ всякаго калыма.

Хорошіе пріатели или бѣдняки, при женитьбѣ, калыма не вносятъ; этотъ обычай, впрочемъ, встрѣчается не во всѣхъ узбекскихъ родахъ. Друзья иногда дѣлаютъ такого рода условія (что въ обычаѣ и у киргизъ):

родившихся у нихъ дѣтей разнаго пола съ самаго рожденія считать женихомъ и невѣстою. Такія дѣти растутъ вмѣстѣ, а придя въ возрастъ, вступаютъ въ бракъ, не уплачивая калыма. Однако женихъ, въ подобныхъ, заранѣе приготовленныхъ бракахъ, имѣетъ полное право отказаться отъ женитьбы на дѣвушкѣ, предназначенной ему въ жены еще до его рожденія.

Бѣдвяки или зарабатываютъ себѣ жену у ея родныхъ, или, женившись на дочери, остаются у отца въ работникахъ, т. е. зарабатываютъ калымъ уже послѣ женитьбы. Бываетъ, что мужчина только сожителствуетъ съ женщиною, но формальнаго брака не заключаетъ, т. е. читается «фатиха», по «внкахъ» (свадьба) не совершается. Въ такомъ случаѣ, для виду разумѣется, стараются скрывать сожителство отъ отца женщины.

Мать о подобномъ, по ихъ понятію, противузаконномъ сожителствѣ всегда знаетъ и она же его устраиваетъ. Случай подобнаго *полубрака* — далеко не рѣдкость между бѣдвяками.

Женихомъ узбекъ бываетъ отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ лѣтъ. Вообще, узбекъ считается женихомъ до тѣхъ поръ, пока онъ или не выплатилъ калымъ за свою жену, или же пока отецъ, мать и родственники невѣсты не заявятъ, что они считаютъ калымъ уплаченнымъ, хотя въ дѣйствительности женихъ еще и не внесъ его сполна. Когда узбекъ получилъ согласіе отца или родныхъ невѣсты на бракъ съ нимъ, старшіе члены желающихъ породниться домовъ, безъ вѣдома жениха и невѣсты, составляютъ *насля-хатъ*, т. е. совѣтъ о величинѣ калыма, о времени прочтенія молитвы *фатиха*, или, какъ узбеки выражаются, о времени *ломанія лепешки* и совершенія свадьбы. Состояніе жениха взвѣшивается обѣими сторонами и, смотря по тому — большое оно или нѣтъ, назначается болѣе или менѣе продолжительной срокъ для совершенія *никаха*, т. е. свадьбы. Величина же калыма по преимуществу и почти единственно зависитъ отъ состоянія родителей невѣсты, но не отъ родовитости ихъ.

По совершеніе свадьбы, *обязательная* по обычаю первая ночь проводится молодыми въ домѣ отца жены. Послѣ этой ночи, мужъ имѣетъ уже право, если найдетъ свою жену не дѣвицею, не медленно развестись съ нею; при чемъ ему возвращается весь калымъ, все, что онъ затратилъ.

Въ этомъ случаѣ голословное обвиненіе мужемъ жены ничего не значитъ; оно должно быть подтверждено матерями жены и мужа и третьею посредницею, которая, по обычаю, приходятъ вмѣстѣ въ брачную комнату и уходѣ мужа. Кромѣ того, при осмотрѣ принимается во вниманіе: жилъ ли мужъ съ женою, будучи еще ея женихомъ; о сожителствѣ этомъ

оседа знаютъ сосѣди. Къ чести узбековъ должно отнести, что подобное обстоятельство, какъ отсутствіе доказательства невинности жены, не служитъ у нихъ поводомъ не только къ разводамъ, но даже къ какижъ бы то ни было несогласіямъ. Они говорятъ: «жениться на вдовѣ и жениться на дѣвушкѣ, находившейся въ короткихъ отношеніяхъ съ мужчиною,—все равно. Женщина не отвѣчаетъ передъ своимъ мужемъ за прежній образъ жизни. Пока она не жена—она свободна» и т. п.

Мужъ можетъ перевести жену въ свой домъ чрезъ 2—3 дня, но можетъ оставить ее въ домѣ родителей. Въ первомъ случаѣ, при введеніи молодой въ домъ ея мужа, присутствуютъ всѣ дружки молодого; при этомъ онъ въ послѣдній разъ угощаетъ ихъ какъ холостякъ. Съ того мгновенія, какъ въ его домѣ поселилась жена, холостяки ему уже не пара. Во второмъ случаѣ, мужъ ходитъ къ женѣ украдкой, по ночамъ. Его должна встрѣчать и провожать въ саклю жены старуха, близкая родственница жены. Жена хотя имѣетъ отдѣльную саклю, но въ запятыхъ своихъ подчинена отцу и матери.

Случается, что замужняя узбечка живетъ особнякомъ года четыре и переѣзжаетъ къ мужу, уже имѣя трехъ-четырехъ дѣтей. Во все время раздѣльнаго сожителства, мужъ не долженъ показываться ни отцу, ни матери своей жены.

Такъ какъ въ предъидущемъ очеркѣ Туркменіи мы съ достаточною подробностью говорили о туркменахъ вообще, то здѣсь намъ придется сказать о нихъ весьма немного. Эти кочевники, по свидѣтельству Вамбери, держатся по степямъ, прилегающимъ къ Хивинскому оазису съ юга, а отчасти и среди самаго оазиса, въ степныхъ полосахъ между каналами. Они принадлежатъ къ двумъ главнымъ родамъ: іумудамъ и чаудорамъ; гокленовъ же весьма мало. Общее число ихъ можетъ простираться съ небольшимъ до 50,000 душъ.

Третій элементъ народонаселенія составляютъ каракалпаки, по происхожденію своему и образу жизни весьма близко подходящіе къ киргизамъ. Въ прежнее время они играли весьма важную роль въ дѣлахъ средней Азіи, а нынѣ составляютъ самое забытое среднеазіатское племя, пользующееся репутаціею идіотовъ; женщины же ихъ считаются самыми красивыми въ всемъ Туркестанѣ. Они кочуютъ въ сѣверной части Хивинскаго ханства, вблизи Аральскаго моря, озера Дау-кара и городовъ Кунграда, Ходжейли и Кипчака. Они занимаются одинаково какъ хлѣбопашествомъ, такъ скотоводствомъ и рыболовствомъ; впрочемъ, скотоводство ихъ весьма незначительно. Общее число ихъ нынѣ не превосходитъ 50,000 душъ; они обязаны Хивѣ военною службою и платятъ

ей подати; раздѣляются на нѣсколько отдѣленій, управляемымъ особыми начальниками подъ вѣдѣніемъ хивинскихъ властей. Хивинцевъ они очень не любятъ.

О киргизахъ, находящихся въ подданствѣ Хивы, мы почти не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; большинство этого народа находится нынѣ въ подданствѣ Россіи, почему о нихъ мы здѣсь распространимся настолько, на сколько они имѣтъ непосредственнаго отношенія къ Хивѣ.

Киргизы населяютъ необозримыя и громадныя степи, лежащія между Сибирью, Хивою, Туркестаномъ и Каспійскимъ моремъ. Такъ какъ всѣ перевороты, совершавшіеся въ теченіе столѣтій, а можетъ быть и тысячелѣтій, имѣли значительное вліяніе на киргизовъ, то они и теперь представляютъ самую вѣрную картину правовъ и обычаевъ, характеризующихъ первобытныхъ туранскихъ народовъ и представляющихъ странное смѣшеніе добродѣтели и звѣрства. Поразительно сильное влеченіе киргизовъ къ музыкѣ и поэзіи, а въ особенности ихъ аристократическая гордость. При встрѣчѣ, первое о чемъ спрашиваетъ киргизъ у киргиза,—это: «кто твои семь отцовъ»? т. е. предковъ. Спрошенный даже восьмилѣтній ребенокъ, всегда умѣетъ съ точностью отвѣтить на вопросъ; въ противномъ же случаѣ его сочтутъ за крайне невоспитаннаго и необразованнаго.

Въ храбрости киргизы далеко уступаютъ узбекамъ, въ особенности же туркменцамъ; исламъ же у нихъ гораздо слабѣе, чѣмъ у послѣднихъ, и для укорененія его въ народѣ гораздо болѣе сдѣлала сама Россія своими административными мѣрами, чѣмъ сами киргизы. Только богатые старшины нанимаютъ себѣ изъ городовъ муллу, который, за известное вознагражденіе баранами, лошадьми и верблюдами, исполняетъ обязанности учителя, священника и секретаря.

Киргизы, не смотря на палящій зной или снѣгъ въ сажень глубины кочуютъ по степи, питаются почти исключительно молокомъ и почти вовсе не употребляютъ хлѣба. На городскихъ жителей они смотрятъ какъ на людей весьма странныхъ, а на земледѣліе какъ на признакъ бѣдности, почему земледѣлецъ и нищій выражаются у киргизовъ однимъ и тѣмъ же словомъ *байушъ*. По ихъ эстетическимъ понятіямъ, монгольское племя представляетъ собою верхъ красоты, потому что Богъ, сотворивъ ихъ съ выдающимися скулами, украсилъ ихъ лошадьми; лошадь же въ глазахъ киргиза вѣнецъ созданья.

Полагаютъ, что общее число киргизъ, считающихъ себя въ подданствѣ Хивы, не превышаетъ 10 или 15,000 душъ.

Пятая народность Хивинскаго ханства—эта сарты или таджики.

Слово это есть персидское, а народъ составляетъ первое населеніе Ховарезма. Въ настоящее время ихъ очень не много, и свой родной персидскій языкъ они мало по малу замѣнили турецкнмъ. Сарта можно узнать по его хитрымъ, утонченнымъ манерамъ; узбеки очень не любятъ сартовъ; характеристично то, что, не смотря на пятисотлѣтнюю жизнь вмѣстѣ, до сихъ поръ было весьма мало смѣшанныхъ между нами браковъ.

Такъ какъ сарты и таджики гораздо многочисленнѣе въ Коканѣ и Бухарѣ, то мы будемъ говорить о нихъ подробнѣе при обзорѣнн этихъ ханствъ.

Персы здѣсь живутъ какъ рабы или какъ освобожденные отъ рабства. Это суть несчастные, плѣнные туркменами, занимающіеся въ Хивѣ самыми тяжелыми работами подъ суровою и жестокою властью своихъ деспотическихъ господъ. Клеймо рабства изглаживается только въ третьемъ поколѣнн, и тогда персіане ничѣмъ не отлчаются отъ природныхъ хивинцевъ. Многие изъ плѣнныхъ, откупившись даже на волю, предпочитаютъ оставаться въ Хивѣ. Общее число персіанъ доходить до 40,000 душъ.

ГЛАВА III.

Религіозное и умственное состояніе народа.—Домашній бытъ.—Сельское хозяйство.—Торговля.—Пути сообщенія.—Описаніе городовъ.—Управленіе.—Финансы и военныя силы.—Планы военныхъ дѣйствій со стороны Россіи.

Всѣ жители ханства исповѣдуютъ магометанскую религію, суннитскаго толка, въ который насильственно обращаютъ даже илѣнныхъ персіянъ-шиитовъ. Исламизмъ хивинцевъ заключается единственно въ точномъ и неуклонномъ соблюденіи обрядовъ, предписанныхъ кораномъ. Религіозный фанатизмъ поддерживается въ народѣ духовенствомъ, во главѣ котораго стоитъ *накибъ*, выбираемый изъ потомковъ Магомета. На духовенствѣ, кромѣ судебныхъ обязанностей, лежитъ также и образованіе народа. Хивинскіе улемы, или учителя, не славятся на востокѣ ученостью. Суевѣріе и невѣжество составляютъ отличительныя черты народа. Вамбери рассказываетъ, между прочимъ, что многіе изъ народа, а въ томъ числѣ и духовные, пользуясь всякимъ случаемъ, задавали ему самыя глупыя вопросы. Одинъ требовалъ религіознаго наставленія, другой спрашивалъ:—есть ли на свѣтѣ еще такія прелестныя мѣстности какъ Хива; третій хотѣлъ получить достовѣрное свѣдѣніе о томъ, дѣйствительно ли султанъ получаетъ ежедневно обѣдъ и ужинъ изъ Мекки, и дѣйствительно ли они доставляется ему изъ каабы въ константинопольскій дворецъ въ одну минуту.

Медресе, или училища, въ средней Азій могутъ служить признакомъ степени благосостоянія страны и религіознаго образованія жителей. Для устройства и содержанія ихъ какъ правители, такъ и народъ являютъ весьма сильную ревность. Въ Хивѣ находится нѣсколько медресе, изъ которыхъ можно указать на Медеминъ ханъ-медресе—двухэтажное зданіе, построенное въ 1842 году персидскимъ архитекторомъ по образцу персидскаго перворазряднаго караванъ-сарая. По правую сторону ея возвышается весьма неуклюжая башня, поднимающаяся до-

волью высоко надъ зданіемъ. По случаю смерти строителя, она осталась недостроенною. Медресе это вмѣщаетъ 130 келій на 260 учениковъ; на содержаніе ея отпускается ежегодно 5000 тиллей деньгами и 12000 батмановъ пшеницы. Какъ медресе, такъ и духовенство содержатся доходами съ *вакуфи*, состоящаго изъ особыхъ земель и разныхъ пожертвованій, какъ со стороны хана, такъ и частныхъ лицъ.

Вообще народонаселеніе ханства, находясь постоянно подъ гнетомъ самаго грубаго и необузданнаго деспотизма, отличается своею крайнею невѣжественностью и ограниченностью всякихъ потребностей. Въ домашнемъ быту бѣдность народа доходитъ почти до нищенства; жилища состоятъ изъ сквозныхъ мазанокъ, сложенныхъ изъ глины; очагъ съ котломъ помѣщается по срединѣ; дымъ, разъѣдающій глаза, выходитъ изъ отверстія, продѣланнаго чрезъ плоскую крышу мазанки; внутреннее убранство состоитъ въ кошмахъ, а у богатыхъ — въ коврахъ, растянутыхъ на земляномъ полу, и въ сундукѣ, въ которомъ хранится посильное платье.

Пища употребляется весьма скудная и однообразная и состоитъ изъ поджаренныхъ пшеничныхъ лепешекъ и изъ отвара воды, въ который кладутъ зерна джугары, горохъ, листья свекольника и соль. Пилавъ изъ риса, баранины и сала подаютъ только во дворцѣ хана или у самыхъ богатыхъ людей. Для освященія жилищъ употребляется кунжутное масло.

Теперь перейдемъ къ описанію промышленной и торговой дѣятельности народа.

Сельское хозяйство въ Хивинскомъ ханствѣ заключается въ хлѣбопашествѣ, садоводствѣ, скотоводствѣ и шелководствѣ.

Относительно умѣнья и трудолюбія при обработкѣ своихъ полей, хивинцы заслуживаютъ похвалы. Только этимъ двумъ качествамъ обязаны они тому, что песчано-глинистая и солонцоватая почва даетъ хорошіе урожаи. Мѣсто, назначенное подъ пашню, раздѣляется на танапы *), и каждый изъ нихъ окапывается съ четырехъ сторонъ небольшою канавою, которая приводится въ сообщеніе съ ближайшею среднею канавою. Мѣсто для пашни срывается на четверть ниже уровня боковыхъ канавокъ, его огибающихъ, и на немъ, взявъ навоза, разбрасываютъ большими кучами землю, взятую около жилищъ, перемѣшивая ее съ сухою травою, иногда съ золою и даже съ глиною изъ разрушенныхъ

*) Танапъ — ввадрать, имѣющій въ боку 30 саж.; онъ равняется 0,375 десят.

строений, которая отъ прижѣся соломы получаетъ нѣкоторую плодородность. Потомъ хивинцы разрываютъ эти кучи лопатами и напускаютъ воду въ канавы до тѣхъ поръ, пока она покроетъ все приготовленное для пашни мѣсто на два и болѣе дюйма.

Когда вода уйдетъ въ землю и поверхность поля, сохраняя еще нѣкоторую влажность, перестанетъ быть топкою, то начинаютъ распашку; потомъ производятъ посѣвъ, по окончаніи котораго боронятъ зубчатою доскою и потомъ снова напускаютъ воду тѣмъ же способомъ, повторяя процессъ по мѣрѣ надобности. Въ мѣстахъ, уровень которыхъ нѣсколько выше и гдѣ пониженіе его сопряжено было бы съ большимъ трудомъ, для наполненія канавокъ употребляется водоподъемная машина.

Время и количество орошенія засѣянныхъ полей зависитъ отъ погоды и преимущественно отъ рода посѣянаго зерна.

Изъ хлѣбныхъ растений въ ханствѣ сѣютъ: пшеницу, сарачинское пшено, ячмень и просо, джугару, чечвицу и горохъ.

Подъ пшеницу землю унавоживаютъ тщательно, чѣмъ для всякаго другаго хлѣба, и наводняютъ отъ 5 до 6 разъ до тѣхъ поръ, пока зерно начнетъ наливаться.

На одинъ танапъ сѣютъ пять батмановъ *), а въ урожайный годъ снимается отъ 60 до 70 батмановъ.

Сарачинское пшено требуетъ безпрестанной поливки, почему разводится преимущественно тамъ, гдѣ изобилуютъ средства для орошенія. Урожай его бываетъ отъ самъ—25 до самъ—30-ти.

Ячмень и просо производятся въ маломъ количествѣ, преимущественно въ сѣверной части ханства; этотъ хлѣбъ не требуетъ большой поливки.

Джугару употребляютъ въ пищу; зерно идетъ также вмѣсто овса, а стебель вмѣсто сѣна для лошадей и другаго скота; ее сѣютъ на танапъ четверть батмана, а собираютъ отъ 80 до 150 батмановъ.

Чечвицу и горохъ сѣютъ въ небольшемъ количествѣ.

Изъ огородныхъ растений хивинцы воздѣлываютъ: арбузы, дыни, тыквы, морковь и лукъ. Слава хивянскихъ дынь доходитъ даже до Пекина, такъ что богдыханъ не забылъ въ число ежегодныхъ подарковъ, высылаемыхъ ему изъ Китайской Татаріи, выпросить себѣ хивянскихъ дынь.

Изъ фабричныхъ и красильныхъ растений разводятся: хлопчатая бумага, конопля, табакъ, марена, кунжутъ и лезъ.

*) Батманъ равняется 1 пуду 8 фунтамъ.

Земледѣльческія орудія разумѣется самыя простыя, состояща изъ плуга съ чугуныиъ, а иногда деревянныиъ сошникомъ, желѣзной или чугунной лопаты для уравниенія земли; мотыги и вилы для уборки джугары и доски съ желѣзными гвоздями, въ родѣ нашей бороны. Землю пахутъ обыкновенно быками или лошадьми, запряженными по-парно.

Обмолотку хлѣба производятъ лошадьми, заставляя ихъ ходить кругомъ столба, около котораго разстилаются снопы.

Количество обработанной земли, находящейся подъ пашнями и садами, опредѣлить конечно трудно. Донныѣ еще принимаются цифры, сообщенныя Давилевскимъ за его время. Онъ полагаетъ, что количество это во всемъ осѣдломъ ханствѣ по лѣвой сторонѣ Аму-Дарьи равняется 700,000 десятинъ или 1.866,666 танаповъ. Значительная часть воздѣланной земли принадлежитъ хану, его родственникамъ, главнымъ сановникамъ, изъ которыхъ другіе владѣютъ двумя и тремя тысячами танаповъ, чиновникамъ, духовенству, медрессамъ и торговому сословію. Но можно полагать все-таки, что изъ означеннаго выше количества миллионъ танаповъ принадлежатъ простому народу. Принимая въ расчетъ цифру населенія, придется на душу по 4 съ небольшимъ танапа. Такой результатъ совершенно подтверждаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія, полученныя Давилевскимъ изъ разспросовъ. Земледѣлецъ, имѣющій отъ 8 до 10 танаповъ, считается вполне зажиточнымъ хозяиномъ, и многіе хивинцы пропитываютъ цѣлое семейство, обрабатывая не болѣе одного танапа земли.

По незначительности этой пропорціи не должно заключать о недостаткѣ свободной земли въ Хивинскомъ ханствѣ; пропорція эта объясняется недостаткомъ въ рабочихъ рукахъ.

Сады разводятъ хивинцы обыкновенно около домовъ, притомъ въ весьма небольшихъ размѣрахъ, не смотря на то, что сады, отъ чрезвычайнаго изобилія плодовъ, даютъ хорошую прибыль. Сады всегда окружаются высокою глиняною стѣною, имѣющею видъ продолговатаго четырехугольника; посреди сада обыкновенно находится бассейнъ, который наполняется водою изъ ближайшей къ нему канавы; отъ него же проводятся по всемъ направленіямъ сада небольшія канавки для орошенія деревьевъ.

Главныя фруктовыя растенія, разводимыя хивинцами суть: абрикосы пяти различныхъ сортовъ, дающіе весьма большой сборъ, сливы четырехъ сортовъ, персики трехъ сортовъ, яблоки четырехъ сортовъ, виноградъ десяти сортовъ, граваты, айва, употребляемая въ пищу какъ овощъ, имѣющая пріятный кисловатый вкусъ; джидда — небольшая

ягода, которую высушивают и употребляют вместо муки на конфеты.

Изъ поименованныхъ фруктовъ только гранаты и фиговые деревья и виноградныя лозы зарываются на зиму; для другихъ же не предпринимается никакихъ мѣръ предосторожности отъ холодовъ. Въ случаѣ сильныхъ морозовъ, сборъ плодовъ бываетъ не такъ обилень, какъ въ теплую зиму, но самыя деревья никогда не гибнутъ.

Кромѣ фруктовыхъ деревьевъ, разводится въ Хивѣ и тутовое дерево въ большомъ количествѣ около канавъ. Это дерево покрывается зеленью ранѣе другихъ и первая зелень, идущая на кормъ шелководяныхъ червей, продается довольно дорого.

Въ садахъ же растетъ серебристый и пирамидальный тополь; первый въ небольшомъ количествѣ, а послѣдній растетъ въ изобиліи, составляетъ опушку садовъ и бассейновъ и достигаетъ до 50 футовъ высоты. Изобиліе этого дерева позволяетъ хозяевамъ употреблять его для некоторыхъ построекъ, преимущественно для настилокъ потолковъ въ домахъ и сараяхъ и для связей между стѣнъ, а также и для лодокъ.

Кромѣ того, растетъ *наруанъ* и *караманъ* — родъ вяза; они отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что первый растетъ совершенно прямо, весьма красиво, вѣтвистъ и даетъ много тѣни, достигая 22 футовъ высоты. Изъ втораго дерева дѣлаютъ колеса и арбы.

Какъ фруктовыя деревья, такъ и другія, растущія въ Хивѣ, являются только какъ результатъ тщательнаго удобренія земли и частыхъ орошеній.

Совершенный недостатокъ луговыхъ и пастбищныхъ мѣстъ препятствуетъ развитію скотоводства, которое ведется въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ и составляетъ ничтожную отрасль хивинскаго сельскаго хозяйства. Въ осѣдлой части ханства разводятъ бараны, рогатый скотъ, верблюды, ослы и лошади.

Бараны имѣются двухъ породъ: киргизской и бухарской; послѣднихъ впрочемъ очень мало. Ихъ круглый годъ держатъ въ сараяхъ и кормятъ стеблемъ джугары; у зажиточнаго хозяина не бываетъ болѣе 10 или 15 головъ. Рогатый скотъ вообще очень мелокъ, слабосиленъ и содержится хозяевами преимущественно только для однихъ полевыхъ работъ. Верблюды одnogорбой породы сильны, рослы, поднимаютъ отъ 15 до 18 пудовъ тяжести. Ихъ держатъ весьма немногіе хозяева, производя внутреннюю перевозку своихъ произведеній большею частью на арбахъ; для караванныхъ же отправленій верблюды обыкновенно нанимаются у коченыхъ племенъ.

Лошади въ Хивѣ трехъ породъ: киргизскія, корабаиры и аргамаки. Первыя малорослы, слабосильны и неуклюжи; онѣ употребляются для полевыхъ работъ и въ упряжь, а подъ верхъ только небогатыми людьми. Вторая порода происходитъ отъ помѣси киргизской матки съ аргамакомъ; лошади этой породы крѣпки и довольно статны, на низкихъ ногахъ, широкогрудыя и съ сильными крестцами; онѣ употребляются только подъ верхъ. Аргамаки суть лошади чистой туркменской породы, о которой уже было сказано при обзорѣ Туркменіи. Двѣ послѣднія породы лошадей составляютъ предметъ роскоши у хивинцевъ и цѣнятся весьма дорого. Никакихъ военныхъ заводовъ, ни табуновъ не существуетъ; аргамаковъ покупаютъ или вымѣниваютъ у юмудовъ, кочующихъ въ осѣдлой части ханства и занимающихся ихъ разведеніемъ, впрочемъ въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Что касается до скотоводства различныхъ кочевыхъ племенъ ханства, то оно весьма различно; къ тому же свѣдѣнія наши по этой части весьма не полны и даже бѣдны.

Наконецъ, шелководствомъ занимаются преимущественно жители южной полосы ханства: но кажется не съ большимъ успѣхомъ и добываемый въ ханствѣ шелкъ не имѣетъ хорошей цѣны.

Мануфактурная промышленность въ Хивѣ несравненно менѣе развита, чѣмъ въ другихъ среднеазиатскихъ ханствахъ, и не удовлетворяетъ даже самымъ ограниченнымъ потребностямъ ее жителей. Она заключается въ домашней выдѣлкѣ самыхъ грубыхъ полупелковыхъ и бумажныхъ издѣлій. Изъ первыхъ хивяцы дѣлаютъ халаты, а изъ бумаги ткютъ толстое полотно, которое, неокрашенное, извѣстно подъ названіемъ бязи, а окрашенное въ синій цвѣтъ — называется *буякъ*. Изъ этихъ матерій хивяцы готовятъ всю свою одежду. Металлическаго производства почти не существуетъ вовсе; всѣ необходимыя издѣлія изъ желѣза, чугуна и мѣди доставляются изъ Россіи. О приготовленіи стекла въ Хивѣ, какъ и во всей Средней Азій, не имѣютъ понятія. Порохъ, весьма дурнаго качества, готовится въ незначительномъ количествѣ въ окрестностяхъ Куяя-Ургенча.

Внутренняя торговля ханства незначительна; она почти исключительно находится въ рукахъ сартовъ и производится во всѣхъ городахъ въ опредѣленные базарные дни, ограничиваясь обмѣномъ сырыхъ произведеній и домашнихъ издѣлій. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ только кочевники и нѣтъ ни одного дома, изъ нѣсколькихъ мазанокъ устраивается рынокъ «базарлидшай» для ярмарки, которая носитъ характеръ празднества. Среднеазіяецъ, недорожащій своимъ вре-

менемъ, часто прѣзжаетъ на ярмарку за 20 и за 30 верстъ, чтобы купить тамъ нѣсколько иглокъ или другихъ мелочей. На хивинскихъ базарахъ туркмены закупаютъ разнаго рода хлѣбъ, а въ замѣнъ приводятъ туда персидскихъ невольниковъ, продажа которыхъ составляетъ въ Хивѣ весьма важную отрасль промышленности. Вообще, внутренняя торговля ханства преимущественно мѣновая, и только одни невольники покупаются на чистыя деньги. Корыстолюбіе хана и чиновниковъ, тяжелыя пошліны, налагаемыя на всѣ товары и даже на предметы первой потребности и, наконецъ, разбой и грабежи, совершаемые туркменами, препятствуютъ развитію внутренней торговой дѣятельности. Хива, Ургенчъ и Кунградъ считаются самыми промышленными и торговыми городами ханства.

Внѣшнюю торговлю Хива ведетъ съ Россією и среднеазиатскими ханствами, а также съ киргизами и туркменами. Хивинскіе караваны, числомъ отъ 1000 до 2000 верблюдовъ, идутъ весною въ Оренбургъ, а осенью — въ Астрахань, неся хлопокъ, шелкъ, кожи, халаты и плоды въ Нижній Новгородъ, и берутъ оттуда котлы, чугунную посуду, ситецъ, преимущественно мебельный, идущій на женскія платья и рубашки, сукно, сахаръ, желѣзо, плохія ружья и нѣкоторые галантерейные товары.

Сношенія между Хивою и Астрабадомъ, ведутъ одни только юмуды, привозяще на 100 или на 150 верблюдахъ буквое дерево для гребней и небольшое количество нефти. Съ Бухарою торговля нѣсколько оживленнѣе; туда вывозятся халаты и полотно, а тамъ покупается чай, пряные корни, бумага.

Наибольшая цифра торговыхъ оборотовъ выпадаетъ на Россію; общій вывозъ въ Хиву доходитъ до 2 м. руб., а вывозъ оттуда въ Россію около 1 м. рублей; преобладающимъ предметомъ вывоза изъ Хивы служатъ хлопчатая бумага, свыше 500 т. рублей, а ввоза туда сукна и бумажныя ткани; послѣднихъ на сумму около 1 м. рублей.

При ровной поверхности ханства внутреннія сухопутныя сообщенія представляютъ нѣкоторыя затрудненія для движенія, только на переправахъ черезъ каналы или такъ называемыя арыки. Мосты, устроенные черезъ главные каналы, весьма вѣрочны, состоятъ изъ нѣсколькихъ жердей съ набросанною на нихъ землею. Впрочемъ, матеріалы для исправленія этихъ мостовъ имѣются вездѣ подъ рукою въ прилежащихъ садахъ. Всѣ небольшіе арыки проходимы въ бродъ; только мѣстами, для переправы черезъ нихъ, необходимо дѣлать сусски. Несмотря на то, что ханство орошено судоходною рѣкою и перерѣзано множествомъ каналовъ, удобныхъ для сплава, хивинцы мало пользуются

этими водяными сообщениями. По Аму-Дарьѣ и ея каналамъ сплавляются только хлѣбъ и соевъ изъ сѣверной части ханства въ Хиву, а отсюда иногда посылаются товары въ Бухару. Хивинскія лодки, ходящія по Аму-Дарьѣ, плоскодонныя, имѣютъ отъ 24 до 36 футовъ длины; нѣкоторыя изъ нихъ поднимаютъ до 500 пудовъ. Каракалпаки, занимающіеся рыболовствомъ на Азовскомъ морѣ, имѣютъ около 150 лодокъ, изъ которыхъ самыя большія поднимаютъ 300 пудовъ.

Способъ сухопутныхъ сообщеній состоитъ прежде всего въ верховой ѣздѣ по всѣмъ направленіямъ, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, при распространеніи любопытныхъ новостей кочевники дѣлаютъ въ день болѣе 120 верстъ. Затѣмъ слѣдуетъ сообщеніе посредствомъ вьючныхъ транспортовъ или каравановъ на верблюдахъ, со скоростью отъ 25 до 40 верстъ въ день.

Сухопутныя караванныя и телѣжныя дороги заслуживаютъ вниманія болѣе другихъ, такъ какъ по нимъ совершается торговое движеніе между Хивою и Европейскою Россіею, и по этимъ же дорогамъ, конечно, въ случаѣ надобности, будутъ направлены и войска. Но какъ степи, въ строгомъ смыслѣ, проходимы вездѣ, кромѣ грязныхъ солонцовъ, то подъ именемъ дорогъ надо понимать просто направленія отъ одного урочища до другаго, а не такую искусственную дорогу, которую мы понимаемъ въ Европѣ. Такого рода направленія, наиболѣе заслуживающія вниманія, суть слѣдующія:

1) Отъ станицы Сарайчиковской, на нижнемъ Уралѣ, чрезъ нижнюю Эмбу, Мынь-су-Алманъ, Барса Кильмасъ до Хивы. Этотъ путь самый древній; онъ имѣетъ болѣе 1000 верстъ протяженія.

2) Изъ Оренбурга въ Хиву чрезъ Акъ-Тюбинскъ, верхнюю Эмбу, Эмбенское укрѣпленіе, прямо на югъ до Айбугира и отсюда въ Хиву чрезъ Кунградъ или Куня-Ургенчъ. Послѣдній путь отъ Оренбурга до Хивы равняется 1395 верстамъ.

3) Путь отъ Орска чрезъ Карабутабъ и Иргизъ до Казалинска и далѣе по восточному берегу Аральскаго моря. Между Орскомъ и Казалинскомъ почтовый трактъ въ 739 верстъ протяженія; далѣе же отъ Казалинска идетъ нѣсколько путей. Всѣ они имѣютъ то важное преимущество передъ дорогами, идущими по западную сторону Аральскаго моря, что по нимъ отъ нашихъ осѣдлостей до Хивы разстоянія нѣсколько сотъ верстъ меньше и притомъ почти повсюду есть кормъ, вода и топливо, хотя и въ весьма малыхъ количествахъ, такъ что движеніе большихъ отрядовъ, даже эшелонами весьма неудобно.

4) Затрудненія для движенія по этимъ дорогамъ заставили обра-

тять вниманіе на дорогу вдоль Яны-Дарьи; поэтому въ теченіе времени съ 1868 по 1870 г. былъ изслѣдованъ путь изъ форта «Перовскій» чрезъ Иррибай; но и онъ оказывается неудобнымъ. Разстояніе его до Хивы 750 верстъ.

Этотъ очеркъ сухопутныхъ сообщеній показываетъ, почему, ничтожное само по себѣ, Хивинское ханство можетъ почти безнаказанно вредить намъ. Слѣду ея составляетъ труднодоступность его предѣловъ, которая и позволяетъ наносить намъ вредъ высылкою и поддержкою хищниковъ въ наши предѣлы, захватомъ въ плѣнъ людей, грабежомъ каравановъ, что оно и дѣлаетъ съ давняго времени. Чтобы не бороться съ нимъ безуспѣшно, при самомъ утвержденіи нашемъ на Сырь-Дарьѣ, какъ уже было сказано выше, предполагалось воспользоваться Аральскимъ моремъ для устройства водяныхъ сообщеній, которыя, будучи удобнѣе сухопутныхъ, могутъ, при надобности, въ самый короткий срокъ, дать возможность сдѣлать высадку нашихъ войскъ въ дельтѣ Аму-Дарьи. Однако и этотъ путь нашихъ дѣйствій имѣетъ свои недостатки.

Сѣверный берегъ Аральскаго моря совершенно пустыненъ, почему никакъ не можетъ служить основаніемъ для нашихъ дѣйствій. За исключеніемъ одного мѣста, онъ не имѣетъ ни одной гавани, гдѣ бы можно было собрать войска, запасы и перевозочную флотилію. Поэтому за базисъ можно принять Казалинскъ на Сырь-Дарьѣ, который удаленъ на 740 верстъ отъ береговъ Урала и на 920 — отъ Ташкента, гдѣ только и могутъ дѣлаться нужныя заготовки. Кромѣ затрудненій, состоящихъ въ перевозкѣ тяжестей, заготовкѣ топлива и проч., необходимо будетъ еще преодолѣть препятствія, заключающіяся въ меляхъ, барахъ на Сырь и Аму-Дарьѣ. Тотчасъ по высадкѣ понадобятся средства совершенно другаго рода: сухопутныя перевозочныя, лошади, верблюды и проч.

Изъ всѣхъ городовъ ханства, только Хива и Ново-Ургенчъ заслуживаютъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, это названіе, заключаая въ стѣнахъ своихъ нѣсколько значительное населеніе и являя въ большей степени признаки торговой дѣятельности.

Общая характеристика хивинскихъ городовъ можетъ быть выражена въ слѣдующемъ очеркѣ.

Всѣ почти города ханства обнесены глиняными стѣнами, непрочность которыхъ, соединяясь съ недостаткомъ всякаго оборонительнаго вооруженія, не даетъ имъ совершенно никакого военнаго значенія. Окрестности всѣхъ городовъ состоятъ изъ обработанныхъ полей, посреди которыхъ разбросаны дома, отдѣльно одинъ отъ другаго стоящіе. Въ продолженіе большей части года, городскіе и окрестные жители поль-

зуются водою изъ канавъ; но съ позднѣею осенью, когда главные каналы мелятъ и не могутъ уже разносить воду въ средніе каналы, хивинцы вырываютъ колодцы, которые хотя очень неглубоки и скоро вычерпываются, зато и легко замѣняются другими, по причинѣ близкаго и почти повсемѣстнаго присутствія воды подъ землею *). Дома, лавки и городскія стѣны построены, во всѣхъ городахъ, на одинъ ладъ и одинаковымъ способамъ, и всюду представляютъ единообразный видъ; только нѣкоторыя жилища ханскія или зажиточныхъ людей отличаются отъ прочихъ величиною своихъ размѣровъ и нѣкоторою тщательностію въ отдѣлкѣ. О каменныхъ строеніяхъ, которыхъ, впрочемъ, весьма мало, будемъ говорить при описаніи городовъ, гдѣ такія зданія находятся.

Матеріалы, употребляемые хивинцами для построекъ, суть: тополевыя столбы, кустарникъ и глина, перемѣшанная, для большей прочности, съ соломой.

Городскія стѣны строятся слѣдующимъ образомъ: на разстояніи 10 сажень, врываются въ землю столбы изъ пирамидальнаго тополя; между нихъ ставятся стоймя, въ нѣсколько ярусовъ, кустарникъ, связываемый перекладинами; потомъ все это обмазывается съ обѣихъ сторонъ глиною, толстыми слоями, такъ что стѣна имѣетъ обыкновенно внизу до 4 саж. толщины, но всегда суживается къ верху. Вокругъ стѣны складываются, тоже изъ глины, на разстояніи отъ 10—25 сажень, коуэртфорсы, въ видѣ разрѣзныхъ сверху до основанія конусовъ. Высота стѣны имѣетъ до 4 сажень; вокругъ нея продѣланы бойницы для ружейныхъ выстрѣловъ. Мѣста для воротъ складываютъ изъ камня, а на половинки употребляются толстыя доски изъ одного прочнаго дерева, называемаго хивинцами *наруанъ*.

Всѣ дома, безъ изъятія, окружаются точно такими же стѣнами, какъ вышеописанная, съ тою только разницею, что объемъ ихъ зависитъ отъ воли или достатка хозяина. Внутренняя площадь заключаетъ въ себѣ жилье и садъ. Часть, занятая жильемъ, устроивается обыкновенно такъ, что крытый корридоръ, примыкающій къ наружнымъ воротамъ, раздѣляетъ ее на двѣ половинны; каждая изъ этихъ половинокъ разгорожена глиняными стѣнами, которыя образуютъ нѣсколько четверугольныхъ боль-

*) Вода этихъ колодцевъ не ключевая. Полагаютъ, что почти повсемѣстное ея присутствіе на столь небольшой глубинѣ можно объяснить непрерывными орошеніями поверхности земли каналами. Просачиваясь сквозь рыхлыя слои пашень, вода доходитъ до густыхъ и часто глинистыхъ пластовъ, находящихся ниже первыхъ, которые, по неуровниваемости своей, составляютъ родъ малыхъ подземныхъ водохранилищъ.

шихъ дворовъ: вдоль боковъ этихъ внутреннихъ стѣнъ устроены отдѣльныя комнаты, одна возлѣ другой, съ плоскими крышами, рѣшетчатыми окнами и рѣзными дверями. На плоской крышѣ этихъ комнатъ тянется крытая галерея. Посреди каждаго изъ дворовъ находится обыкновенно бассейнъ съ водою вокругъ котораго растутъ нѣсколько виноградныхъ лозъ и тополей.

Всѣхъ городовъ въ ханствѣ Вамбери насчитывается 32, но большинство изъ нихъ совершенно ничтожны, и мы остановились только на тѣхъ изъ нихъ, которые сколько нибудь заслуживаютъ вниманія въ какомъ либо отношеніи; такіе города и мѣстечки лежатъ почти исключительно на лѣвомъ берегу рѣки Аму-Дарьи и, начиная съ юга, идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

1) *Хазаръ-асиъ*, укрѣпленный городокъ на одномъ изъ рукавовъ канала Полванъ-ата, съ значительнымъ числомъ лавокъ; населенъ узбеками и сартами.

2) *Ханки*, мѣстечко съ нѣсколькими десятками лавокъ, имѣющее укрѣпленіе.

3) *Ургенчъ*, въ 31 верстѣ отъ Хивы, одинъ изъ значительныхъ городковъ ханства, былъ когда-то обнесенъ четырехъугольною глиняною стѣною, имѣвшею 225 сажень длины и 200 ширины, отъ которой теперь остались только обломки. Городъ застроенъ въ безпорядкѣ глиняными домами, числомъ до 300; въ немъ считалось до 15 мечетей и до 300 лавокъ; городское населеніе доходитъ до 2000 душъ; въ этомъ городѣ живутъ богатѣйшіе хивинскіе купцы, и здѣсь сосредоточивается главная торговая и ремесленная дѣятельность; иеземные купцы производятъ здѣсь закупку товаровъ.

4) *Китай*, состоитъ изъ ханскаго дома съ башнею и небольшого числа частныхъ домовъ.

5) *Бенгъ* — крѣпостца на берегу Аму-Дарьѣ.

6) *Ходжейли* городъ не укрѣпленъ и состоитъ изъ 180 домовъ и 150 лавокъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ.

7) *Кумрадъ*, состоитъ изъ ханскаго дома, окруженнаго стариннымъ садомъ, изъ домовъ начальника города и двухъ его помощниковъ, 7 мечетей, 315 лавокъ и нѣсколькихъ частныхъ домиковъ; всѣ строения глиняныя и все обнесено стѣнами. Въ прежнее время городъ былъ укрѣпленъ и управлялся независимо отъ Хивы, и иногда даже дѣлая набѣги на ханство.

Всѣ указанныя до сихъ поръ города лежатъ если не на самой рѣкѣ Аму-Дарьѣ, то по крайней мѣрѣ въ самомъ близкомъ отъ нея разстояніи.

Слѣдующіе города лежатъ уже далѣе въ западу отъ рѣки и идутъ, начиная съ сѣвера, въ слѣдующемъ порядкѣ.

8) *Куня-Ургенчъ*, одинъ изъ самыхъ старыхъ городовъ ханства, имѣющій множество развалинъ. О разореніи этого города калмыками существуютъ весьма неясныя преданія. Вновь заселенная часть города находится вблизи развалинъ. Главныя зданія суть: ханскій домъ съ садомъ, обнесеннымъ глиняною стѣною; домовъ считается около 35, а лавокъ до 70. Здѣсь находится таможенная застава, на которой пророчемъ не осматриваютъ товары, а приводится только въ извѣстность число верблюдовъ, тюковъ и проходящихъ купеческихъ каравановъ.

9) *Норсу* къ юговостоку отъ Куня-Ургенча; мѣстечко имѣетъ историческую извѣстность, потому что здѣсь былъ убитъ князь Бекевичъ-Черкасскій.

10) *Ташаусъ* укрѣпленъ четырехугольною стѣною съ круглыми башнями. Длина стѣны 300 сажень, высота 4 саж. толщина, внизу 3 саж., а вверху $1\frac{1}{2}$ фута, во многихъ мѣстахъ стѣна равалилась; внутри укрѣпленія никто не живетъ, и въ немъ нѣтъ никакихъ военныхъ запасовъ и средствъ къ оборонѣ.

11) *Шахъ-абатъ*, обведенъ глиняною стѣною, развалившеюся; въ городѣ считается до 100 лавокъ.

12) *Кошъ-кунуръ* обнесенъ глиняною стѣною въ 150 сажень длины.

13) *Хива*, главный городъ ханства и мѣстопребываніе хивинскихъ хановъ; она обнесена двумя глиняными стѣнами, съ башнями по угламъ. Въ Хивѣ находятся: два ханскихъ дворца, 17 мечетей, 22 медресе, караванъ-сарай, крытый рынокъ и 260 лавокъ, разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ города.

Изъ строеній замѣчательнѣйшія суть: 1) мечеть Нолванъ-Ата. Она выстроена въ честь святого того же имени, ханомъ Мухамедъ-Рахимомъ, въ 1811 году; имѣетъ въ длину 10, а въ ширину 7 сажень; сложена изъ кирпича и украшена куполомъ зеленого цвѣта съ позолоченною маковкою. Внутренность мечети вся выложена пестрыми и голубыми изразцами, и раздѣляется на два отдѣла: въ первомъ, противъ входа, поставлена, на возвышеніи, гробница хана Мухамедъ-Рахима, окруженная мѣдною рѣшеткою; надъ гробницею повѣшена люстра *) и знамя, принадлежавшее покойному хану. Съ правой и лѣвой стороны этой гробницы устроены еще двѣ: въ одной похороненъ киргизскій ханъ Ширгазы, въ другой Алла-Кули-Ханъ, умершій въ 1842 году. Во второмъ отдѣлѣ мечети,

*) Вывезенная, въ 1817 году, изъ Астрахани, какими-то хивинскимъ купцомъ.

слабо освѣщенномъ однимъ небольшою рѣшетчатую окномъ, сооружена гробница св. Полвану, имѣющая 12 футовъ длины, 5 ширины и 4 вышины. 2) Мечеть Сентъ-Бай построена изъ кирпичей при ханѣ Алла-Куль, въ 1835 году; украшена каменными колоннами, имѣетъ довольно правильные разѣры и освѣщается большими готическими окнами, безъ стеколъ, но съ желѣзными рѣшетками; верхъ мечети покрытъ плоскою крышею. 3) Ханскій дворецъ (арикъ) построенъ возлѣ городскихъ вѣровъ Шермухамедъ Ата. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій; нѣкоторыя занимаютъ ханомъ и его семействомъ, другія назначены для главныхъ сановниковъ; каждый изъ нихъ имѣетъ въ этомъ дворцѣ свою особенную комнату, куда обязанъ приходитъ послѣ вечерней молитвы и ожидать ханскихъ приказаній; кругомъ дворца глиняная стѣна. Противъ главнаго входа вырыта яма въ 15 футовъ глубины; въ ней казнятъ преступниковъ. 4) Караванъ-сарай построенъ въ 1823 году при ханѣ Мухамедъ-Рахимѣ; расположенъ въ восточной части города, и одна стѣна его составляетъ часть городской; сложенъ изъ кирпича въ два этажа, правильнымъ четырехугольникомъ, внутри котораго находится площадь, для выгрузки товаровъ; каждый бокъ караванъ-сарая имѣетъ 30 сажень, въ немъ 46 лавокъ въ нижнемъ этажѣ и столько же комнатъ въ верхнемъ для жилья торговцевъ; ворота одни, съ южной стороны. Къ караванъ-сарая примыкаютъ крытые ряды, построенные изъ глины. Площадей въ Хивѣ нѣтъ; улицы узки, извилисты, до невѣроятности нечисты, и общій видъ города представляетъ одну безобразную груду глиняныхъ глыбъ. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и пятницамъ, около лавокъ, расположенныхъ вдоль городской стѣны, и привлекаетъ довольно большое число жителей окрестныхъ хуторовъ и городовъ. Народонаселеніе Хивы не превышаетъ 4,000 душъ обоего пола и состоитъ преимущественно изъ чиновниковъ, духовенства и купчества. Между ними преобладаютъ сарты, потомъ слѣдуютъ персіяне и узбеки. Окрестность города состоитъ изъ обработанныхъ полей, садовъ и домовъ, принадлежащихъ большею частію хану и его приближеннымъ; въ числѣ этихъ дачъ, нѣсколько опрятнѣе и красивѣе прочихъ ханскій домикъ Ангерикъ. *)

Что касается до образа правленія, то хивинскій ханъ есть неограниченный повелитель всего ханства и пользуется всѣми атрибутами власти; судебную власть онъ отчасти раздѣляетъ съ духовенствомъ. Ближайшими лицами хана считаются слѣдующіе сановники:

*) Россійская императорская миссія, проходившая въ 1842 году въ Хивѣ, имѣла въ немъ свое пребываніе.

1) *Инагъ*; — ихъ обыкновенно бываетъ четыре, изъ которыхъ два должны быть ближайшими родственниками хана, а два изъ одного рода съ ханомъ.

2) *Накибъ* — глава духовенства, всегда избирается изъ сеидовъ, т. е. потомковъ пророка.

3) *Бий* — ближайшій спутникъ хана на войнѣ.

4) *Аталикъ* — родъ государственныхъ совѣтниковъ.

5) *Мехтеръ* — родъ великаго визиря; онъ есть главный казначей, завѣдующій всѣми приходами и расходами.

6) *Кушъ-Бей* — раздѣляетъ должность съ мехтеромъ по части сбора податей и наблюдаетъ за расчисткою водопроводовъ.

За этимъ рядомъ главныхъ сановниковъ слѣдуетъ много мелкихъ чиновниковъ, занимающихъ военныя и гражданскія должности.

Судебная расправа обыкновенно производится лично самимъ ханомъ, приговоры котораго немедленно и приводятся въ исполненіе. По отсутствію законовъ, всѣ дѣла рѣшаются по произволу и всегда въ пользу ханской казны. Наказанія, налагаемыя ханомъ, какъ уже было замѣчено выше, отячаются большою жестокостію. Виновные въ обыкновенныхъ проступкахъ лишаются всего имущества или подвергаются тѣлеснымъ истязаніямъ, а за преступленія приговариваются къ самымъ мучительнымъ истязаніямъ. Духовному разбирательству по корану подлежатъ только незначительныя проступки, и то по обоюдному соглашенію тяжущихся. Въ послѣднее время, съ усиленіемъ ханскаго единовластія, власть духовенства въ судебномъ отношеніи весьма понизилась.

Ханъ ежедневно самъ творитъ судъ и расправу. Такъ какъ въ это время допускается всякій, то хану весьма часто приходится выслушивать и улаживать самыя мелочныя семейныя ссоры. Рассказываютъ, что хана очень занимаетъ, когда какая нибудь раздраженная чета начинаетъ передъ нимъ спорить и кричать; онъ всячески старается еще больше разжечь ихъ, и хохочетъ до слезъ, когда нѣжныя супруги начинаютъ передъ нимъ драться, валяясь въ пылъ.

Финансы Хивинскаго ханства весьма незначительны; они состоятъ изъ разнаго рода поземельной подати и налога на скотъ и торговлю. Сборъ всегда сопровождается злоупотребленіями, которыхъ не чуждъ и самъ правитель. По свидѣтельству Давилевскаго, въ 1842 году весь доходъ ханства могъ считаться доходящимъ до 800,000 рублей. Естественно, что нынѣ, вслѣдствіе внутреннихъ беспорядковъ и отложенія съ того времени почти всѣхъ туркменскихъ племенъ, доходъ этотъ значительно уменьшился.

Вооруженныя силы Хивинскаго ханства состоятъ изъ регулярной пѣхоты и коннаго ополченія. Регулярное войско, сформированное въ 1850 году по примѣру Бухары, состоитъ изъ одного батальона, пополняемаго преимущественно плѣнными персіянами; хотя численность этого батальона и полагается въ 1,000 человекъ, но въ дѣйствительности онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ сарбазовъ, главная обязанность которыхъ состоитъ въ охраненіи особы хана. Одежда ихъ состоитъ изъ красной тиковой или нанковой куртки, шаровартъ, бараньей шапки и неуклюжихъ большихъ сапоговъ. Вооружены сарбазы плохими ружьями и саблями; содержаніе они получаютъ въ опредѣленномъ размѣрѣ натурою или деньгами. Это войско не имѣетъ никакого понятія о военномъ дѣлѣ.

Конное ополченіе, набираемое только въ военное время, состоитъ большею частью изъ туркменъ. До 1855 года хивинскіе ханы выставляли отъ 20 до 35 тысячъ всадниковъ, вооруженныхъ саблями и копьями, а частью и фитильными ружьями. Во время похода ополченіе получаетъ по 5 тиллей жалованья и столько же за каждую павшую лошадь *). Артиллерія состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ плохихъ орудій, съ которыми хивинцы почти вовсе неумѣютъ обращаться.

Вообще хивинцы, не исключая узбековъ, не отличаются храбростью, но, не испытавъ еще ни одного пораженія отъ регулярныхъ войскъ, они вполне увѣрены въ своей силѣ и въ томъ, что имъ некого бояться.

Оканчивая очеркъ Хивинскаго ханства, не излишнимъ будетъ сказать о значеніи его для насъ, какъ предмета дѣйствій нашихъ военныхъ операцій. Оцѣнка эта сдѣлана весьма подробно г. Венюковымъ, въ его замѣчательномъ трудѣ «Матеріалы для военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи». Здѣсь онъ подробно разсматриваетъ всѣ наши средства и вѣроятные пути и способы дѣйствій противъ Хивинскаго ханства. Мы приведемъ тѣ выводы, къ которымъ пришелъ изслѣдователь.

Если бы, вслѣдствіе долговременной исторической непріязни Хивы къ Россіи и исторической же неотъемлемости поступательнаго движенія послѣдней по Средней Азіи, пришлось принять противъ Хивы рѣшительныя мѣры, то на этомъ пути Россія встрѣтитъ гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ то было доселѣ на всемъ протяженіи отъ береговъ Урала и Иртыша до Небесныхъ горъ и Міанкальской долины. Главная причина тому, впрочемъ, заключается не въ военномъ и политическомъ

*) Тилля—золотая монета равная 4 р.,—серебряная=2 р.; тенья—серебр. монета=20 к.; шаи=5 к.; пуль=½ к.

могущество Хивы, а въ ея труднодоступности. И въ самомъ дѣлѣ, разсматривая пути дѣйствія изъ Россіи въ Хиву, мы находимъ:

Со стороны Каспійскаго моря можно идти тремя дорогами: отъ Красноводска, отъ форта Александровска и отъ бывшаго укрѣпленія Александровскаго у Мертваго Култука. Но послѣдняя мѣстность въ настоящее время пустыня, и потому не можетъ служить базой для войскъ, тѣмъ больше, что и доступъ въ ней съ моря труденъ. Фортъ Александровскій, лежащій на краю Мангышлака, въ 900 верстахъ отъ Хивы, былъ бы не менѣе неудобнымъ исходнымъ пунктомъ для военной экспедиціи. По дорогѣ изъ Красноводска возможность похода дознана опытомъ, по крайней мѣрѣ до Сары-камышя; но этотъ путь также представляетъ огромныя трудности отъ недостатка воды и травъ, а главное, отъ полнѣйшей зависимости, въ которую наступающій отрядъ станетъ отъ туркменовъ, непріязненныя отношенія къ которымъ могутъ крайне обезпечить движеніе и даже разстроить его совсѣмъ, лишавъ войска перевозочныхъ средствъ. Судя по свойствамъ, осмотрѣнныхъ въ 1871 году мѣстностей, позволительно еще сомнѣваться, можноли отъ Красноводска двинуть на Хиву болѣе двухъ баталіоновъ съ батареею, отъ кавалеріи же, повидямому, предстоитъ отказаться почти совсѣмъ, хотя именно она-то и необходима въ степяхъ.

Пути съ Урала черезъ эмбенскія степи и Усть-Урть, т. е. западнѣе Аральскаго моря, представляютъ почти столько же неудобствъ, какъ и отъ Каспійскаго моря. Допустимъ даже, что здѣсь мы легче можемъ найти транспортныхъ верблюдовъ отъ подвластныхъ намъ киргизовъ, что здѣсь могутъ быть нами собраны предварительно большіе военные и продовольственные запасы на верхней Эмбѣ; но все-таки путь отъ Эмбы до предѣловъ Хивинскаго оазиса составитъ 900 верстъ почти голой степи, гдѣ войскамъ будетъ предстоять не менѣе лишений, какъ на сарыкамышской дорогѣ, и гдѣ притомъ они могутъ быть обезпечиваемы если не туркменами, то киргизами, преданными Хивѣ, и самими хивинцами.

Путь по Аральскому морю, не смотря на многія важныя преимущества особенно на возможности скорого перехода четырехсотъ верстъ безъ всякой внѣшней опасности, кромѣ случайныхъ бурь, имѣетъ также немаловажныя недостатки. Во-первыхъ, у насъ здѣсь нѣтъ удобныхъ пунктовъ для посадки войскъ на суда; во-вторыхъ, сѣверный берегъ моря самъ по себѣ не есть база, а таковою можетъ служить лишь Сыръ-Дарья, съ полутора футами воды на барѣ; въ-третьихъ, высадка на южномъ берегу Арала также можетъ быть неудачна, если не отъ сопротивленія

жителей, то отъ препятствій, полагаемыхъ природою, ибо вся сѣверная часть дельты Аму-Дарья низменная, болотиста, а при разливахъ даже обращается въ рядъ озеръ и непроходимыхъ топей. Конечно, въ случаѣ войны съ Хивою, намъ не мнновать употребленія этого пути, хотя бы для перваго раза какъ вспомогательнаго; но нужно принять въ расчетъ серьезныя опасности, которыя могутъ встрѣтиться отъ болотной почвы какъ для похода внутрь страны, такъ и для расположенія лагеря. О сухопутныхъ перевозочныхъ средствахъ и говорить нечего: стоятъ только каракалпакамъ уйдти отъ берега Аральскаго моря, чтобы поставить войска въ большое затрудненіе по транспортировкѣ тяжестей. Поэтому аральскій путь представляетъ почти столько же зависимости отъ нашихъ отношеній къ номадамъ, сколько и пути отъ Красноводска и съ Эмбы. А сверхъ того успѣхъ движенія по немъ обуславливается временами года, ибо зимой плаваніе по морю опасно, а лѣтомъ, за исключеніемъ времени полноводья, нельзя съ пароходами подниматься до Кунграда и нужно будетъ высадку дѣлать въ шестидесяти верстахъ сѣвернѣе его, у моря.

Дорога съ низовій Сыра на Кипчакъ или Ходжейли есть кратчайшая между осѣдлостями хивинскими и русскими; но она крайне неудобна для сколько-нибудь значительныхъ военныхъ отрядовъ, по маловодью, множеству солонцовъ, сыпучихъ песковъ и скудости травъ. Сверхъ того, она приводитъ лишь на правый берегъ Аму-Дарья, а не въ центръ Хивинскаго оазиса; переправа же черезъ Оксъ въ хивинскихъ предѣлахъ можетъ представить немаловажныя затрудненія. Также затруднительны и другіе пути.

И такъ, трудводоступность Хивы для наступительнаго движенія со стороны Россіи не подлежитъ сомнѣнію.

Однако, соображая предшествовавшія военныя экспедиціи, отъ временъ Бековича до новѣйшихъ рекогносцировокъ къ Сары-Камышу, Иркибаю и Дау-Каръ и до плаванія къ Кунграду, можно безъ большой ошибки предположить, что слѣдующія движенія исполнимы съ значительною вѣроятностью повсемѣстнаго и окончательнаго успѣха.

Отъ *Красноводска* или отъ Балханицкихъ горъ съ отрядомъ въ два батальона пѣхоты, воelmi орудій артилеріи и сотни казаковъ, который долженъ будетъ уменьшиться въ составъ своемъ на половину, чтобы основать вдоль операціонной линіи рядъ крѣпленныхъ этаповъ. Для такого движенія нужно не менѣе 60 дней времени и до 2,500 верблюдовъ для перевозки тяжестей продовольственныхъ, госпитальныхъ, артилерійскихъ и разныхъ другихъ.

Съ *Эмбы*, по западному берегу Арала, через перешеекъ, отдѣляющій отъ него озеро Айбугирь на Кунградъ, или по западной сторонѣ того озера на Куня-Ургенчъ — полтора батальона съ четырьмя орудіями и сотнею казаковъ, изъ которыхъ одну пѣхотную роту и два орудія слѣдуетъ оставить близъ Ургу-Муруна для охраны пути и для устройства этапа, который бы могъ принимать и хранить запасы, подвозимые съ *Эмбы* и по Аральскому морю. Отряду этому нужно имѣть до 2,200 верблюдовъ и до Ургу-Муруна слѣдовать по-эшелонно.

Изъ *Казалинска* по Сыру и Аральскому морю — полтора батальона пѣхоты, четыре орудія и сотня казаковъ, которые, при наличномъ составѣ аральской флотиліи, если только она будетъ вполнѣ исправна, могутъ значительную часть своихъ тяжестей отправить водою до залива Туше-Басъ, а въ тылу устроить этапъ на Иркибаѣ.

Для производства подобнаго трехсторонняго наступленія на *Хиву*, которое во многихъ отношеніяхъ удобнѣе и выгоднѣе всякаго движенія по одной дорогѣ, лучшее время года есть осень, отъ конца августа по конецъ ноябрю, или же весна, съ половины марта до половины мая. Движенія съ *Эмбы* и отъ *Красноводска* могутъ быть начаты почти одновременно, не смотря на разницу разстояній, такъ какъ *красноводскій* отрядъ пойдетъ этапами, которые нужно еще устроить. Отъ устья же *Сыр-Дарьи* флотилія съ запасами отправится тогда, когда *эмбенскій* отрядъ станетъ въ урочищѣ *Акь-Суатъ*.

При этомъ условіи, войска всѣхъ трехъ отрядовъ придутъ на границы *Хивинскаго* оазиса почти одновременно. Устрашенная *Хива*, если не изъявитъ покорности въ самый моментъ прибытія отрядовъ, неизбежно будетъ покорена, и для такого завоеванія, конечно, потребуется не много времени. Полагая, что *эмбенскій* и *красноводскій* отряды соединятся у *Куня-Ургенча* и затѣмъ, открывъ сообщеніе съ *туркестанскимъ*, двинутся по ханству, довольно двухъ недѣль для похода на самую *Хиву*, участь которой едва ли можетъ быть рѣшена съ большимъ усиліемъ, чѣмъ участь *Ташкента*, города съ 60.000 жителей, взятаго отрядомъ въ 900 съ небольшимъ штыковъ. По взятіи же главнаго города ханства, покореніе остальныхъ есть дѣло второстепенной важности, и если потребуетъ въ котораго усилія дѣйствующихъ войскъ, то это можетъ быть безъ труда исполнено черезъ вызовъ съ этаповъ заднихъ частей *красноводскаго* отряда и подвозъ новыхъ силъ съ *везовъ* *Сыра*. Да едва-ли это и понадобится, такъ какъ *туркестанскій* отрядъ, въ свою очередь, двинувшись вдоль самой *Аму-Дарьи* и овладѣвъ шлюзами *каналовъ*, можетъ нанести окончательный ударъ *хивинцамъ*.

Успѣхъ дѣйствию отчасти гарантированъ слабостью Хивинскаго ханства. Допустимъ, что теперь заведены въ Хивѣ сарбазы, что ею получено изъ Индіи нѣсколько тысячъ порядочныхъ ружей, можетъ быть нѣсколько хорошаго пороха и другихъ военныхъ запасовъ; что, наконецъ, у хана есть до 60 орудій съ лафетами: откуда хивинскому войску было взять дисциплину, тактическое образованіе, хорошихъ генераловъ, боевую опытность и прочую организацію военного хозяйства, которая бы обезпечивала возможность продолжительной борьбы? Всего этого нѣтъ, а между тѣмъ хану придется, при первомъ же извѣстіи о движеніи нашихъ войскъ отъ Эмбы и Красноводска, собрать свое воинство, которое однимъ своимъ пребываніемъ въ странѣ истощитъ ее, и если даже будетъ имѣть смѣлость пойти впередъ для задержанія движенія нашихъ отрядовъ, то, возвратясь усталымъ и, вѣроятно, разбитымъ, только увеличитъ общую безурядицу, общій страхъ. О мѣрѣ же этого страха можно судить по испугу хивинцевъ при извѣстіи о походѣ въ 1871 году трехъ съ половиною ротъ отъ Ташъ-Арватъ-Калы къ Сары-Камышу.

О народной войнѣ въ предѣлахъ самаго Хивинскаго оазиса нѣтъ нужды и говорить: народы, подавленные вѣковымъ деспотизмомъ, вовсе къ ней неспособны, и можно даже сказать, что утвержденіе русской власти въ Хивѣ едва ли встрѣтитъ больше препятствій, чѣмъ было въ Ташкентѣ, Самаркандѣ, Кулуджѣ. Такимъ образомъ, экспедиція противъ Хивы въ сущности сводится на обыкновенный степной походъ, котораго главная трудность есть движеніе по бесплоднымъ пространствамъ, а вовсе не встрѣча съ вооруженнымъ противникомъ.

Но прежде, чѣмъ могутъ быть предприняты наступательныя дѣйствія противъ Хивы, мы должны заботиться объ охранѣ собственныхъ предѣловъ отъ вторженія съ ея стороны, и, слѣдовательно, разсмотрѣть здѣсь силы и средства, назначаемыя для такой *обороны*. На всемъ протяженіи береговъ Каспія и Арала, Россія, конечно, безопасна отъ покушеній Хивы, не имѣющей флота. На Сыръ-Дарьѣ, теченіе этой рѣки и линія укрѣпленій вдоль ея также достаточно гарантируетъ наши предѣлы отъ вторженія хивинцевъ и подвластныхъ имъ кочевыхъ народовъ. Но промежутокъ отъ Каспійскаго моря до Аральскаго, въ 300 верстъ шириною, служитъ воротами для хищнаго сброда, вторженія котораго въ послѣднее время получили было особую цѣль: волновать подвластныхъ намъ киргизовъ южной части оренбургской степи и нападать на транспорты и проѣзжихъ вдоль орско-вазалинскаго тракта. Къ замкнутію этихъ-то воротъ и направлены всѣ усилія оренбургскихъ военныхъ начальствъ, которыми построено въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ

лѣтъ въ за-уральской степи не менѣе четырехъ укрѣпленій въ дополненіе къ тремъ, прежде существовавшимъ. Укрѣпленія эти, однако, мало достигаютъ цѣли, потому что поставлены не въ самыхъ воротахъ, на-примѣръ, у песковъ Самъ, а гораздо сѣвернѣе, такъ что оставляютъ промежутки въ нѣсколько сотъ верстъ, весьма удобныя для вторженія хищниковъ. Притомъ, впереди ихъ остаются еще значительныя пространства степей, занятыя нашими киргизами, но ничѣмъ неприкрытыя со стороны Хивы. Вотъ почему, не отрицая у Эмбенскаго поста его административнаго значенія и качества удовлетворительнаго этапнаго пункта на случай будущаго движенія въ Хиву, мы должны сказать, что онъ играетъ второстепенную роль при оборонѣ нашей зауральской степи. О Нижне-Эмбенскомъ укрѣпленіи нельзя утверждать и этого такъ что упраздненіе его, вмѣстѣ съ Карабутакомъ, Акъ-Тюбинскимъ и Уильскимъ укрѣпленіями, было бы очень желательно. Тогда часть употребляемыхъ нынѣ на ихъ занятіе военныхъ силъ и средствъ можно будетъ передвинуть на югъ и тѣмъ достигнуть болѣе дѣйствительнаго охраненія нашихъ предѣловъ съ меньшими тратами. Мысль эта, до нѣкоторой степени, признана въ послѣдніе годы и въ Оренбургѣ; но сдѣланныя оттуда розысканія пока не обнаружили въ за-эмбенскихъ стѣняхъ и на Усти-Уртѣ ни одной мѣстности, годной для устройства прочнаго опорнаго пункта. Поэтому съ оренбургско-уральской линіи ежегодно весной высылаются довольно значительныя подвижныя отряды къ сторонѣ Барсуковъ, Аральскаго моря и сѣвернаго Чивка, ходящіе по степямъ до осени. Отряды эти въ 1871 — 1872 годахъ успѣли гарантировать спокойствіе на орско-казалинской дорогѣ.

Продовольствіе, кромѣ мяса, всѣ оренбургскія стѣнныя укрѣпленія получаютъ изъ-за Урала, помощью вьючной транспортировки, почему оно обходится очень дорого, на-примѣръ для Эмбенскаго поста 9 рублей за четверть муки. Сыръ-дарьинская линія нынѣ кормится собственнымъ хлѣбомъ, изъ окрестностей Церовска; недостающее же количество, особенно морская провизія для флотилии привозится частью изъ Сыръ-дарьинской области. Скотъ для мяса, конечно, всюду есть свой. Обмундировка войскъ оренбургскихъ сполна идетъ изъ Европейской Россіи, а на Сыръ-Дарьѣ часть одежды солдатъ, именно бѣлье и кожаные штаны, дѣлаются изъ мѣстныхъ туркестанскихъ матеріаловъ. Вооруженіе все доставляется изъ Европейской Россіи и состоитъ у стрѣлковыхъ баталіоновъ изъ винтовокъ Бердана, а у прочей регулярной пѣхоты изъ игольчатыхъ ружей, впрочемъ, еще неполна. Казаки же имѣютъ оружіе очень разнообразное, такъ что далеко не всег-

да даже въ одной сотнѣ у всѣхъ людей одинаковыя ружья. Полевая артиллерія имѣетъ орудія, заряжающіяся съ казны; но въ укрѣпленіяхъ орудія старыхъ системъ, гладкостѣнные. Укрѣпленія эти имѣютъ профили, по большей части, полевые или пѣскольно большія ихъ по размѣрамъ, но безъ каменныхъ одеждъ. Впрочемъ, и въ этихъ оградахъ они нуждаются мало, ибо степное укрѣпленіе не есть пунктъ предназначенный для выдержанія осады, а только штабъ-квартира, лагерь подвижнаго отряда или вообще русской военной команды, которой назначеніе, прежде всего, быть военнымъ дозоромъ, разъѣдомъ, а не стражемъ одного даннаго мѣста, гдѣ бы она должна была отсыживаться за крѣпостными стѣнами. Простыя канавы и валики за крѣпостными стѣнами, которыхъ нельзя было бы перескочить на лошади, совершенно достаточны для охраны такого лагеря или, лучше, имѣющихся въ немъ складовъ, а за тѣмъ на случай огнестрѣльной обороны довольно приспособить самыя зданія, занимаемая людьми и складами, не чиня большихъ и сложныхъ верковъ, требующихъ много времени и средствъ на сооруженія и поддержку. Расположеніе укрѣпленій на командующихъ высотахъ, какъ напримѣръ это сдѣлано въ Карабутахъ и въ Нижнѣ-Эмбенскомъ укрѣпленіи, также не требуется, ибо существенной пользы это не приноситъ, а между тѣмъ обыкновенно удаляетъ гарнизонъ отъ воды.

Перевозочныя средства въ при-аральскомъ пограничномъ пространствѣ состоятъ, главнымъ образомъ, въ киргизскихъ вьючныхъ верблюдахъ, изъ которыхъ каждый можетъ поднимать отъ двѣнадцати до шестнадцати пудовъ, смотря по времени года. Въ Каракумскихъ пескахъ верблюдовъ приходится иногда впрягать въ экипажи, такъ какъ лошади оказываются безсильными. Наемная плата за одного хорошаго верблюда въ мѣсяцъ можетъ составить до двадцати рублей серебромъ а иногда и больше, смотря по спросу, предложенію и свойствамъ предстоящаго пути. Изрѣдка перевозка тяжестей производится на телѣгахъ запряженныхъ лошадьми или волами, а вдоль Сыръ-Дарьи постоянно на пароходахъ аральской флотиліи, которые перевозятъ ежегодно до 120,000 пудовъ, и потому требуютъ до 375,000 пудовъ сухого саксаула и значительное количество каменнаго угля.

Въ Хивѣ, не смотря на многочисленность осѣдлаго населенія, перевозочныя средства почти тѣ же, что у киргизовъ, такъ что арбы встрѣчаются рѣдко. За то здѣсь немало вьючныхъ ословъ и муловъ, которые соединяютъ въ себѣ, до нѣкоторой степени, выгоды лошадей и верблюдовъ. Стоитъ замѣтить, что, въ случаѣ степныхъ пходовъ, можно и

даже полезно имѣть всегда нѣкоторый запасъ верблюдовъ безъ вьюковъ, съ пустыми корзинами по бокамъ, дабы съ одной стороны перекладывать на нихъ тяжести съ устающихъ животныхъ, а съ другой везти по-снѣнно людей, что даетъ возможность дѣлать съ цѣхотою переходы отъ тридцати до сорока верстъ въ сутки, дѣлая дневки лишь изрѣдка, на мѣстахъ особенно удобныхъ къ тому.

Врачебныя средства для нашихъ войскъ заключаются въ лазаретахъ по нѣкоторымъ изъ укрѣпленій и въ медикахъ, находящихся при войскахъ. Средства вообще недостаточны, особенно въ случаѣ повальныхъ болѣзней, какъ доказала холера въ 1872 году. При войскахъ Туркестанскаго военнаго округа, по отчету за 1870 годъ, недоставало болѣе половины врачей, положенныхъ по штату. Впрочемъ, задача медицины много облегчается въ при-аральскихъ степяхъ хорошимъ климатомъ, такъ что болѣзненность войскъ здѣсь меньше, чѣмъ, наприимѣръ, въ Казанскомъ округѣ, несмотря на частые походы и ночлеги подъ открытымъ небомъ. Она станетъ еще меньше, если помѣщенія нижнимъ чинамъ улучшатся, такъ какъ доселѣ имъ нерѣдко приходится жить въ землянкахъ. Введеніе въ общее употребленіе двойныхъ войлочныхъ юртъ, которыя бы замѣнили сырыя глиняныя постройки, особенно желательно съ гигиенической точки зрѣнія, тѣмъ больше, что, въ случаѣ зараженія одного мѣста, ихъ можно переносить въ другое; поддержка ихъ въ исправности нетрудна, благодаря сосѣдству киргизовъ, приготовляющихъ войлоки, а пригодность къ перевозкѣ на вьюкахъ можетъ обезпечить для солдатъ крытыя помѣщенія и въ походахъ. Войска давно уже оцѣнили выгоды этого кочевого жилища и столько же любятъ его, какъ чай, который былъ употребляемъ ими задолго до введенія его въ офиціальныя табели ихъ довольствія въ 1872 году.

Таковы наступательныя и оборонительныя средства наши для предстоящихъ дѣйствій въ хивинскомъ ханствѣ.

